

ЦЕНТР КОНСЕРВАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ЛЕВИАФАН

ВЫПУСК 5

КОНТРГЕГЕМОНИЯ И ЕВРОЦЕНТРИЗМ

Евразийское Движение
Москва
2013

ББК 66.4
Л 36

*Печатается по решению кафедры
Социологии международных отношений
социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Главный редактор

Профессор социологического факультета МГУ, д. пол. н. А. Г. Дугин

Редактор-составитель

Савин Л. В.

Научно-редакционная коллегия

Д. ист. н. В. Э. Багдасарян, Альберто Буэла (Аргентина),
Флавио Гонсалес (Португалия), Тиберио Грациани (Италия),
д. филос. н. И. П. Добаев, С. А. Жигалкин, к. ю. н. В. И. Карпец,
д. соц. н. А. К. Мамедов, к. филос. н. Н. В. Мелентьева,
Матеуш Пискорски (Польша), д. филос. н. Э. А. Попов,
Пшемислав Серадзан (Польша), к. филос. н. В. В. Черноус

Л 36 **Левиафан** : Контргегемония и евроцентризм (вып. 5) / [Под.
ред. А. Г. Дугина; Ред.-сост. Савин Л. В.]. — М.: Евразийское
Движение, 2013. — 248 с.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Фондом подготовки кадрового резерва <<Государственный клуб>> по итогам конкурса, проведенного в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 216-рп от 03.05.2012 года <<Об обеспечении в 2012 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества>>.

ISSN 2226-6992

ББК 66.4

ISSN 2226-6992

© «Евразийское Движение», оформление, 2013

© Авторы, тексты докладов и статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Контргегемония

<i>Дугин А. Г.</i>	
Контргегемония.	7
<i>Дугин А. Г.</i>	
Контргегемония в теории многополярного мира.	27
<i>Мелентьева Н. В.</i>	
Контргегемония по горизонтали и по вертикали (пролегомены к Евразийской версии).	55
<i>Савин Л. В.</i>	
О некоторых аспектах контргегемонии	80
<i>Сперанская Н. В.</i>	
Стратегия контргегемонии	87
<i>Стивен Гилл</i>	
Грамши и глобальная политика: К пост-гегемонистской программе исследований*	96
<i>Роберт У. Кокс</i>	
Грамши, гегемония и международные отношения: очерк о методе*	121

Часть II. Евроцентризм

<i>Дугин А. Г.</i>	
Взгляд на мир с позиции моря.	151
<i>Джон Хобсон</i>	
Конструирование евроцентризма и теория международных отношений как евроцентристский конструкт*	181
<i>Димитрис Константаконюлос</i>	
Самоубийство Европы: триумф империи Ллойда Бланкфейна, или как Германия уничтожает Грецию, Европу... и Германию (при поддержке греческого правительства).	224

* Перевод с английского — Маргарита Немировская

КОНТРЕГЕМОНИЯ

Дугин А. Г.

КОНТРГЕГЕМОНИЯ¹

1. Грамшизм в МО

Прежде чем начать говорить о контргегемонии в первую очередь нужно обратиться к Антонио Грамши, который ввел понятие гегемонии в широкий научный политологический дискурс. В своем учении Грамши говорит о том, что в рамках марксистско-ленинской традиции существует три зоны осуществления доминации:

Традиционная для марксизма экономическая доминация, которая определяется собственностью на средства производства, что предопределяет сущность капитализма. По Марксу это экономическое господство в сфере базиса.

Политическая доминация, которую Грамши связывает с ленинизмом и рассматривает как относительную автономию надстройки в сфере политики. Когда политическая воля определенных пролетарских сил способна изменить политическую ситуацию даже в том случае, если базис для этого не совсем готов. Грамши трактует это как автономизацию определенного сегмента надстройки. Речь идет о политической власти, выраженной в партиях, в государстве, в классических атрибутах политической системы.

Доминация в сфере третьего сектора в структуре надстройки, которую Грамши соотносит с гражданским обществом, при этом делая акцент на фигуре интеллектуала.

¹ Текст выступления А.Г. Дугина на заседании Центра Консервативных Исследований МГУ им. М.В. Ломоносова 28. 02. 2013.

Грамши считает, что гегемония — это доминанция установок неравенства и господства, но не в сфере экономики и политики, а в сфере культуры, интеллектуального и экспертного сообщества, искусства и науки. Этот третий сектор обладает такой же степенью относительной автономии, как и ленинизм в политике. Революция, в таком случае, с точки зрения Грамши имеет три аспекта: в экономической сфере (классический марксизм), в политической сфере (ленинизм) и в сфере гражданского общества, которое представляет собой сферу свободы, а интеллигент может сделать свой выбор между конформизмом и неконформизмом, выбор между гегемонией и контргегемонией, между обслуживанием статус-кво и выбором революции. Выбор, который делает интеллигент, не зависит ни от его экономического положения, т.е. его отношения к собственности на средства производства, ни от его политической принадлежности к той или иной партии.

Грамши рассматривает западный мир, как мир устоявшейся гегемонии, в котором в сфере экономики установилась капиталистическая система, в политике доминируют буржуазные политические силы, в интеллигентной среде интеллигенты обслуживают интересы буржуазных политических сил и служат капиталу. Все это в целом в международных отношениях создает некий контекст, в центре которого находится полюс устоявшейся гегемонии. Грамши предлагает неконформистским и революционно настроенным интеллигентам создать исторический блок, противостоящий этой гегемонии. К этому моменту вернемся несколько позже, а сейчас рассмотрим несколько иной аспект грамшистской мысли.

С точки зрения Грамши существуют такие ситуации, когда возникают отношения между развитой капиталистической системой и теми обществами, которые еще не до конца интегрированы в ядро гегемонии. Эти современные типы обществ, в которых гегемония победила не до конца, Грамши описывает как модель цезаризма. Он говорит о том, что в таких проме-

жуточных государствах политическая верхушка еще не по-настоящему включена в капиталистический западный мир, где капитал, гегемония и политические буржуазные партии, представляющие интересы среднего класса задают повестку дня.

Чарльз Капчен в своей книге «Ничейный мир» предлагает эту модель, которую Грамши называет цезаризмом, разбить на три типа:

Это российская современная коррупционная автократия и аналогичные модели на постсоветском пространстве, которые представляют собой клано-коррупционные верхушки,

Система китайского тоталитаризма, которая сохраняет тоталитарную власть на государственном уровне,

Система петромонархий Ближнего Востока, которые включают в структуру своей доминации, в свой цезаризм, еще и религиозные или династические аспекты, как например, Саудовские султанаты. Иран может быть соотнесен к промежуточной форме, между моделью монархий залива и российской автократией.

Цезаризм оказывается в очень интересных условиях: с одной стороны он испытывает давление, исходящее от растущего среднего класса, с другой стороны — исходящее от более развитого Запада. Гегемония извне и изнутри принуждает цезаризм идти на уступки, десуверенизироваться, входить в общий глобальный процесс в угоду глобальной гегемонии. С точки зрения Грамши, цезаризм не может просто настаивать на своем, игнорируя эти процессы, поэтому он идет по пути, который в современной политологии называется *trasformismo* (берется итальянский термин и его написание сохраняется в английском контексте).

Термин *trasformismo*, отсылает нас к грамшизму и неограмшизму в теории международных отношений, где под этим подразумевается игра цезаризма с вызовами гегемонии, т. е. частичная модернизация, частичное движение в сторону гегемонии, но так, чтобы сохранить политический

контроль. Таким образом, *trasformismo* это то, чем занимается Китай с 1980 г., чем занимается путинская Россия, особенно в эпоху Медведева, чем занимаются исламские государства в последнее время. Они вбирают какие-то элементы Запада, капитализма, демократии, политических институтов разделения властей, помогают состояться среднему классу, идут на поводу у национальной буржуазии, внутренней гегемонии и интернациональной внешней гегемонии, но делают это все не до конца, не по-настоящему, на уровне фасада для того, чтобы сохранить монополию на политическую власть, которая не является строго гегемонистской.

Проделанный базовый анализ грамшистских терминов: гегемония, цезаризм и трансформизм был необходим как прелюдия к разработке контргегемонистской теории.

2. Исторический пакт

Поскольку все люди обладают политическими правами и делегируют их партиям путем участия в выборах, а обладание экономическими правами дифференцируются в экономической сфере, Грамши считает, что и в третьем секторе существует точно такой же процесс делегирования своих прав. Представители гражданского общества уполномочивают интеллектуалов представлять себя в сфере интеллекта в некоем условном парламенте гражданского общества.

Согласно теории неограмшизма существует понятие исторического пакта, а поскольку речь идет о гражданском обществе, он может иметь два принципиально разных вектора: либо исторический пакт направлен в сторону гегемонии, либо исторический пакт может быть осуществлен в интересах революции.

Гегемония с точки зрения Грамши это не фатум, а выбор, такой же, как выбор политических партий. Один из представителей неограмшизма Стивен Гилл (Stephen Gill) описывает в качестве такого исторического пакта интеллектуал-конформистов в пользу гегемонии Трехстороннюю комиссию. Это единственные исследования этой организации, которые сами члены

этой организации не считают параноидальной формой теории заговоров и признают ее академический статус.

В конечном итоге каждый человек, по Грамши, свободен быть за капитализм или за коммунизм, причем, даже если человек не принадлежит к пролетарскому классу, он может быть членом коммунистической партии в своей стране и участвовать в политических битвах за социалистов или коммунистов. Пролетарская классовая принадлежность не является обязательной для включения в политическую партию. Точно так же на уровне интеллектуализма, совершенно не обязательно быть обездоленным, не обязательно быть выброшенным из системы общества для того, чтобы встать на сторону контргегемонии, которую, и это главный грамшистский принцип, может выбрать любой интеллигент и включиться в исторический пакт революции.

В 60-е, а особенно в 70-е гг., когда грамшизм получил огромное распространение в Европе, сложилась уникальная ситуация. Тогда интеллектуальная сфера была полностью оккупирована леваками и было просто неприлично быть не коммунистом. Коммунизм и мораль в сфере гражданского общества были отождествлены, при том, что в политической сфере компартии не доминировали, а в экономической сфере продолжали сохраняться буржуазные отношения. Именно с этим, в значительной степени, были связаны события 1968-го г. и приход к власти Миттерана. Левый поворот во Франции начался не с победы левых сил в парламенте и не с самой власти, а с создания французскими интеллигентами контргегемонистского исторического блока, на тот момент марксистского. Они сделали свой выбор, при этом их никто не выгонял из буржуазных газет, которые продолжали финансироваться различными буржуазными кругами.

Эта степень свободы подводит нас к тематике конструктивизма социальной реальности, которая не является некой фатальной данностью. Процесс конструирования социальной реальности обнаруживается в свободе интеллигента осуществить свой

фундаментальный выбор в пользу исторического пакта: гегемонистского или контргегемонистского.

3. Контргегемония/контробщество

Концепцию контргегемонии вводит специалист в области международных отношений Роберт Кокс (Robert W. Cox) как обобщение грамшизма и применение его к глобальной ситуации. Он говорит, что на сегодняшний день вся система международных отношений построена на обслуживании гегемонии. Все, что нам говорится об отношениях государств, о смысле истории, о войнах и вторжениях, есть чистая пропаганда гегемонии мировой олигархической элиты. В значительной степени этот конструкт держится на оси интеллигенции или интеллектуалов, выбирающих гегемонию.

Р. Кокс ставит вопрос о создании интеллектуальной конструкции глобальной альтернативной революционной реальности и для этого он вводит термин контргегемонии, давая ему фундаментальное обоснование. Он говорит о необходимости глобального исторического блока мировых интеллектуалов, выбирающих революцию, выбирающих критику статус-кво, причем, что самое важное, не обязательно на марксистской основе, потому что марксизм предполагает некую экономическую фатальную запрограммированность исторических процессов. Р. Кокс считает, что исторический процесс открыт и в этом отношении доминация капитала есть конструкт. В этом он очень резко отличается от неомарксистов, в том числе от Валлерстайна.

Эта постпозитивистская, конструктивистская, постмодернистская идея Р. Кокса, суть которой заключается в том, что в условиях глобализации необходимо ставить вопрос о контргегемонии столь же глобально, так как буржуазно-либеральная гегемония, осуществляя трансформизмо (*trasformismo*), рано или поздно сломит цезаризм.

Второй принцип, который вводит Кокс, это контробщество (*countersociety*), так как сегодняшнее глобальное общество ос-

новано на доминации буржуазно-либеральных принципов, т.е. является обществом гегемонии. Это общество гегемонии в языке, в образах, в технологиях, в политике, в нравах, в искусстве, в моде, во всем.

Соответственно нужно построить контробщество. Все, что хорошо в глобальном обществе, должно быть разрушено, и вместо него должно быть построено новое общество, если угодно, общество с обратным знаком. Вместо доминации универсальных принципов нужно возвести локальные коммуны, вместо либерального монолога мы должны выстроить полилог органических культур. Таким образом конт-общество будет представлять собой альтернативу тому обществу, которые существуют сегодня, во всех его основных принципах.

Термины Роберта Кокса это контргегемония и контробщество.

4. Помыслить контргегемонию

Джон Хобсон (John M. Hobson), специалист в области международных отношений, автор книги о евроцентризме в мировой политике (*The Eurocentric Conception of World Politics*), в которой он критикует западный расизм, а так же говорит о том, что блестящая идея о построении в международных отношениях новой модели конт-гегемонии на основании работ Кокса, Гилла и нео-грамшистов является благопожеланием. Критика замечательная, но вот что делать, какой должна быть контргегемония, мы в их работах не найдем, разве что две-три страницы. Поэтому необходимо помыслить контргегемонию.

Для того чтобы помыслить контргегемонию, нужно сначала помыслить гегемонию. Мы опять возвращаемся к этой теме для того, чтобы как следует понять против чего мы мыслим.

Так что же такое гегемония?

Гегемония есть универсализация либерализма, понимаемого как единственный монолога́льный контекст. Либерализм — это абсолютное заблуждение, говоря о контргегемонии и контробществе мы подразумеваем тотальный демонтаж либерализма.

Таким образом помыслить контргегемонию значит помыслить нон-либерализм, помыслить общество, которое было бы радикально противоположно либерализму. Здесь следует оговориться, что нон-либерализм, который мы должны помыслить при построении контргегемонии должен быть нон-либерализмом завтрашнего дня. Т.е. нон-либерализм вперед, а не нон-либерализм назад.

Что такое нон-либерализм назад? Это давно исчезнувший за горизонтом истории консерватизм, менее давно исчезнувший фашизм и национал-социализм, и совсем недавно исчезнувший коммунизм, советизм и социализм. Все это было преодолено либерализмом не случайно, гегемония не случайно растворилась, разложила, взорвала и отправила на историческую свалку, во внеисторическое небытие те нон-либеральные идеологии, которые были перечислены. Обращение к ним, при всей легкости такого хода, не приблизит нас к решению задачи по созданию контргегемонии. Мы будем носителями архаического, марксистского, нацистского, фашистского или консервативно-монархического дискурса, которые сами по себе уже продемонстрировали, что историческую битву с гегемонией они выдержать не могут. Соответственно это неэффективное средство с точки зрения reality-check для противостояния либерализму.

Основная победа либерализма заключается в том, что в центре его дискурса находится принцип: свобода против несвободы. Эта простая диалектика оказалась очень эффективной, что наглядно продемонстрировал XX век. Для того, чтобы победить своих идеологических врагов, либерализм использовал идею тоталитаризма как концепт. Поэтому, как только либерализм нащупывал этот тоталитарный аспект в идеологиях, которые предлагали свою нон-либеральную альтернативу, он тут же включал самую сильную часть своей идеологии, которая называется свобода, liberty.

Для того, чтобы более детально рассмотреть эти процессы, необходимо вспомнить содержание свободы Джона Стюарта

Милиа. Liberty — это «свобода от», негативная свобода, а для того, чтобы работала негативная свобода, должна быть позитивная не-свобода, т.е. тезис тоталитаризм. Когда есть общество, основанное, к примеру, на фашистской, расовой идентичности, но конкретно вы под нее не подходите, в таком случае ваша свобода будет направлена против этой идентичности. То же самое в отношении коммунизма. Если вы не разделяете эту идеологию, то вы к этому позитивному тезису тоталитарного общества применяете негативный тезис свободы и в результате вы рано или поздно побеждаете. Негативная свобода действует, потому что «свобода от» приобретает содержание путем диалектического отрицания.

Сегодня либерализм победил все, что мог победить и ставил перед собой такую задачу. «Свобода от» сейчас дана нам по определению, как факт. Сегодня мы живем в либеральном мире, где в принципе, не от чего освобождаться, т.е. «свобода от» выработала весь свой релятивно-созидательный потенциал, потому что она освободилась от всех тех форм, которые, так или иначе, держали индивидуума в некотором несвободном состоянии. В этот момент обнаружилась чистая сторона liberty, «свободы от» как свободы от чего бы то ни было, т.е. это на самом деле нигилизм. Нигилизм, который не был на поверхности именно потому, что кто-то препятствовал этой свободе. Соответственно, свобода в победившем либерализме обозначает ни что иное, как абсолютизацию нигилизма. Освобождение ничто.

То, что мы проживаем сегодня, это абсолютная победа гегемонии в сочетании с ее фундаментальной имплозией. Эта имплозия либерализма является главным фактором его гегемонистского триумфа. Но пока либерализму противостоит вялый цезаризм на последних стадиях, как временная недоработка, которая является объектом доводки глобального либерализма для того, чтоб конец истории наконец-то мог состояться.

Кстати говоря, обратите внимание на то, что слово the end в концепции The End of History Фрэнсиса Фукуямы мы понимаем

как конец, но в английском языке у слова *end* есть еще другое значение — цель, т. е. это цель истории, ее телос, то, к чему она направлена. Это достижение историей своего пика, своего предела, т. е. того, куда она была направлена. Мы живём в либерализме как в победившем нигилизме, и имплозия этого нигилизма осуществляется на наших глазах.

От чего еще осталось освободиться либеральному человечеству? От последних форм коллективной идентичности, выраженных в гендерной принадлежности. Проблематика сексуальных меньшинств является не случайным эпифеноменом либеральной стратегии, она является ее центром. Логика в данном случае проста: если человек не освободится от пола, он останется в тоталитарном состоянии разделения с другими человеческими индивидуумами определенной коллективной идентичности, мужской или женской. Соответственно, смена пола — это не только право, но скоро станет еще и обязанностью. Если человек не меняет пол, то он, по сути, фашист, потому что, если индивидуум — это мужчина или женщина, значит, он согласен на рабское существование в рамках своего гендерного определения.

Не равенство пола, а именно его смена вытекает из *liberty*, «свободы от», свобода человека от гендера, от пола, так же как космополитическая свобода выбора гражданства, места проживания, профессии, религии. Все эти либеральные свободы требуют логического этапа, свободы от пола, причем тотальной многократной смены гендерного пола, потому что индивидуум начинает привыкать и снова впадает в гендерные тоталитарные рамки.

Но и это еще не предел, так как остается последняя не преодоленная коллективная идентичность, принадлежность индивидуума к человеку. Как пример необходимости преодолеть человеческую идентичность, которая тоже является в конечном итоге фашизмом с точки зрения либеральной логики, можно привести «Киборгманифест» Донны Харауэй (*Donna J.*

Нарaway), а так же идеи, заложенные в трансгуманистской программе.

Преодоление гендерной и человеческой коллективных идентичностей — это уже просто детали, которые еще некоторое время будут занимать наше сознание, пугать консерваторов и неокончательно модернизированных либеральных элементов и, наоборот, вдохновлять либералов на следующие подвиги. При этом стоит отметить, что повестка дня сузилась, и по мере развития генетического и хирургического искусства, микротехнологий, биотехнологий, разгадки генома мы стоим, по сути дела, на пороге того, что эта программа станет техническим вопросом. Предлагается не ждать этого, а мыслить так, что либерализм принципиально в своей нигилистической программе осуществил свою задачу.

А что значит мыслить нон-либерализм вперед? Это значит мыслить нон-либерализм, который находится после этого расчеловечивания человека, после утраты гендерной идентичности. Необходимо увидеть горизонт либерализма как абсолютную победу Ничто и предложить альтернативу не извне, а изнутри. Речь идет о том, что в конечном итоге либерализм выходит за пределы социологии и приводит нас к антропологической проблематике. Общество распадается, возникает пост-общество, возникает отдельный либеральный гражданин мира, космополит, который, по сути дела, не принадлежит никакому обществу.

Массимо Каччари (Massimo Cacciari) называет это обществом тотальных идиотов, которые теряют возможность коммуникации между собой, потому что утрачивают все общее, что их связывает, возникает индивидуальный язык, ризоматическое существование сети и так далее. В этой ситуации мы приходим к последней границе человека, с которой предлагается стартовать проекту конт-гегемонии.

Принципиальным курсом контргегемонии в ее антропологическом аспекте является идея радикального переосмысления свобод. Необходимо либерализму противопоставить не

тоталитаризм, потому что тем самым мы только подпитываем его деструктивные энергии, а принцип содержательной свободы, т.е. «свободы для», freedom в терминологии Дж. Миля. Подойдя к проблематике антропологии, в которой индивидуальный принцип ставится над человечностью, нужно либерализму противопоставить не консервативные ценности, а нечто радикально другое, и названием для этого радикально иного является понятие личности или персоны (person), т.е. freedom against liberty, person against individual.

Личность возвращает человека к сущности его человечности, это его революционное фундаментальное задание по созданию самого себя собственными силами, это, если угодно, метафизическая категория. В христианстве личность это то, где происходит слияние божественного начала с индивидуальным. Личность рождается в момент святого крещения.

В религиях по-разному описывается личность, но, как это прекрасно раскрыл в своих работах Марсель Мосс (Marcel Mauss), в любом архаическом обществе именно понятие персоны стоит в центре внимания. Это не индивид, это пересечение данности и некоего духовного или обобщенного видового эйдетического субъекта.

Таким образом, противопоставляя индивидуальности какую-то форму социальной интеграции, мы атакуем либерализм и предлагаем нон-либерализм сзади, а нужно выдвинуть модель нон-либерализма из будущего. Против индивидуума должна восстать личность, против «свободы от» должна двинуться «свобода для», а не несвобода, необщество и какие-то формы коллективных ограничений. Мы должны принять вызов нигилизма. Это по Мартину Хайдеггеру есть трудное знание нигилизма.

Помыслить контргегемонию — это значит помыслить созидательно-свободную личность как корень этой контргегемонии, без этого фундаментального переключения режима в условиях

тотального нигилизма мы никакой внятной концепции контргегемонии не создадим.

5. Модель контробщества

Модель контробщества должна быть обязательно открытой сверху, это принцип свободы, во главе этого общества должны стоять те, кто максимально открыт к персональному верхнему измерению, кто максимально не тождественен к самому себе. Это философы-созерцатели. Платонополис как политическое выражение открытого платонизма, где во главе стоит философ, который думает о чем угодно, только не о себе. Он не правит, он ничего не делает, но он открывает возможность всем быть личностями. Он открывает возможность обществу быть открытым сверху, он делает это общество по настоящему свободным, не замечая его ограничений. Он создает такое общество, это и есть государство, это и есть священное общество.

Контробщество должно строится сверху, оно должно быть абсолютно открытым по вертикали, это его главный принцип. Открытая политическая философия вертикали должна быть платформой нового исторического пакта интеллектуалов. Если мы будем создавать этот пакт на основании прагматических альянсов, мы не преуспеем, потому что либерализм рано или поздно захватит все эти формы.

6. Контргегемонистская диверсификация акторов в МО

Для контргегемонистской диверсификации акторов в МО, можно оттолкнуться от понятий и дефиниций транснационализма и неолиберализма в международных отношениях, которые утверждают о расширении номенклатуры акторов в контексте гегемонии. Предлагается принять эту симметрию в построении контргегемонии и признать, что исторический блок должен состояться из акторов разных масштабов.

Структура контргегемонии может быть такая: в центре стоят интеллектуалы с открытой вертикальной философией, т.е. исторический пакт интеллектуалов. Он должен быть

обязательно глобальным, он не может быть национальным, ни в одной стране ни в одной культуре, даже, например, в большом исламском мире или в китайском это сделать невозможно. Необходим только глобальный масштаб контргегемонии и глобальное объединение контргегемонистских интеллектуалов на основании открытой философии. Вокруг этого главного актора может строиться констелляция разномасштабных систем, симметрично тому, как Джозеф Най (Joseph S. Nye) описывает транснациональную либеральную систему, где акторами становятся как государства, так партии и движения, отрасли, группы, религиозные течения и даже отдельные индивиды.

Все они не только могут, но и являются акторами в международных отношениях, в гегемонистской модели глобализации. Мы же говорим о контрглобализации, не об антиглобализации, не о альтерглобализации, а именно о контрглобализации, которая признает что для того, чтобы обрушить эту гегемонию, необходимо объединить разномасштабных акторов.

7. Воля и ресурсы контргегемонии

Архипелаг Массимо Каччари

Осью контргегемонистской стратегии должна быть конструирующая воля, а не ресурсы. Сначала воля, потом ресурсы. Эта воля должна исходить из мировой контргегемонистской интеллектуальной элиты в качестве депутатов глобального общества. Думают, конечно, все люди, но интеллектуалы думают еще и за других, потому и наделяются правом быть ходоками народа, быть представителями человечества как такового, глобальный дискурс которого сегодня захватили и формируют представители гегемонистского исторического блока. Кстати говоря, когда либералов атакуют по делу, то обязательно вскрывается скудность и несостоятельность их аргументации, и все это потому, что их аргументация волевая.

Тем не менее, на какие ресурсы может опереться эта конструирующая воля интеллектуальной элиты? Прежде всего,

это второй мир, о котором пишет Параг Ханна (Parag Khanna), страны БРИКС, государства, которые в сложившемся статус-кво чего-то недополучили или находятся не на первых ролях. А это практически все те государства, которым неуютно в сложившейся архитектуре гегемонии. Но сами по себе эти страны не являются контргегемонией, сами по себе они не будут что-либо предпринимать.

Правящие режимы в этих странах, если их не активизировать, будут продолжать заниматься трансформизмом, но контргегемонистские интеллектуалы должны контратаковать их, включая в свой собственный проект, вместо того, чтобы ждать, когда их позовут работать на администрацию. Важно понять, что администрация занимается трансформизмом, и будет им заниматься независимо от места — в Китае, в Иране, в Азербайджане, в Индии, в России, в странах БРИКС происходит сплошное трансформизм.

Контргегемонистские интеллектуалы должны перехватить нарратив и диктовать повестку дня этим государствам для того, чтобы они могли осуществлять цезаризм как можно дольше. Но это не цель, цель контргегемонии в другом, тем не менее, потенциал этих стран — это хороший ресурс, и как инструмент для достижения поставленной задачи он весьма хорош. Например, государство с ядерным оружием в качестве аргумента в противостоянии гегемонии выглядит весьма убедительно.

Так же в качестве контргегемонистского ресурса релевантными являются партии антилиберальной направленности во всем мире, вне зависимости от того, правые они или левые, социалисты или консерваторы. К этому стоит добавить различные движения вертикально-открытого типа: культурные, артистические, эстетические, экологические. В этом контексте стоит обратить внимание на то, что мировое крестьянство и мировая промышленность рано или поздно станут жертвами банковско-финансовой системы, третичного сектора экономики, которые уже сегодня начинают обваливаются перед лицом пропорцио-

нального роста спекулятивного финансового глобалистского капитала. Не стоит рассчитывать на то, что они сами по себе встанут на сторону контргегемонии и предложат какие-то планы, тем не менее, они также могут рассматриваться как один из ресурсных компонентов в арсенале альянса контргегемонистских интеллектуалов внутри исторического пакта.

В качестве ресурса для контргегемонистских интеллектуалов так же могут выступить все традиционные религии, которые, по сути своей, являются нон-либеральными, в противовес религиям либеральной направленности, которые в основе своей являются секулярными или релятивистскими, или, скажем, дерелигиозизирующимися религиями.

Задача исторического контргегемонистского блока — объединить все эти ресурсы в глобальную сеть. В этом будет очень полезен концепт Массимо Каччари (Massimo Cacciari) «Архипелаг», который он применяет к Европе, но сама идея может быть распространена шире. Массимо Каччари утверждает, что между универалистским логосом и анархией атомарных идиотов существует частный логос. Этот частный логос наряду с операциями с комплексностью Эдгара Морена, с операциями со сложными структурами, с нелинейными моделями, могут быть весьма полезными.

Это принципиальный вопрос, ведь используя сложную комплексную модель, появляется возможность для выстраивания диалога и интегрирования правых и левых в единый исторический пакт, тогда как на данный момент они смотрят друг на друга сквозь прицел собственных тактик.

8. Россия и гегемония

Россия сейчас является полем типичного трансформизма и то, что принято называть путинизмом, является ничем иным как цезаризм. Ему противостоит внутренняя гегемония в лице белоленточной оппозиции и «Эхо Москвы», а также внешняя гегемония, которая давит на Россию извне. Между этими факторами балансирует цезаризм, который пытается играть с одной

стороны в модернизацию, а с другой стороны в консерватизм, пытаясь удержать власть любыми средствами. Это очень рационально и очень реалистично: никакой идеи, никакого мировоззрения, никаких целей, никакого понимания исторического процесса, никакого телоса в таком правлении нет — это обычный цезаризм, в его грамшистском понимании.

Противостояние цезаризма внутренней и внешней гегемонии вынуждает его двигаться в нужном для интеллектуалов контргегемонии направлении, но трансформизм есть адаптационно-пассивная стратегия, это значит, что рано или поздно цель этого трансформизма все-таки вскрыет цезаризм. Поскольку гегемония наступает и извне и изнутри, любая модернизация объективно ведет, так или иначе, к усилению среднего класса, а средний класс — это враг государства, так же как буржуазия, капитализм, индивидуализм являются врагами и конкретного общества, и всего человечества в целом.

Как скоро падет цезаризм? Время показывает, что он может тянуть очень и очень долго. Теоретически он должен пасть, но он продолжает существовать, порой оказываясь достаточно успешным. Все зависит от того, удачно или неудачно осуществляется трансформизм. Это обреченная пассивная арьергардная стратегия, но иногда самым парадоксальным образом она бывает весьма эффективна.

Совершенно очевидно, что если за последние 13 лет эта стратегия продержалась при такой общей идеологической всеядности и прагматизме, то будет существовать и дальше, несмотря на возмущение со всех сторон, которое она вызывает. Тем не менее, стоит отметить, что именно удачное трансформизм сохраняет государство от того, что его еще не уничтожили представители глобальной гегемонии.

Но этого недостаточно, требуется стратегия совершенно другого типа, контргегемонистская в своей сущности, в духе продвижения теории многополярного мира. Еще одной важной инициативой является глобальный революционный альянс, —

это довольно активная стратегия, которая может развиваться в России на параллельном уровне, будучи одновременно и российской, и глобальной, интернациональной. И даже если возникают какие-то противоречия с представителями глобального революционного альянса в Европе или в Америке, а есть и такие, и их не мало, то этот момент не должен никого смущать и тем более останавливать. Так как люди выбирают ту же самую контргегемонистскую этику вопреки тем обществам, в которых они живут.

В отвержении гегемонии не нужно ориентироваться на власть. Сейчас нам власть говорит «да» потому, что мы по отношению к гегемонии находимся с ней на одной стороне, мы против гегемонии, и власть, так или иначе, против гегемонии. Но даже если бы гегемония восторжествовала в России, то эта ситуация не должна оказывать влияние на принятие решений контргегемонистской интеллектуальной элиты, так как она должна двигаться во имя фундаментальных целей. Только ориентация исключительно на идею, на эсхатологию, на телос, на цель, а не на сиюминутные выгоды, может принести победу и успех.

Исторический пакт интеллектуалов с открытой вертикальной философией может быть солидарен с Российской Федерацией в ее сегодняшнем состоянии как с одним из важнейшим элементов контрсоциального архипелага. Ядерная путинская Россия — это отличный остров этого архипелага, прекрасно подходящая для внешней революционной борьбы, замечательная база для подготовки людей, которые должны продвигать эсхатологическую, глобально революционную деятельность в мировом масштабе. Это ценнейший инструмент, но и без него можно было бы продолжать то же самое. Надо искать контакты с Китаем, с Ираном, с Индией, с Латинской Америкой, с контргегемонией в африканских странах, в азиатских странах, в Европе, в Канаде, в Австралии и т.д. Все недовольные являются потенциальными членами контргегемонистского архипелага: от государств до отдельных личностей.

Нельзя отождествлять две вещи: национальные интересы Российской Федерации, которые исчерпываются термином трансформизмо и глобальной контргегемонистской стратегией. Это разные вещи, поскольку контробщество заведомо экстерриториально и архипелагично.

Вопросы докладчику

Леонид Савин: Александр Гельевич, Роберт Кокс упоминает помимо трансформизмо и цезаризма такое явление как пассивная революция, которая происходит в контексте гегемонии. Как вы считаете, есть ли ее элементы в России и как они могут протекать в других странах, можно ли считать это явление вызовом глобальной гегемонии?

Александр Дугин: Пассивная революция по Коксу, это, кстати, тоже грамшистский термин, есть некоторая подготовка революционной ситуации в том случае, когда политически и экономически для этого не достаточно предпосылок. Пассивная революция — это, можно сказать, выдуманная революция или придуманная революция. Но ведь все то, что создается, вначале кем-то придумывается. Поэтому я думаю, что пассивная революция тоже хороший термин, единственное, что он звучит по-русски немножко расслабляюще. Может использовать термин воображаемая революция, революция, которую мы должны вообразить? У нас, в принципе, все довольны трансформизмо, все довольны гегемонией, все довольны, что их кормят, даже когда их не кормят. Все довольны и соответственно нет никаких условий, никакого потенциала для восстания, для революции, для антропологического и эсхатологического пробуждения. В этом случае речь об активной революции идти не может, но тем не менее, можно использовать термин пассивная революция, но в значении воображаемая революция. В эпоху когда воображение в общем-то так или иначе в цене, воображаемая революция звучит не плохим и двусмысленным тезисом. С одной стороны это избавит нас от идиотского положения, когда мы призываем спящих проснуться, а они только фырчат в ответ, при этом,

как минимум, чувствуешь себя глупо, призывая к революции. С другой стороны можно призывать к воображаемой революции, а вот это не так глупо, наоборот творчески и модно, если угодно. Мне кажется, что с психологической точки зрения лучше использовать термин воображаемая революция чем пассивная.

Леонид Савин: Вы сегодня еще упомянули контробщество, поскольку гражданское общество — это основа самой гегемонии, а оно базируется на консенсусе, на либеральном договоре, то соответственно контробщество не может быть гегемонистским. Скепсис в российском обществе к идеям гражданского общества, которое нам навязывают извне, как раз и есть проявление потенциалов контргегемонистских импульсов.

Александр Дугин: Совершенно правильная мысль, потому что гражданское общество предполагает личную ответственность в самоубийстве, причем в самоубийстве с таким постivismом, с радостью сейчас я изменяю свой пол, а потом развоплюсь и превращусь в химеру. Я очень этому ради делаю это по собственной воле, так должен говорит человек нормального гражданского общества. В данном случае пассивность наш аргумент, нужно саботировать гражданское общество, все его институты, все его идеи, превращая их в идиотизм. Но при этом, если нам предлагают объединиться в союз с велосипедистами, нужно объединяться, но нужно превращать союз велосипедистов в контргегемонистское гражданское общество, в контробщество, что б этот союз начал настаивать на взятии власти, требовать специальные русские крылатые велосипеды. Мне представляется, что саботаж гражданского общества и борьба с гражданским обществом со стороны гражданского общества, взрывая его изнутри, является правильной стратегией.

Дугин А. Г.

КОНТРГЕГЕМОНИЯ В ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Важнейшим аспектом Теории Многополярного Мира является концепт контргегемонии, изначально сформулированный в контексте критической теории Международных Отношений (МО). При переходе от критической теории к Теории Многополярного Мира¹ (ТММ) этот концепт претерпевает определенные смысловые трансформации, которые необходимо разобрать более детально. Чтобы проделать это, необходимо еще раз напомнить основные положения теории гегемонии в критической теории.

Понимание «гегемонии» в реализме

Понятие гегемонии в критической теории полностью основано на теории Антонио Грамши. Сразу же следует разделить его значение в грамшизме и неограмшизме от того, как его понимает реалистское (и неореалистское) направление в МО.

Классические реалисты используют термин «гегемония» в относительном смысле, и понимают под ним «фактическое и существенное превосходство потенциала могущества какой-то одной державы над потенциалом остальных, чаще всего соседних». Поэтому гегемония вполне может быть региональным явлением, так как определение того, является ли то или иное политическое образование «гегемоном» зависит от того, какой масштаб рассмотрения мы применяем. В этом смысле этот термин встречается уже у Фукидида, говорившего о гегемонии Афин и о гегемонии Спарты в ходе Пелопонесской войны, и

¹ Дугин А. Г. Теория Многополярного Мира. М., Евразийское Движение, 2012.

классический реализм пользуется им точно также вплоть до настоящего времени. Такое понимание гегемонии можно назвать «стратегическим» и «относительным».

В неореализме «гегемония» понимается в глобальном (структурном) контексте. Основное отличие от классического реализма состоит в том, что здесь «гегемония» не может рассматриваться как региональное явление; она всегда глобальна. В неореализме К. Уолтца утверждается баланс двух гегемоний (двухполюсный мир), как оптимальной структуры баланс сил в планетарном масштабе¹. Р. Джилпин полагает, что гегемония вполне может сочетаться с однополярностью, то есть может существовать один глобальный гегемон (сегодня эту функцию выполняют США).

В обоих случаях гегемония у реалистов истолковывается как способ соотнесения между собой потенциала могуществ различных держав.

Понимание гегемонии у Грамши в корне отлично, и помещается в совершенно иной теоретической плоскости. Чтобы избежать неверного употребления термина в МО и, в особенно, в ТММ, следует несколько подробнее остановиться на политической теории Грамши, в контексте которой гегемония и рассматривается приоритетно в критической теории и ТММ. Кроме того, такой анализ позволит яснее увидеть концептуальный зазор между критической теорией и ТММ.

Гегемония в концепции Антонио Грамши

Антонио Грамши основывает свою собственную теорию, получившую в последствие название «грамшизма», на основании переосмысления марксизма и его практического воплощения в исторической практике. Будучи марксистом, Грамши уверен, что социально-политическая история полностью пре-

¹ До конца «холодной войны» Уолтц брал за образец противостояние США и СССР как двух гегемоний. В настоящее время он склоняется к идее новой биполярности, где в противовес американскому гегемону будут выступать Китай, как новый претендент на второй полюс.

допределена экономическим фактором. Как и все марксисты, он объясняет надстройку (суперструктуру, *Aufbau*) через базис (инфраструктуру, *Basis*). Буржуазное общество является квинт-эссенцией классового общества, где процесс эксплуатации достигает своего наиболее концентрированного выражения в отношении к собственности на средства производства и в присвоении буржуазией прибавочной стоимости, возникающей в процессе производства. Неравенство в экономической сфере (базис) и главенство Капитала над Трудом является сущностью капитализма и предопределяет всю социальную, политическую и культурную семантику (надстройку). Этот тезис разделяют все марксисты, и в нем нет ничего нового или оригинального. Но далее Антонио Грамши задается вопросом: как была возможна пролетарская социалистическая революция в России, где с точки зрения самого Маркса (анализировавшего положение в Российской империи в XIX веке, но в прогностической перспективе) и с точки зрения классического европейского марксизма начала XX века объективное состояние базиса (неразвитость капиталистических отношений, малый процент городского пролетариата, преобладание аграрного сектора в совокупном ВВП страны, отсутствие буржуазной политической системы и т.д.) исключало саму возможность прихода к власти коммунистической партии. И, тем не менее, Ленин сделал это возможным и приступил к строительству социализма.

Грамши осмысляет этот феномен как нечто фундаментально значимое и называет «ленинизмом». Ленинизм в его понимании есть авангардное опережающее действие политической надстройки (в лице коммунистической партии большевиков), консолидированной и решительной, по захвату политической власти. Как только это становится фактом, и революция оказывается успешной, следует стремительное развитие базиса, через достраивание ускоренными темпами тех экономических реальностей, которые не были реализованы при капитализме: индустриализация, модернизация, «электрификация», «народное

образование». Значит, делает вывод Грамши, в определенных обстоятельствах политическое (надстройка) способна опережать экономическое (базис). Коммунистическая партия может идти впереди «естественного» развития исторических процессов. Следовательно, ленинизм доказывает наличие определенной автономии надстройки в отношении базиса.

Но ленинизм, как его понимал Грамши, ограничивается областью политического сегмента надстройки — того, где действуют законы власти и решается проблема господства. Грамши утверждает, что в надстройке есть еще один важный сегмент, который не является политическим в полном смысле слова — то есть партийным и сопряженным напрямую с вопросами политической власти. Он называет это «гражданским обществом». Такое определение следует сопровождать пояснением: «гражданское общество в понимании А. Грамши», так как он вкладывает в это понятие смысл далеко не во всем совпадающий с тем, которым он наделен, например, в либеральных теориях. Гражданское общество, по Грамши, это область интеллектуальной деятельности в самом широком смысле, за вычетом из нее прямой политической (партийной, государственной, административной) активности. Гражданское общество — это зона развертывания интеллектуальных сторон общества, включающая в себя науку, культуру, философию, искусство, аналитику, журналистику и т.д. Для марксиста Грамши эта область, как и вся надстройка, конечно же, выражает закономерности базиса. Но... Ленинизм показывает, что, выражая закономерности базиса, в некоторых случаях надстройка, тем не менее, может действовать относительно автономно, идя на опережение процессов, развертывающихся в базисе. Опыт революции в России демонстрирует на историческом примере, как это реализуется в области политического сегмента надстройки. И здесь Грамши выдвигает гипотезу: если так обстоит дело в политической сфере надстройки, почему чему-то подобному не быть и в области «гражданского общества»? Отсюда и рождается грамшистская

концепция «гегемонии»¹. Она призвана показать, что в интеллектуальной сфере (=«гражданское общество по Грамши») существует нечто аналогичное экономическому дифференциалу (Капитал vs Труд) в базисе и политическому дифференциалу в надстройке (буржуазные партии и правительства vs пролетарские партии и правительства — например, СССР). Этот третий дифференциал Грамши и называет «гегемонией», то есть совокупностью стратегий доминации буржуазного сознания над сознанием пролетарским в условиях относительной автономии по отношению как к политике, так и к экономике. Еще немецкий социолог В. Зомбарт, исследуя социологию буржуа², показал, что комфорт может быть ценностью как третьего сословия, которое его относительно имеет, так и других социальных слоев, которые его не знают и не имеют. Гегель в «Феноменологии духа»³ аналогичным образом говорил о том, что Раб для самосмысления пользуется не своим сознанием, но сознанием Господина. Этот пункт был положен Марксом в основу развития коммунистической идеологии. Грамши, продолжая эту цепочку размышлений, приходит к выводу, что принятие или отторжение гегемонии (=структур буржуазного сознания) может напрямую не зависеть ни от факта принадлежности к буржуазному классу (фактор базиса), ни от прямой политической ангажированности в буржуазную (или антибуржуазную) партийную или административную систему. Быть на стороне гегемонии или против нее есть, по Грамши, дело свободного выбора интеллектуала. Когда интеллектуал сознательно осуществляет такой выбор, он

¹ «Можно зафиксировать два крупных надстроечных плана: тот, что можно назвать «гражданским обществом», то есть совокупностью организмов, обычно называемых «частными», и тот, который является «политическим обществом», или государством. Им соответствует функция «гегемонии», которую доминирующая группа осуществляет во всем обществе, и функция «прямого господства», или командования, которая выражается в государстве, в «юридическом» правительстве», писал Грамши. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. — М.: Издательство политической литературы, 1991.

² Зомбарт Вернер. Буржуа М., Наука, 1994.

³ Гегель Ф.Г. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.

из «традиционного интеллектуала», становится органическим, то есть осознанно выбирающим свое положение относительно гегемонии.

Из этого вытекает важный вывод: выступить против гегемонии интеллектуал вполне может и в том обществе, где капиталистические отношения в базисе и политическое доминирование буржуазии в надстройке преобладают. Интеллектуал может отвергнуть или принять гегемонию свободно, так как у него есть зазор свободы, аналогичный тому, который есть в области политического по отношению к экономическому (как показал опыт большевизма в России). Другими словами, можно быть носителем пролетарского сознания и стоять на стороне рабочего класса и справедливого общества, находясь в самом центре общества буржуазного. Все зависит от интеллектуального выбора: гегемония это вопрос совести.

Сам Грамши пришел к такой концепции на основании анализа политических процессов в Италии 20-х-30-х годов¹. В этот период, согласно его анализу, в этой стране вполне назрели предпосылки для социалистической революции — и в базисе (развитый промышленный капитализм и обострение классовых противоречий и, соответственно, классовой борьбы) и в надстройке (политические успехи консолидированных левых партий). Но в этих, казалось бы, благоприятных, условиях, анализирует дальше Грамши, левые силы были обязаны своим провалом тому, что в интеллектуальной сфере в Италии тон задавали представители именно гегемонии, внедряя буржуазные стереотипы и штампы даже там, где это шло вразрез с экономическими и политическими реалиями и предпочтениями активных антибуржуазных кругов. Этим, с его точки зрения, и воспользовался Муссолини, обративший гегемонию в свою пользу (фашизм, с точки зрения, коммунистов был завуалированной формой господства буржуазных классов) и предотвративший искусственно социалистическую революцию, назревавшую в

¹ Грамши А. Тюремные тетради. Указ. соч.

силу естественного исторического хода событий. Иными словами, ведя (относительно) успешно политические баталии, итальянские коммунисты, по Грамши, упустили из виду «гражданское общество», сферу интеллектуальной, «метapolитической» борьбы, и в этом он видел причину их поражения.

В этой форме грамшизм был взят на вооружение европейскими левыми (особенно новыми левыми), и начиная с 60-х гг. левое движение в Европе применило грамшизм на практике. Левые (марксистские) интеллектуалы (Сартр, Камю, Арагон, Фуко и т. д.) смогли внедрить антибуржуазные концепции и теории в самый центр общественной и культурной жизни, причем, пользуясь издательствами, газетами, клубами и университетскими кафедрами, которые были интегральной частью капиталистической экономики и действовали в политическом контексте доминирования буржуазной системы. Тем самым они подготовили и события 1968-го г., прокатившиеся по Европе, и левый поворот европейской политики в 70-е гг.

Таким образом, как ленинизм на практике доказал, что у политического сегмента надстройки есть определенная автономия и активность в этой области может опережать процессы, развертывающиеся в базисе, так и грамшизм в практике новых левых продемонстрировал свою эффективность и практическую ценность как активной интеллектуальной стратегии.

Грамшизм в критической теории: левый уклон

В том виде, в каком мы описали, грамшизм и был интегрирован в критическую теорию МО ее современными представителями — Робертом Коксом¹, Стивеном Гиллом² и т. д. И хотя они в духе постмодерна еще более акцентировали автономность сферы «гражданского общества» и соответственно феномена гегемонии, поставив интеллектуальный выбор и эпистемологические

¹ Cox R. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method// Millennium 12, 1983.

² Gill S. Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

стратегии выше политических процессов и экономических структур, они в целом сохранили преемственность именно марксистскому, левому дискурсу: для них капитализм был в целом лучше недокапиталистических социально-экономических систем, хотя и заведомо хуже той посткапиталистической (социалистической и коммунистической) модели, которая должна прийти ему на смену. Этим объясняется структура проекта контргегемонии¹ в критической теории МО — она остается в контексте левого понимания исторического процесса. Можно описать это так: согласно представителям критической теории, гегемония (=буржуазное общество, кульминирующее в голограмме буржуазного сознания) должна сменить собой недогегемонию (типы общества, предшествующие буржуазному и свойственные им формы коллективного сознания — Премодерн), чтобы затем быть ниспровергнутой контргегемонией, которая, после своей победы, установит пост-гегемонию. Так, сами Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»² на все лады настаивали на том, что претензии коммунистов к буржуазии не имеют ничего общего с претензией к буржуазии со стороны антибуржуазных феодалов, националистов, христианских социалистов и т.д. именно в силу того, что капитализм есть чистое зло, вбирающее в себя относительное (не столь явное и не столь эксплицитное) зло прежних форм общественной эксплуатации, но чтобы победить зло, надо дать ему полностью проявить себя, и лишь затем искоренить, а не делать косметические действия и ретушировать его наиболее odioзные черты, лишь оттягивая тем самым горизонты революции и коммунизма.

¹ Неограмшист Николс Пратт определяет контргегемонию как «создание альтернативной гегемонии в зоне гражданского общества для подготовки политических изменений». Pratt N. Bringing politics back in: examining the link between globalization and democratization// Review of International Political Economy. Vol. 11, No. 2, 2004.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 4. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.

Это необходимо иметь в виду, когда мы рассматриваем структуру неограмшистского анализа международных отношений.

Этот анализ делит все страны на те, где гегемония укрепилась явно (это развитые капиталистические страны с индустриальной экономикой, доминацией буржуазных партий в парламентских демократических системах, организованные в соответствии с образцами национальных Государств, обладающие развитой рыночной экономикой и либеральной правовой системой) и те, где она, по разным историческим обстоятельствам, этого сделать не смогла. Первые страны принято называть «развитыми демократическими державами», а вторые — относить к «пограничным случаям», «проблемным зонам» или даже к разряду «государств-негодяев» (rogue states). Анализ гегемонии в странах, где она укрепилась, полностью вписывается в общий левый (марксистский, неомарксистский и грамшистский) анализ. Но случай стран с «недостроенной гегемонией» следует рассмотреть отдельно.

Эти страны сам Грамши относил к разряду «цезаризма» (явно имея в виду перед глазами опыт фашистской Италии). «Цезаризм» может быть рассмотрен широко, как любая политическая система, где буржуазные отношения существуют фрагментарно, и их полноценное политическое оформление (как классического буржуазно-демократического Государства) задерживается. В «цезаризме» главное не авторитарный принцип правления, но именно задержка с полноценной инсталляцией полноценной капиталистической системы (в базисе и надстройке) западного образца. Причины такой задержки могут быть самые разные: диктаторский стиль правления, клановость, наличие религиозных или этнических группировок во власти, культурные особенности общества, исторические обстоятельства, особое экономическое или географическое положение и т. д. Важно, в первую очередь то, что в таком обществе гегемония выступает как внешняя сила (со стороны полноценно буржуазных Государств и обществ)

и как внутренняя оппозиция, так или иначе связанная и с внешними факторами.

Неограммисты в МО утверждают, что «цезаризм» представляет собой именно «недо-гегемонию», и поэтому его стратегия сводится к тому, чтобы балансировать между давлением гегемонии извне и изнутри, идя на определенные уступки, но вместе с тем, делать это избирательно, стремясь, во что бы то ни стало, сохранить власть и не допустить захвата власти буржуазными политическими силами, выражающими на уровне политической надстройки структуры организации экономического базиса общества. Поэтому он обречен на «трансформизм» (итальянское *transformismo*), постоянную подстройку под гегемонию с одной стороны, при неизменном стремлении оттянуть, отложить или направить по ложной траектории тот финал, к которому она неуклонно движется.

В этом отношении, представители критической теории в МО рассматривают «цезаризм» как то, что рано или поздно будет преодолено гегемонией, поскольку это явление представляет собой не более, чем «историческое запаздывание», а отнюдь не альтернативу, то есть не контргегемонию как таковую.

Очевидно, что именно к такому «цезаризму» современные представители критической теории в МО относят большинство стран Третьего мира, и даже крупные державы, входящие в БРИКС (Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку).

С учетом такой особенности, становится ясной ограниченность концепта контргегемонии у представителей критической теории в МО и откровенный утопизм их альтернативных проектов — так, «контр-общество» Кокса представляет собой нечто невыразительное и неопределенное. Они исходят из того смутного проекта социально-политического миропорядка, который должен наступить «после либерализма»¹ (И. Валлерстайн) и соответствовать привычным для левых коммунистическим утопиям. Такая версия контргегемонии ограничена еще

¹ Валлерстайн И. После либерализма.— М.: Едиториал УРСС, 2003.

и тем, что поспешно заносит многочисленные политические явления, явно не попадающие в разряд гегемонии и тяготеющие к альтернативным версиям миропорядка, в разряд «цезаризма» и, следовательно, «недо-гегемонии», лишая их какого бы то ни было интереса для разработки эффективной контргегемонистской стратегии. Но при этом общий анализ структуры международных отношений в свет методологии неограмшизма представляет собой крайне важное направление для разработки ТММ.

Однако для того, чтобы преодолеть ограниченность критической теории МО и полностью задействовать потенциал неограмшизма, следует качественно расширить этот подход, выйдя за рамки исключительно левого (даже, «левацкого») дискурса, помещающего всю конструкцию в зону идеологического сектантства и маргинальной экзотики (где он располагается в настоящее время). В этом вопросе бесценную помощь нам окажут идеи французского философа Алена де Бенуа.

«Грамшизм справа» — ревизия Алена де Бенуа

Еще в 80-е годы французский представитель течения «новых правых» (Nouvelle Droite) Ален де Бенуа обратил внимание на идеи Грамши, с точки зрения их методологического потенциала¹. Так же как и Грамши, де Бенуа открыл фундаментальность метаполитики как особой области интеллектуальной деятельности, подготавливающей (в форме «пассивной революции») дальнейшие политические и экономические сдвиги. Успехи «новых левых» во Франции и в Европе в целом, только подтверждали эффективность такого подхода.

Но в отличие от большинства французских интеллектуалов второй половины XX века Ален де Бенуа не был сторонником марксизма, что делало его позицию несколько обособленной. Но вместе с тем, не разделяя коммунистических убеждений как таковых, де Бенуа строил свою политическую философию на

¹ Benoist de A. Vu de droite. Anthologie critique des idées contemporaines. P., Copernic, 1977.

радикальном отвержении либеральных и буржуазных ценностей, отрицая капитализм, индивидуализм, модернизм, а также геополитический атлантизм и евроцентризм Запада. Более того, он противопоставлял «Европу» и «Запад» как два антагонистических концепта: «Европа» для него является полем развертывания особого культурного Логоса, идущего от греков и активно взаимодействующего с богатством кельтской, германской, латинский, славянской и иных европейских традиций, а «Запад» — эквивалентом механицистской, материалистической, рационалистской цивилизации, основанной на преобладании техники надо всем остальным. «Запад», таким образом, Ален де Бенуа, вслед за О. Шпеглером понимал как «закат Европы», и вместе с Ф. Ницше и М. Хайдеггером был убежден в необходимости преодоления современности как нигилизма и «покинутости мира бытием» (Seinsverlassenheit). Запад в этом понимании был тождественен для него либерализму, капитализму, буржуазному обществу. Все это «новые правые» призывали преодолеть. Не будучи материалистами, «новые правые» вместе с тем были согласны с тем ключевым значением, которое Грамши и его последователи уделяли области «гражданского общества». Так Ален де Бенуа пришел к выводу, что то явление, которое Грамши называл «гегемонией», является точным названием для того набора явлений, понятий, установок и ценностей, которые сам де Бенуа считал «абсолютным злом». Это привело к провозглашению им принципа «грамшизма справа».

«Грамшизм справа» означает признание автономии «гражданского общества в понимании Грамши» вместе с выявлением феномена гегемонии в этой сфере и выбором своей мировоззренческой позиции на противоположной от гегемонии стороне. Так, Ален де Бенуа публикует программную работу «Европа, Третий мир — одна и та же битва»¹, всецело построенную на параллелях между борьбой народов Третьего мира против западного буржуазного неокOLONиализма и стремлением ев-

¹ Benoist de A. Europe, Tiers monde, même combat. P.: Robert Laffont, 1986

ропейских народов освободиться от отчуждающей диктатуры буржуазного рыночного общества, от морали и практики торговцев, заместившей собой этику героев¹ (В. Зомбарт).

Важнейшее значение «грамшизма справа» для ТММ состоит в том, что такое понимание «гегемонии» позволяет встать на позицию за пределом левого и марксистского дискурса и отвергнуть буржуазный порядок во всех областях (как в базисе — экономика, так и в надстройке — политика и гражданское общество), но не после того, как гегемония станет тотальным планетарным и глобальным фактом, а вместо этого. Отсюда чрезвычайно нагруженный смыслом нюанс в названии другой программной работы Алена де Бенуа «Против либерализма»² в сравнении с «После либерализма»³ неомарксиста Иммануила Валлерстайна: для де Бенуа ни в коем случае нельзя уповать на «после», нельзя позволить либерализму сбыться как совершенному факту, надо быть против уже сейчас, сегодня, вести борьбу из любого положения и в любой точке мира. Гегемония атакует в планетарном масштабе, находя своих носителей как в сложившихся буржуазных обществах, так и в обществах, где капитализм еще не утвердился окончательно. Поэтому контргегемония должна мыслиться вне идеологических сектантских ограничений: если мы хотим создать контргегемонистский блок, то в его состав надо ввести всех представителей антибуржуазных, антикапиталистических сил — левых, правых или вообще не поддающихся никакой классификации (сам де Бенуа постоянно подчеркивает, что разделение на «левых» и «правых» давно устарело и не соответствует настоящему выбору позиции; сегодня гораздо важнее, ты за гегемонию или против нее).

¹ Зомбарт В. Торгаши и герои. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 томах. Том 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.

² Бенуа А. Де Против либерализма. К Четвертой Политической Теории. СПб: Амфора, 2009.

³ Валлерстайн И. После либерализма. Указ. соч.

«Грамшизм справа» Алена де Бенуа возвращает нас к «Манифесту Коммунистической Партии» Маркса/Энгельса и вопреки их эксклюзивистскому и догматическому призыву «очиститься от попутчиков» призывает к формированию Глобального Революционного Альянса, объединяющего всех противников капитализма и гегемонии, всех тех, кто сущностно против него, и при этом неважно, кто что берет за позитивную альтернативу — важнее в данном случае наличие общего врага. В противном случае, считают «новые правые» (отказывающиеся, кстати, называть себя «правыми» — это название было дано представителям этого течения их оппонентами, не нашедшими иного термина для обозначения их позиции) гегемонии удастся разделить своих противников по искусственным признакам, противопоставить одних другим, чтобы успешнее справиться со всеми по отдельности.

Денонсация евроцентризма в исторической социологии

С совершенно иной стороны подошел к этой же проблеме современный исследователь международных отношений и один из главных представителей исторической социологии в МО Джон Хобсон. В своей программной работе «Евроцентрическая концепция мировой политики»¹ он анализирует практически все подходы и парадигмы в МО с точки зрения заложенной в них иерархии, построенной по принципу сравнения Государств и их роли, их структур и их интересов с образцом западного общества, взятого за универсальный норматив. Хобсон приходит к выводу, что все без исключения школы в МО строятся на имплицитном евроцентризме, то есть признают универсальность западно-европейских обществ и считают фазы европейской истории обязательными для всех остальных культур. Хобсон справедливо рассматривает такой подход как проявление европейского расизма, постепенно и незаметно переходя-

¹ Hobson J. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 -2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

щего от биологических теорий о «превосходстве белой расы» к убежденности в универсальности западных ценностей, технологий, а вслед за этим и интересов. «Бремя белого человека» становится «императивом модернизации и развития». При этом сами локальные общества и культуры подлежат этой «модернизации» по умолчанию — никто их не спрашивает, согласны ли они с тем, что западные ценности, технологии и практики универсальны, или имеют, что возразить. Лишь сталкиваясь с насильственными формами отчаянного сопротивления в форме терроризма и фундаментализма, Запад (иногда) задается вопросом: «за что они нас так ненавидят?» Но ответ готов заранее: от собственной дикости и неблагодарности за все те блага, которые несет с собой «цивилизация».

Важно, что Хобсон убедительно показывает, что расизм и евроцентризм присущи не только буржуазным теориям МО, но и марксизму и в том числе критической теории МО (неограмшизму). Марксисты при всей их критике буржуазной цивилизации, убеждены, что ее триумф неизбежен, и в этом разделяют общий для западной культуры этноцентризм. Хобсон показывает, что сам Маркс отчасти оправдывает колониальные практики тем, что они ведут к модернизации колоний, а, следовательно, приближают момент пролетарских революций. Таким образом, в исторической перспективе сам марксизм оказывается пособником капиталистической глобализации и союзником расистских цивилизационных практик. Деколонизация мыслится марксистами только как прелюдия к построению буржуазных Государств, которым только еще предстоит встать на путь полноценной индустриализации и двинуться в сторону будущих пролетарских революций. А это мало чем отличается от теорий неолибералов и транснационалистов.

Джон Хобсон предлагает приступить к созданию радикальной альтернативы — к разработке теории МО, основанной на неевроцентристском и антирасистском подходе. Он солидарен с проектом «контргегемонистского блока»,

выдвинутого неограмшистами, но настаивает на освобождении его от всех форм евроцентризма, а, следовательно, на его качественном расширении.

Этот проект неевроцентричной теории МО приводит нас, наконец, напрямую к ТММ.

Переход к многополярности

Теперь мы можем свести воедино все то, что было сказано о контргегемонии, и поместить в контекст Теории Многополярного Мира (ТММ).

ТММ, по сути, и является последовательной неевроцентристской теорией МО, отвергающей гегемонию в ее основах и призывающей к созданию широкого контргегемонистского альянса или контргегемонистского пакта. Контргегемония в ТММ осмысливается сходным образом с теориями неограмшистов и представителей критической школы МО. Гегемония есть доминация капитала и буржуазной политической системы организации общества, но выраженная в интеллектуальной сфере. То есть гегемония есть, прежде всего, дискурс. При этом среди трех сегментов общества, выделяемых Грамши — базис и две составляющие надстройки (политика и «гражданское общество»), ТММ в согласии с постмодернистской и постпозитивистской эпистемологией главенствующим считает именно уровень дискурса, то есть интеллектуальную сферу. Именно поэтому вопрос о гегемонии и контргегемонии видится центральным и основополагающим для построения ТММ и ее эффективной реализации на практике. Область метаполитики важнее как политики, так и экономики. Она не исключает их, но логически и концептуально предшествует им. В конечном счете, человек имеет дело только со своим разумом и его проекциями. Поэтому устройство или переустройство сознания автоматически влечет за собой изменение (внутреннего и внешнего) мира.

ТММ есть фиксация контргегемонистской концепции в конкретном теоретическом поле. И до этого момента ТММ строго следует за грамшизмом. Но там, где дело доходит до выяснения

содержательной стороны контргегемонистского пакта, дают о себе знать существенные расхождения. Самым принципиальным является отказ от левого догматизма. ТММ отказывается рассматривать буржуазные трансформации современных обществ на всем пространстве планеты как универсальный закон. Поэтому ТММ принимает грамшизм и метаполитику скорее в версии «новых правых» (Ален де Бенуа), нежели в версии «новых левых» (Р. Кокс). При этом позиция Алена де Бенуа не является эксклюзивистской и не исключает марксизма, в той степени, в которой он является союзником в общей борьбе против Капитала и гегемонии. Поэтому, строго говоря, выражение «грамшизм справа» не совсем точно: правильнее было бы говорить об инклюзивном грамшизме (контргегемонии, понятой широко, как все типы противостояния гегемонии, то есть как обобщающее и этимологически строгое «контр-») и эксклюзивном грамшизме (контргегемонии, понятой узко, только как «пост-гегемония»). ТММ ратует за инклюзивный грамшизм. Более обстоятельно эта позиция преодоления правых и левых, а также выхода за концептуальные пределы политических идеологий Модерна, разворачивается в контексте Четвертой Политической Теории, неразрывно связанной с ТММ.

Чрезвычайно важным является вклад в разработку инклюзивной контргегемонии Дж. Хобсона. Его призыв строить не-евроцентричную теорию МО точно совпадает с целью ТММ. Международные отношения должны быть осмыслены с плюральных позиций. При построении по настоящему универсальной теории должны быть выслушаны и учтены представители самых разных культур и цивилизаций, религий и этносов, обществ и общин. В каждом обществе есть свои ценности, своя антропология, своя этика, свои нормативы, своя идентичность, свои представления о пространстве и времени, об общем и частном. В каждом обществе есть, в конце концов, свой собственный «универсализм»; как минимум, свое собственное понимание того, что является «универсальным». Что думает об

«универсальности» Запад, нам известно, даже слишком. Пора предоставить право голоса остальному человечеству.

Это и есть многополярность в ее фундаментальном измерении: свободный полилог обществ, народов и культур. Но прежде, чем этот полилог сможет по-настоящему развернуться, необходимо определить общие правила. А это и есть теория Международных Отношений. Причем такая, которая будет предполагать открытость терминов, концепций, теорий, понятий, плюральность акторов, комплексность и полисемию высказываний. Не терпимость, но соучастие и взаимопонимание. ТММ в этом случае является не финалом, но стартом, расчищением базового пространства для будущего миропорядка.

Однако призыв к многополярности звучит не в пустом пространстве. В дискурсе о международных отношениях, в глобальной политической, социальной и экономической практике властвует гегемония. Мы живем в жестком евроцентричном мире, где империалистически доминирует одна сверхдержава (США) совокупно с ее союзниками и вассалами (страны НАТО), где рыночные отношения диктуют все правила хозяйственных практик, где буржуазные политические нормативы берутся в качестве обязательных, где техника и уровень материального развития считаются высшими критериями, где ценности индивидуализма, личного комфорта, материального благополучия и «свободы от» превозносятся выше всех остальных. Одним словом, мы живем в мире торжествующей гегемонии, раскинувшей свои сети в планетарном масштабе и подчиняющей себе все человечество. Поэтому чтобы сделать многополярность реальностью, необходима радикальная оппозиция, борьба, противостояние. Иными словами, необходим контргегемонистский блок (в его инклюзивном понимании).

Рассмотрим, какие ресурсы наличествуют у этого потенциального блока.

Синтаксис гегемонии/синтаксис контргегемонии

Гегемония в своей концептуальной голограмме основывается на убежденности в том, что современность во всем превосходит древность (прошрое), Модерн над Премодерном, и что Запад во всем превосходит на-Запад (Восток, Третий мир).

Вот такую структуру имеет синтаксис гегемонии в самом общем виде:

Запад (the West) = современность (Модерн) = цель = благо = прогресс = универсальные ценности = США (+НАТО) = капитализм = права человека = рынок = либеральная демократия = право

vs

Остальное (the Rest) = отсталость (Премодерн) = нуждается в модернизации (колонизация/помощь/уроки/внешнееуправление) = нуждается в вестернизации = варварство (дикость) = локальные ценности = недокапитализм (еще некапитализм) = несоблюдение (недостаточное соблюдение) прав человека = несправедливый рынок (участие Государства, клановость, групповые преференции) = недодемократия = коррупция

Эти формулы гегемонии аксиоматичны и автореферентны, как своего рода self fulfilling prophecy. Один термин обосновывается другим из цепочки эквивалентностей и противопоставляется любому термину (симметричному или нет) из второй цепочки. По этим незатейливым правилам строится любой дискурс гегемонии. Он может иметь видимость каузальности, иллюстративности, дескриптивности, аналитики, прогноза, исторического исследования, социологического опроса, дебатов, оппозиций и т.д. Но в своей структуре гегемония строится именно на таком осто́ве, покрывая его миллионами вариаций и рассказанных историй. Как только мы приняли эти две параллельные цепочки равенств, мы находимся внутри гегемонии и полностью закодированы ее синтаксисом. Любое возражение будет гаситься новыми

суггестивными пассажами, скачущими через один или другой термин, что бы прийти к искомой гегемонистской тавтологии. Даже самые критические формы дискурса рано или поздно соскользнут в эту постоянно возобновляемую семантическую колею синонимов и растворится в ней. Стоит признать хотя бы одно из отождествлений, далее все предрешено заведомо.

Поэтому строительство контргегемонии начинается с полного опровержения обеих этих цепочек.

Построим симметричный синтаксис контргегемонии:

Запад (West) ≠ современность (Модерн) ≠ цель ≠ благо ≠ прогресс ≠ универсальные ценности ≠ США (+ НАТО) ≠ капитализм ≠ права человека ≠ рынок ≠ либеральная демократия ≠ право

vs

Остальное (Rest) ≠ отсталость (Премодерн) ≠ нуждается в модернизации (колонизация/помощь/уроки/внешнее управление) ≠ нуждается в вестернизации ≠ варварство (дикость) ≠ локальные ценности ≠ недокапитализм (еще некапитализм) ≠ несоблюдение (недостаточное соблюдение) прав человека ≠ несправедливый рынок (участие Государства, клановость, групповые преференции) ≠ недодемократия ≠ коррупция

Если значки равенства гипнотически внедряются в коллективное сознание как нечто само собой разумеющееся, развернутое обоснование каждого значка неравенства требует отдельного текста или группы текстов. В той или иной степени ТММ и параллельные ей Четвертая Политическая Теория¹, евразийство, «новые правые» (А. Де Бенуа), неевроцентричная теория МО (Дж. Хобсон), традиционализм, постмодернизм и т.д. осуществляют эту задачу, но сейчас важно предложить эту схему как наиболее общую форму контргегемонистского синтаксиса. Отрицание содержательного высказывания содержательно уже в силу самого факта отрицания, а значит, осмысление неравенств нагружено смыслами и связями. Ставя под сомнение цепочки отождествлений гегемонии, мы получаем семантическое

¹ Дугин А. Г. Четвертая Политическая Теория. СПб.: Амфора, 2009.

поле, свободное от гегемонии и ее суггестивной «аксиоматики». Это полностью развязывает нам руки для развертывания контргегемонистского дискурса.

В данном случае мы привели эти базовые правила для конкретной цели: для предварительного и самого общего исчисления тех ресурсов, на которые можно рассчитывать теоретически при построении контргегемонистского пакта.

Глобальная революционная элита

Контргегемонистский блок строится вокруг интеллектуалов. Следовательно, его ядром должна быть глобальная революционная элита, отвергающая статус кво в самой его глубинной основе. Эта глобальная революционная элита образуется вокруг синтаксиса контргегемонии. Пытаясь осмыслить свое положение из любой точки современного мира, — в любой стране, культуре, обществе, социальном классе, профессиональной функции и т.д., — человек в поисках глубоких ответов об устройстве общества, в котором он живет, рано или поздно придет к пониманию базовых тезисов гегемонистского дискурса. Конечно, это дано не каждому, но, по Грамши, каждый человек есть интеллектуал до определенной степени; однако, только полноценный интеллектуал представляет собой человека в полном и совершенном смысле; он своего рода делегат в парламент мыслящего человечества (*homo sapiens*) от более скромных его представителей (от тех, кто не может или не хочет реализовать полноту данных человеку как виду возможностей — кульминирующих в возможности мыслить, то есть быть интеллектуалом). Такой интеллектуал и имеется в виду, когда мы говорим об обнаружении гегемонии. В этот момент он становится перед выбором, то есть реализует свою возможность стать интеллектуалом органическим: он может сказать гегемонии «да» и принять ее синтаксис, далее действуя в его структуре, а может сказать «нет». Когда он говорит «нет», он отправляется на поиски контргегемонии, то есть ищет доступа в глобальную революционную элиту.

Этот поиск может остановиться на промежуточном этапе: всегда существуют локальные структуры (традиционалисты, фундаменталисты, коммунисты, анархисты, этноцентристы, революционеры разных типов и т. д.), которые, осознавая вызов гегемонии, отвергают его, но делают это на локальном уровне. Здесь мы находимся уже на уровне органических интеллектуалов, но пока еще не осознающих необходимость обобщения своего отказа от гегемонии в форме универсальной планетарной стратегии. Однако, вступая в реальную (а не воображаемую) борьбу с гегемонией, любой революционер рано или поздно обнаружит ее транснациональный, экстерриториальный характер: для своих целей гегемония всегда прибегает к комбинации внутренних и внешних факторов, атакуя то, что считает своим противником или препятствием своего имперского владычества (элементы второй цепочки — Остальные (the Rest)). Поэтому локальное сопротивление глобальному вызову в один момент достигнет своих естественных пределов; когда-то гегемония может и отступить, но она придет снова, и просто вернуться от нее не удастся никому и никогда.

Когда придет момент такого осознания, наиболее развитые интеллектуально представители локальной контргегемонии осознают необходимость выхода на уровень фундаментальной альтернативы, то есть на овладение контргегемонистским синтаксисом. А это уже прямой путь к Глобальному Революционному Альянсу. Таким образом будет формироваться объективно и естественно мировая контргегемонистская элита.

Именно ей и суждено стать ядром контргегемонии. Более всего ТММ необходима именно ей.

Ресурсы контргегемонии:

«ревизионеры» миропорядка и их уровни

Классические теории МО, в частности реализм, делят страны на тех, кого устраивает существующее положение вещей и баланс сил в мироустройстве, и тех, кого не устраивает и кто

хотел бы, поэтому, его изменить в свою пользу. Первые называются «сторонники статус кво», вторые — «ревизионеры».

Те силы в мире, независимо от их масштаба и их влияния, которые вписаны в гегемонию и удовлетворены ей, представляют одну половину (мыслящего) человечества; «ревизионеры» — вторую. Закономерно, контргегемонистская элита рассматривает совокупность «ревизионеров» как свой ресурс. Именно «ревизионеры», свою очередь, осознают ли они это сами или нет, нуждаются в ТММ. Эта потребность в ТММ может быть вполне бессознательной, но даже если принять модель «цезаризма» и предположить, что многие политические единицы заняты только и исключительно процессами «трансформизма» (*transformismo*), в любом случае ТММ дает им дополнительный аргумент для того, чтобы оппонировать давлению гегемонии. Иными словами, у контргегемонистской элиты (понятой широко, в описанном нами структурном виде — по ту сторону правых и левых) в лице «ревизионеров» появляется мощный естественный ресурс.

Для того, чтобы этот ресурс наличествовал, совершенно не обязательно, чтобы руководящие политические элиты стран «ревизионеров» были солидарны с контргегемонией или принимали ТММ как руководство к построению внешней политики. Здесь самое время вспомнить то значение, которое имеет интеллектуальный дискурс в его автономном состоянии (а на этом неограничимся и настаиваем). Достаточно того, что интеллектуалы Глобального Революционного Альянса будут осознавать значение и функции «цезаристских» режимов в глобальном поле гегемонии; сами «ревизионеры» действуют интуитивно, тогда как представители контргегемонистского пакта — вполне осознанно. У тех и других в среднесрочной перспективе интересы совпадают. А это делает контргегемонистский пакт заведомо фундаментальной силой: *hardware* предоставляют «ревизионеры», *software* — глобальная революционная элита.

«Ревизионеры» в современном мире — это целый ряд мощных и развитых Государств, которые в силу различных исторических обстоятельств помещены глобальной гегемонией в такие условия, что чувствуют себя ущемленными, а дальнейшее развитие по логике, навязываемой глобальным дискурсом, неминуемо приведет их либо к нежелательным для актуальных политических элит последствиям, либо к дальнейшему ухудшению положения дел. «Ревизионеры» весьма различны: одни склонны к компромиссу с гегемонией, другие, напротив, стараются всячески уклониться из под ее влияния. Но повсюду есть поле для деятельности глобальной революционной элиты.

Самым серьезным объединением стран-«ревизионеров» является БРИКС. Каждая из этих стран сама по себе является гигантским ресурсом, и руководство всего клуба «Второго мира» объективно заинтересовано в многополярности, а следовательно, ничто не мешает продвигать в них ТММ в качестве стратегической программы внешней политики.

Вокруг стран «Второго мира» гравитируют целые констелляции крупных региональных держав (Аргентина, Мексика в Латинской Америке; Турция, Пакистан в Центральной и Передней Азии; Саудовская Аравия, Египет — в арабском мире; Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Южная Корея на Дальнем Востоке и т.д.). Каждая из этих стран в какой-то мере также может быть отнесена к «ревизионерам» и имеет внушительный список региональных амбиций, удовлетворить которые в системе гегемонии затруднительно или невозможно. Кроме того, еще больше у них страхов и вызовов в области безопасности, что отражению которых гегемония не только не способствует, но только усиливает.

Кроме того, есть целый ряд стран, находящихся в прямой оппозиции гегемонии (Иран, Северная Корея, Сербия, Венесуэла, Боливия, Эквадор и т.д.), что предоставляет Глобальному Революционному Альянсу привилегированные стратегические площадки.

На следующем под-государственном уровне требуется более тщательный анализ, призванный выявить «ревизионеров» на политическом уровне — то есть те политические партии и движения, которые по тем или иным идеологическим соображениям отвергают гегемонистский дискурс в том или ином его существенном элементе. Такие политические силы могут быть правыми или левыми, религиозными или секулярными, националистическими или космополитическими, парламентскими или радикально оппозиционными, массовыми или «диванными». Все они могут быть интегрированы в стратегию контргегемонистской элиты. При этом такие партии и движения могут располагаться как в политической зоне «ревизионеров», так и в поле тех стран, где гегемония укрепилась твердо и основательно. При определенных обстоятельствах — особенно в условиях кризиса или реформ — даже в таких державах открываются определенные окна возможности для неконформных сил и их (пусть относительного) успеха и продвижения.

В сегменте гражданского общества возможности контргегемонии еще более широкие, так как здесь носители гегемонистского дискурса выступают напрямую, без масок и опосредований. В области науки, культуры, искусства, философии носители контргегемонии, владеющие синтаксисом, способны эффективно противостоять идейным противникам, так как количество и масса в данной среде имеет весьма второстепенное значение. Один талантливый и подготовленный интеллектуал со стороны контргегемонии может стоять тысячи противников. В этой неполитической сфере, где располагаются науки, культура, искусство, философия контргегемония может использовать гигантский арсенал средств и методов — от религиозных и традиционалистских до авангардных и постмодернистских; ориентируясь на корректно понятый контргегемонистский синтаксис, не будет составлять труда развернуть самые разнообразные интеллектуальные стратегии, бросающие вызов западной «аксиоматике» Модерна. Эту модель также легко можно применить

не только в незападных обществах, но и в развитых капиталистических странах, повторяя в новой исторической ситуации успешный опыт нового левого грамшизма в Европе 60-70-х гг. XX века.

Совокупность под-государственных политических структур и бескрайняя зона «гражданского общества» в понимании Грамши, совокупно дает нам мезоуровень, тогда как сами Государства («ревизионеры») как таковые могут быть взяты за макроуровень развертывания контргегемонистской практики.

И, наконец, микроуровень — это отдельные личности, которые также могут быть при определенных условиях носителями контргегемонии, так как поле борьбы за ТММ — это человек как таковой во всех его измерениях — от личного до социального и политического. Глобальность следует понимать антропологически.

Так мы получаем гигантский резервуар ресурсов, который находится в распоряжении потенциальной глобальной революционной элиты. В той ситуации, когда правила задает гегемония, а ей пассивно сопротивляется «недогегемония» или просто «негегемония», этот ресурс нейтрализован, либо задействован в бесконечно малой степени и в строго локальных ситуациях, а следовательно, он не консолидирован, рассеян и подлежит постепенной энтропии. Для самой гегемонии он не более, чем пассивное препятствие, инерция и объект, подлежащий покорению, «доместикации» или демонтажу (как для строительства дороги вырубают лес или засыпают болота). То есть, все это становится ресурсом контргегемонии только тогда, когда контргегемония есть осознающая себя сила, как исторический субъект, как явление. Все это становится ресурсом, когда налицо глобальная революционная элита, обращенная в ТММ как к теоретической базе. До этого и без этого все перечисленные моменты ресурсом не являются.

Контргегемония и Россия

Осталось спроецировать принципы контргегемонии в контексте ТММ на ситуацию в России.

В контексте неограмшистского анализа современная Россия представляет собой классический «цезаризм» со всеми его типичными атрибутами.

Гегемония, со своей стороны, уверенно помещает Россию в цепочку «Остальные» (the Rest) и строит ее образ с соответствиями со своим классическим синтаксисом: «авторитаризм» = коррупция = нуждается в модернизации = не соблюдает права человека и свободу прессы = Государство вмешивается в вопросы бизнеса и т. д.

Субъективно российское руководство занято процессами «трансформизма» (transformismo), постоянно балансируя между уступками гегемонии (участие в международных экономических организациях, таких как ВТО, приватизация, рынок, демократизация политической системы, подстройка под образовательные стандарты Запада и т.д.) и стремлением сохранить суверенитет, а заодно и власть правящей элиты с опорой на «патриотические» настроения масс. При этом в международных отношениях лично Путин однозначно придерживается реализма, тогда как Правительство и экспертное сообщество явно тяготеет к либерализму, что создает типичное для «трансформизма» двоемыслие.

Для ТММ и контргегемонистской элиты такое положение дел создает благоприятную среду для развертывания автономной активности и представляет естественный анклав, способствующий ее развитию, укреплению и консолидации. Россия однозначно относится к лагерю «ревизионеров» в международной системе, утратив свое положение одной из двух сверхдержав в 90-е гг. XX века и резко сократив сферу своего влияния даже на ближайших рубежах. Однополярность мироустройства и укрепление гегемонии в последние десятилетия (=глобализация) принесли

России исключительно отрицательные результаты, так как строились — геополитически, стратегически, идеологически, политически и «психологически» — за ее счет. И хотя предпосылки для активного реванша явно не назрели, общая атмосфера в обществе и основные объективные тенденции помогают становлению ТММ и способствуют укреплению и кристаллизации российского сегмента глобальной контргегемонистской революционной элиты. Более того, многие шаги В. В. Путина в вопросах внешней политики, направленные на укрепление российского суверенитета, его намерения в строительстве Евразийского Союза, его критика однополярного мира и американской доминации, а также эпизодические упоминания многополярности как наиболее желательного мироустройства — все это расширяет поле возможностей для органического построения полноценной и состоятельной теории контргегемонии в контексте ТММ.

Мелентьева Н. В.

КОНТРГЕГЕМОНИЯ ПО ГОРИЗОНТАЛИ И ПО ВЕРТИКАЛИ (ПРОЛЕГОМЕНЫ К ЕВРАЗИЙСКОЙ ВЕРСИИ)

Гегемония как консенсус

Согласно А. Грамши, любая власть помимо экономики(базис) опирается на политику (надстройку, государство) и консенсус гражданского общества(тонкое тело гегемонии), «частные» структуры которого соглашаются разделять систему ценностей правящей элиты.

Гегемония — это моральное и интеллектуальное господство над гражданским обществом правящей элиты, состоящее в том, что ее мировоззрение, идеалы, ценности, образы мыслей воспринимаются этим обществом как справедливые, истинные, или, по крайней мере, как приемлемые, допустимые, привлекательные, консенсусные.

За консенсусом стоит идеологически-культурное господство политической элиты над массами. Оно достигается в результате прямого или косвенного, явного или неявного навязывания мировоззренческих, онтологических, гносеологических парадигм, вырабатываемых группами интеллектуалов, обслуживающих правящий класс (таких интеллектуалов Грамши называл «традиционными»). Сфера гегемонии, согласно А. Грамши, — гражданское общество, сфера власти — государство. Быть на стороне гегемонии или против нее есть дело свободного выбора интеллектуала. Если интеллектуал сознательно осуществляет выбор «против гегемонии», он из «традиционного» интеллектуала становится «органическим» (в терминологии А. Грамши).

Планетарная гегемония и ее субъект

В современном мире две политических идеологии модерна — коммунизм и фашизм — исчезли, проиграв на исторической сцене. Выигравшая третья идеология модерна — либерализм, претендуя на исчерпывающее выражение духа модерна, выступает сегодня, как отмечал Аллен де Бенуа, уже не в форме идей, теорий, программ или деклараций (именно в качестве теории либерализм характеризуется исчерпанностью концептуальной, когнитивной и ценностной баз), а скорее в форме операционного модуля современности — в виде порядка вещей, впечатанных в матрицу повседневности. И хотя либерализм обнаруживает исчерпанность своих концептуальных стратегий и испытывают практические трудности, постепенно вырабатывая свой ресурс и подвергаясь постмодернистской деструкции, он пока еще имеет мощную организационную базу и активные интеллектуальные стратегии.

В наши дни можно говорить о планетарной либеральной культурной и идеологической гегемонии (в духе Грамши), использующейся правящим классом в отношении: 1) населения отдельных стран, 2) элит и правительств этих стран, 3) международных структур и организаций. Ее основной идейный посыл состоит в том, что прогрессивное развитие человечества продемонстрировало убедительную победу на мировой сцене таких основополагающих принципов современности, как капитализм, рынок, либеральная демократия, права человека, право как таковое и т.д. Эти принципы лежали в основании западно-европейской цивилизации, которая доказала свое безоговорочное превосходство над другими мировыми цивилизациями, что предполагает необходимость универсального распространения западных ценностей и модернизации и вестернизации остальных (the Rest) стран, находящихся в стадии недоразвития и отличающихся недостаточным уровнем воплощения западных стандартов цивилизованности.

Как показывает Стивен Гилл, грамшистские стратегии «культурной гегемонии», начиная с 1980-х гг. активно использовались в международных отношениях для организационного сплочения правящей капиталистической элиты на глобальном уровне с целью: 1) создания глобального консенсуса в правящем классе, 2) приведения крупного капитала к управлению миром, 3) победы над коммунизмом и эффективного противостояния антирыночным структурам. С. Гилл опроверг распространенное в 1980-е годы мнение (Пол Кеннеди «Взлет и падение великих Сил») об упадке американской гегемонии, предсказанном ей в 1990-х гг., и доказал, что в 1980-е гг. она была переструктурирована на принципах тотальной «рыночной цивилизации» и «дисциплинарного неолиберализма», приведших к проникновению либерализма во все сферы социальной жизни, включая образование, медицину и микропрактику повседневности, притом, что либеральные стратегии принудительно насаждались государством¹.

Исследования С. Гилла показали, что в центре современного мира стоят организованные мировые элиты, жестко сражающиеся за доминирующий дискурс, превращающие властные стратегии в навязчивые теоретические модели и оперативную культурную практику на уровне гражданского общества.

Действительно, мировая элита сегодня выглядит консолидированно, обладает эффективным теоретическим дискурсом, рефлектирует рукотворный, конструируемый и при необходимости демонтируемый характер своих моделей (то есть владеет в лице обслуживающих их интеллектуалов методами деконструкции), понимает динамический и оперативный характер идеологической борьбы. Это означает, что либеральный полюс гегемонии консолидирован и обладает признаками концентрированной субъектности.

¹ Gill S. *American Hegemony and the Trilateral Commission* (1990), Gill S. *Power and Resistance in the New World Order* (2003)

Контргегемонистский полюс: новое начало

Альтернативный контргегемонистский полюс — полюс евразийского сопротивления сегодня находится в асимметричной ситуации. Он слабо консолидирован, и хотя его концептуальное оснащение высоко теоретично и авангардно, оно требует фундаментализации и творческого развития. Но самое главное — необходимо объединение усилий групп контргегемонистских интеллектуалов разных стран, создание контргегемонистского блока или альянса.

Эта задача сегодня стоит, в частности, перед «Международным евразийским движением», способным стать творческим и организационным ядром контргегемонистского полюса.

В чем состоит асимметрия нашего контргегемонистского ответа? Этот ответ дается в рамках Четвертой политической теории (4ПТ), новой теории, рождающейся из открытого творческого задания радикального преобразования политической, исторической, экзистенциальной и онтологической ситуации современного человечества.

Четвертая Политическая Теория, разрабатываемая в рамках русского евразийства, представляет собой творческое пространство контргегемонии. Это сфера Нового Начала (*Neuer Anfang*), место призыва творческого воображения и радикальной концептуальной, экзистенциальной и онтологической открытости, вызывающего к свободе интеллектуала проснуться и выбрать свою позицию, независимо от точки его нахождения в современном буржуазном мире.

Евроцентричный сублиминальный расизм

Евразийская контргегемония располагает серьезным арсеналом теоретических ресурсов. Важнейшим моментом здесь является глубокая критика модерна как духа современности, секулярности, профанизма, разрушивших сакральный порядок и редуцировавших человека к обломкам атомарной индивидуальности. В модерне для Четвертой Политической Теории неприемлемы прежде всего идея однолинейного прогресса как комму-

лятивного, стадияльного процесса материально-технического совершенствования человечества и идея автономного индивидуума.

Концепция линейного прогресса оформилась в середине XIX века в модели Л. Моргана и Э. Тейлора в виде идеи общественных стадий «дикости», «варварства» и «цивилизации». Гегемонические элиты глобализирующегося человечества манипулирует этими старыми моделями в строительстве однополярного мира, в неоколониальной практике, в обосновании современных локальных войн, военных и гуманитарных интервенций в де-юре независимые страны.

Расистскую подкладку теории линейного прогресса безупречно вскрыл Джон Хобсон, англо-австралийский исследователь международных отношений. По Хобсону, западноевропейский дискурс насквозь заряжен имплицитным культурным расизмом. Мысль о том, что прогресс — однолинейное восходящее движение, где завтра всегда лучше, чем вчера, позволяет видеть во всяком обществе на стадии «дикости» или «варварства» потенциальный объект управления со стороны «цивилизации», по умолчанию западноевропейской. Подразумевается, что «цивилизация» превосходит общества «дикости» и «варварства» по некоему «сублиминальному» критерию (обобщенно обозначаемому термином «агенсу»), который приблизительно соответствует тому, что называется «эффективностью», «действительностью», «рациональностью», «культурностью», «моральностью», «производительностью» и т.п. Согласно Д. Хобсону, культурный расизм и евроцентризм настолько глубоко укоренены в ментальности Запада, что все попытки создания альтернативных моделей мышления незаметно возвращаются к системе координат, сконфигурированной «сублиминальным расизмом» в гносеологической, ценностной, антропологической, религиозной или психологической формах¹. Всепроникающий

¹ Hobson J. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 -2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012

евроцентричный расизм гегемонии требует от интеллектуалов контргегемонии тщательного отслеживания траекторий проникновения расистского тезиса в концептуальный аппарат гуманитарного знания, рефлексивной деконструкции и активной денонсации евроцентризма.

Автономный индивидуум как недоразумение

Вторым неприемлемым для 4ПТ тезисом модерна является концепция «автономного индивидуума» как субъекта с присущими ему идеями «свободы от» и частной собственности как полюса объектности, соответствующего полюсу индивидуальной субъектности.

Если постмодерн пытается размыть «индивидуума» как «слишком полноценный» «тоталитарный» объект, то 4ПТ, наоборот, атакует его с позиций его недостаточности, неполноты, частичности. Можно посмотреть на индивидуума с двух точек зрения: 1) «справа» и «сверху», со стороны теологии, вертикали, духа, и 2) «слева», со стороны горизонтального измерения, концепций коллективной, социальной природы человека. Контргегемония 4ПТ предлагает «открыть индивидуума», посмотрев на него «сверху», со стороны духовной вселенной, с «платонических» позиций.

4ПТ ставит под сомнение почти все содержание модерна как антропологически, социально и политически неудовлетворительное, за исключением, может быть, некоторых остатков традиции, неперемолотых элементов премодерна, которые в свернутом и искореженном виде были отправлены модерном на периферию общества. Эти остатки, *residue* (в терминологии Р. Генона), и некоторые другие концептуальные элементы на границах модерна и маргинуме истории, могут представлять значительный интерес для 4ПТ. Так, громадной познавательной ценностью обладают исследования архаических обществ или обществ т.н. «примитивов», осуществляемых на протяжении последних ста лет «социальными и культурными антропологами». Обращение к непривычным для современного сознания

измерениям человеческого и около-человеческого опыта открыло многообразие неожиданно свежих, динамичных, живых картин их жизненных пространств, пронизанных мифами, духовными практиками, магией и ритуалом. В них обнаружили новые зоны философствования, экзистирования, действия, созерцания и слова.

Если 4ПТ и возвращается к наследию консерватизма, то в формате особого авангардного освоения и перекройки консервативных интуиций в духе консерватизма революционного, связанного с живой, горячей духовной традицией, переосмысленной, если использовать терминологию Мартина Хайдеггера, в перспективах новой метафизики и онтологии, соразмеренных с узловыми моментами истории бытия.

В этом контексте 4ПТ теоретически реинтегрирует гениальные концепции Карла Шмитта — «Политического», «друга — врага», «решения» (*Entscheidung*), «чрезвычайной ситуации» и др., например, в теорию многополярного мира (ТММ), предполагающую выяснение диалектики понятий «свой» — «чужой», «иной — враждебный», «дополнительный — альтернативный», «рядоположенный — оппозитный» при фиксации границ цивилизаций и определении сфер коммуникации, трансгрессии, идентичности, различия, противоположностей, противоречий и т. д.

Особым значением для контргегемонистского дискурса 4ПТ обладает шмиттовская теория «коллективного исторического идеализма», где «в качестве субъекта выступает не индивидуум, а конкретный, исторически определяемый социально единый народ, сохраняющий сквозь разные формы и стадии существования качественное единство, духовную непрерывность традиции и органическую свободу воли, динамической и наделенной своим собственным законом»¹.

4ПТ обращается к необычным часто не попадающим в фокус культурного мейнстрима открытиям в философии, филологии, психологии глубин, которые позволяют выстраивать

¹ см. Дугин А.Г. 5 уроков К. Шмитта для России, Современник, 1992, № 7

сложнейшие взаимоотношения между полюсами цивилизаций и культур, предполагающими тонкие пропорции в таких системах отношений, как «дружба», соперничество, инаковость, диалог, признание отличности себя от «другого», конфликт, война и т.д.

В освещении тематики многополярного мира 4ПТ привлекает глубинные размышления Жильбера Дюрана о диурнических и ноктюрнических типах воображения, лежащих в основании разных культур, а также о различных типах противоположностей, — бинарных, эквиполентных и градуальных, — порождающих неодинаковые структуры и конфигурации Логоса¹.

«Грамшизм справа» Алена де Бенуа

Евразийский контргегемонистский дискурс интегрировал в себя консервативно-революционную идеологию «новых правых» Алена де Бенуа (во Франции, так называемый «грамшизм справа», в котором последовательно критикуются принципы современного западного либерализма, а именно:

- рынок как антитрадиционный принцип чистого количества, редуцирующего многообразие жизни к экономике, коммерции, материальному факту;
- отказ от Политического, переход от власти (политики) к «управленьицу», деполитизация и лишение человека права участвовать в сфере государственного строительства;
- коммерциализация культуры, приводящая к торжеству низменных и плоских ее образцов и утрате духовного наследия ;
- торжество атомарного индивидуума и индивидуализма как антропологических принципов,
- идеология прав человека, ставшая современной религией;

¹ Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мудрость слова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011, Дугин А.Г. В поисках темного логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический проект, 2012

- потеря коллективной идентичности, в том числе этнической, народной, национальной;
- идея гражданина мира и нового кочевничества, «номадизма» без корней, родины, отчества;
- единообразие глобалистского однополярного либерального проекта;
- обеднение культур, утрата традиций, навязывание народам светского материалистического или позитивистского мировоззрения;
- культ вещизма, превращение всех форм жизни в товарные отношения,
- расслоения сообщества по экономическому признаку, отказ от идеи справедливости и социального государства и т. д.

Хотелось бы отметить, что в недрах философии евразийства не только блестяще аккумулирована критика современного мира, капитализма и либерализма в их современном состоянии, но и разработана идея парадигмального характера модерна и постмодерна, составляющих подоплеку современного мира, их исторической, пространственной и временной детерминированности, рукотворности, релятивности, ограниченности и деконструируемости¹.

Метаполитика:

фундаментализация политического дискурса

Осмотр и актуализация ресурсов евразийского контргегемонического тезауруса свидетельствует о том, что он выстроен полноценно, с множеством работающих схем, концептов и парадигм, разделяемых, признанных и принятых на вооружение мировой контргегемонистской мыслью.

Но дело в том, что кризисность современного мира, его нарастающая эсхатологичность рождает новые требования к контргегемонистскому дискурсу и его носителю.

¹ Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009

Современные стратегии отказа от евроцентризма, создание теории многополярного мира, формирование коллективного контргегемонического полюса или альянса контргегемоний предполагают переход от политики к более высокому уровню теоретизирования и практики — к уровню метаполитики. Это предполагает новые интеллектуально-духовные измерения политического делания — например, реанимацию идеи политической теологии, поднимающей политологический дискурс на новый уровень осмысления, ставящей вопросы экзистенциального, онтологического и богословского порядка применительно к политике. И, во-вторых, речь может идти о привлечении в новый контргегемонический политологический дискурс результатов исследований огромного спектра гуманитарных дисциплин — философии, истории философии, искусства, филологии, теологии, социальной антропологии, этносоциологии, геополитики и других наук.

Фундаментализация интеллектуального дискурса контргегемонии, придание ему глубинного, философского и теологического характера, предполагает поиск новых измерений субъекта, актора, резидента контргегемонического процесса, и, во-первых, конституирование его как интеллектуальной силы, и во-вторых, постановка вопроса о новом качестве его пребывания в мире, о способе его экзистирования и качестве его экзистенции.

Поэтому наряду с тематизацией перспектив субъекта контргегемонии в горизонтальном (условно) измерении, ставится вопрос о вертикальном, духовном, онтологическом его статусе.

Глобальный Революционный Альянс

В рамках горизонтальных стратегий Четвертой Политической Теорией рассматривается сценарий консолидации одиночных интеллектуалов, выбравших в свободном волеизъявлении путь контргегемонии, в глобальную мировую революционную элиту — Глобальный Революционный Альянс, имеющий транс-национальный, экстерриториальный характер. Далее речь идет

о вхождении контргегемонистского альянса в контакт с: 1) политическими элитами государств-«ревизионеров» (то есть государств, не вписавшихся в глобальную гегемонию, оппонирующих ей в режиме мягкого или жесткого сопротивления, как правило, в границах «цезаризма»¹ и «трансформизма»²) и 2) «государств, находящихся в прямой оппозиции гегемонии (Иран, Северная Корея, Сербия, Венесуэла, Боливия, Эквадор и т.д.), что может предоставить Глобальному Революционному Альянсу привилегированные стратегические площадки»; далее следует «под-государственный анализ политических партий и движений разных стран, отвергающих гегемонистский дискурс, а также носителей контргегемонии в академических средах, в сфере философии, искусства, культуры, и интеграция их в контргегемонистскую элиту». Далее ставится задача «разворачивания самых разнообразных интеллектуальных стратегий, бросающих вызов аксиоматике Модерна», и «трансформирования их в ресурс, когда глобальная революционная элита обращается к Теории Многополярного Мира и к Четвертой Политической Теории как к своей теоретической базе». Приблизительно так описывается горизонтальный срез глобальной стратегии современной теории контргегемонии Международного евразийского движения³.

«Кто?» политического процесса контргегемонии

Второй аспект, который мы обозначили как «вертикальный», озабочен качеством субъекта в современном мире, в том числе

¹ Цезаризм — политический режим, при котором авторитарная власть организуется на псевдodemократических принципах. Правитель, сосредоточив в своих руках верховную власть в полном объеме, сохраняет при этом демократические учреждения и формально признает, что власть делегирована ему народом, который остается единственным сувереном.

² Трансформизм (transformismo, «трансформация», «преобразование»); в МО термин используется в оригинале и означает балансирование между уступками гегемонии (приватизация, рынок, ВТО, демократизация, западные стандарты образования и политической системы) и стремлением сохранить суверенитет страны и власть правящей элиты.

³ Дугин А. Г. Контргегемония./ Теория международных отношений М.: Академический проект, 2013.

и качеством субъекта контргегемонии. От современного революционера-интеллектуала требуется не просто работа, дело, действие, а именно деяние (в смысле Ю. Эвола). В эсхатологической ситуации требуется Я героическое, на пределе возможностей, Я инициированное, преображенное.

В горизонте евразийской контргегемонии заявлена установка на предельно авангардные и инспиративные подходы к исследованию человека и человеческого как такового. 4ПТ заново ставит проблему гуманизма.

Если задаться вопросом о статусе, качестве человека в современном мире, как и вообще о том, кто является актором современного мирового политического и экономического процессов, «WER» мировой динамики, кто созерцает, теоретизирует, принимает решения, нечто перемещает и транслирует, трансформирует и революционизирует, изменяет, подвигает, уничтожает и планирует, завершает и формирует, мы окажемся в большом затруднении. Современный либерализм, заминированный модерном, указывает на индивидуума, якобы, свободного от ограничений, деятельного, просвещенного, либертарианского, решительного. Второй ответ на вопрос «что есть человек?» возникает из мутного потока «фазового перехода» общества от модерна к постмодерну. Оттуда всплывает образ разделенного, разломанного, восставшего на историю и культуру, язык и науку «дивидуума», заведомо дезориентированного, удерживающегося на поверхности последними всполохами своих одиноких желаний. Но образы индивидуума, взятые из дискурсов либерализма и постмодерна, неудовлетворительны. В обоих случаях это либо распавшиеся на части, расклеенные, дезориентированные одиночки, либо дрессированные, иссушенные правилами, рассудочные и аморальные клерки корпораций и госучреждений. Индивидуума в «пристойном» виде ни в либерализме, ни в постмодерне нет. Современность поставила под вопрос существование и индивидуума, и человека как такового, западная цивилизация де факто отказалась от гуманизма.

Контргегемония четвертой политической теории вопрос о «Weg» политики, экономики, знания, философии, аксиологии, экзистенции и онтологии предлагает поставить заново. Кто носитель, владетель, наследник, распорядитель того субтильного имущества, при котором во времена традиционного общества безоговорочно состоял человек?

Что есть человек сегодня? Каковы его границы и горизонты, вертикали и горизонталы? Каковы и есть ли у того, кто именуется сегодня «человеком», основания, смыслы, цели, скрепы? И, наконец, кто или что становится субъектом контргегемонистского полюса в национальном и наднациональном измерении?

Одним из концептуальных достижений 4ПТ является концепции «радикального субъекта». Радикальный субъект — это коренной субъект, который переживает себя как точку активного человеческого (или нечеловеческого?) присутствия в эсхатологических условиях т.н. «нисхождения», «Untergang-a» (М. Хайдеггер), в аномальном агонизирующем космосе. Одна из актуальных интерпретаций радикального субъекта, предлагаемая в 4ПТ — понимание его в духе хайдеггеровской концепции Dasein.

4ПТ предполагает не просто поставить вопрос о человеке заново, трансформировать качество самой мысли о человеке, прервать траекторию остывания логоса, повернуть логос вспять, помыслить саму мысль о человеке в огне. Теория контргегемонии должна отвоевать в современном мире пространство для своего бытия, расчистив его от всего плоского и профанического в модерне, проблематизировав саму территорию мысли, и обратившись к тому, что отброшено или осталось по краям, и преобразовав теорию в истинное созерцание, познание в мудрость, теологию в теосис, тление чувств в великий пожар ума. Ядовитая дряблость современной культуры, тлен ее рецептов и все действия формата модерна должны быть трансформированы новым сакральным звучанием политики, философии, теологии, истории и онтологии.

Dasein как интрига

Именно в этой перспективе 4ПТ предлагает неожиданный подход к тому, что называется «Wer»(кем?) — «субъектом, агентом, актором, носителем» — (чего?) теории, практики, действия, принятия решения, праксиса, политики, революции, бытия» и т. д. Обращаясь к мысли главного философа XX века Мартина Хайдеггера, 4ПТ заимствует из его философии ту пронзительную, зыбкую и трепетную инстанцию, которая именуется «Da-sein» — «человеческое присутствие», «вот-бытие», «человеческая реальность», «realite humain» (Анри Корбен). 4ПТ заинтригована хайдеггеровским словом «Dasein» и тем, что сквозь него удерживается, выстраивается и взращивается.

Тема «Dasein» перекликается с концепцией «радикального субъекта», давно обсуждаемой в евразийском философском дискурсе. Радикальный субъект — это коренной субъект, который переживает себя как точку горячего человеческого (или нечеловеческого?) присутствия в аномальном агонизирующем космосе последних времен. Одной из актуальных интерпретаций радикального субъекта, предлагаемой в 4ПТ, является его понимание его в духе хайдеггеровской концепции Dasein.

Мартин Хайдеггер в работах среднего периода, в частности, в «Beitrage zur Philosophie (Vom Ereignis)» в отличие от раннего «Sein und Zeit», стал рассматривать человеческое присутствие, Dasein, не просто как реальность открытую, явленную, данную человеческому индивидууму, а как то «вот- бытие», которое необходимо основать, учредить, стяжать, которое не дано, но задано и связано не столько с индивидуальным экзистированием, сколько с Бытием как таковым, с *Zein* (через *У*), с его подлинным быванием в событии(*Ereignungimereignis*).

Говоря о «Wer» Daseina'a, Хайдеггер утверждает, что Dasein может экзистировать аутентично, «собственно», или «несобственно» (в режиме *Das Mann*). В первом случае внутри Dasein-a вспыхивает *Sein*, божественное, бытие.

Dasein, в котором вспыхивает и пылает Бытие, Хайдеггер называет «Последний богом», который приводит к «Эрайгни-су», Событию. Человек становится местом встречи того, что его учреждает, и своего собственного броска в сторону учреждающего Бытия. Dasein, по Хайдеггеру, связан с богами и божественным. Оно определяется точкой неразрывного соединения божественного и человеческого.

Nichts, гиперapoфатика и открытые топики Платона и Хайдеггера

Но Бытие (Seyn), которое нас учреждает как «человеческую реальность», как Дазайн, свидетельствует, по Хайдеггеру, также и о Nichts, Ничто — «вопрос о Seyn приходит не от сущего, а от Nichts, равного ему почину»¹. Тематика Ничто у Хайдеггера парадоксальным образом связывает его мысль с платоническим, наследием, с возрождением отношения к Бытию как к открытости, животворящей праоснове сущего. Бытие, которое граничит с Ничто, учреждает человеческое Dasein, и призывает логос, также ориентированный на открытость, дерзость и свободу. Близость Хайдеггера к платонизму поразительная, хотя формально он полагал, что именно с Платона на место открытого Бытия вступает идея, превращая мир в закрытый топос. Апория. Но она разрешается именно введением неоплатонического дискурса в пространство мышления о Дазайн.

У неоплатоников есть одна важнейшая мысль о гиперapoфатике (сверхапофатизме) Единого, которая выражена у Григория Паламы в тезисе о том, что «Бог непознаваем, но и не непознаваем», поскольку даже идея «непознаваемости» к нему неприложима. Это означает, что Единое неоплатоников в своем божественном единстве все-таки открывается миру и человеку. Прокл говорит о генадичности Единого, об особом динамическом, мерцающем проявлении его в мире. Таким же динамическим и мерцающим

¹ Heidegger M. Beitrage zur Philosophie. S. 245

является процесс человеческого восхождения (эпистрофе) на небо в платонизме, имеющего характер обожения.

Именно платонически, динамическим образом, видит Хайдеггер *Dasein*, который он описывает не как основание (*Grund*), а как процесс обосновывания (*Grundung*), принадлежащий негарантированному будущему, как прыжок в бездну, как эсхатологическую стрелу, брошенную в Последнего Бога. Человеческое бытие канат, натянутый между безднами, как акт собственного конституирования, как задание, как возможность будущего.

Рискованная экзистенция Ангела

4ПТ преодолевает индивидуализм и эссенциализм модерна, привлекая сложнейшие философские системы, грандиозные религиозные построения великих теологов и мистиков Востока, в частности, Сохраварди, интересное видение которого представлено в мысли и наследии французского ученика Хайдеггера философа Анри Корбена.

Dasein — это «вот-бытие». Оно между «здесь» (где локализовано индивидуальное) и «там» (где пребывает божественное) «*inzwischen*», и здесь евразийское воображение обращается к тематике суфизма и философии Ишрака Сохраварди, *Inzwicshen-dasein* — это местоблюстительство посредника, Ангела. Ангела-хранителя, призывающего к ангеломорфозу.

Человеку недостаточно индивидуальности, ему необходимо в предельном напряжении стяжать свою видовую определенность. Хайдеггер говорит, что *Dasein ist Menschsein*, то есть вспышка в человеке Человеческого как такового.

Эта вспышка Человеческого в индивидууме описывается в иранском шиизме через особое измерение или «стоянку» на духовном пути, именуемую «световым человеком», «совершенной природой», «Горним свидетелем», «духовным вожатым», «инобытийным существом» и, наконец, «Ангелом». В перспективе обретения этих измерений человек соотносит себя не с мелкими горизонтальными сюжетами профанической земной истории, но с фундаментальной историей духовного человечества,

с небесными событиями. Человек на этом пути становится созерцателем и творцом теофании в форме, соответствующей его существу, как считает Сохраварди. Здесь уместен евразийский термин «максимальный гуманизм» как обозначение вскрытия в человеке светового измерения, его ангелической природы. В традиции значимым всегда становилось только существо, реализовавшее в себе свое видовое достоинство, образец. Этим понятиям в монотеистических религиях соответствовало понятие «Ангел».

Ангеломорфоз связан не с сущностями и субстанциями, но с процессом, дюнамисом, энергией. Процесс должен быть открытым, не застывать. Человек как вид, как ангел, есть открытое движение в пространстве духовных энергий, открытое метаморфозам.

Устремляясь к Ангелу, человек рискованно расширяет свою видовую характеристику: Ангел имеет крылья, признаки животного, он — дух, и в то же время человек по телесному оформлению. Ангел тройственен — в нем человеческое, животное и дух соседствуют. Между первыми двумя натянута нить, развернуто напряженное противоборство-единение. Это парадоксальное натяжение и есть человек.

Фундаменталь-контргегемония

Почему в рамках выстраивания контргегемонии 4ПТ предлагается говорить не об индивидуальности, а о Дазайне, не о политике и социальности, а о теополитике и сакральных измерениях социума, не просто о множественности цивилизаций и культур, но о «ноотическом» обосновании этой множественности? Почему нас интересует Хайдеггер, Сохраварди, Платон, Прокл и т.д.? Почему мы осуществляем историко-философские инвазии в дискурс евразийской контргегемонии?

Эсхатологический градус современной мировой ситуации таков, что наша победа в интеллектуальной битве с полюсом гегемонии возможна только в случае предельно глубокой ориентации на Дух. Только горизонтальных, социальных

и политологических обоснований альтернативы единому мировому порядку заведомо недостаточно. Контргегемонии следует обращаться к сферам не просто культур, индивидуальностей, цивилизаций и их диалогов, но в глубину их оснований, бытийной оправданности и теологической обоснованности. Следует поставить вопрос о состоятельности, судьбах, онтологиях цивилизаций, об их связанности с духовными измерениями, со сферами бытийного и священного, о возможности выстраивания в рамках 4ПТ полноценных онтологических, экзистенциальных, теологических, феноменологических проектов, пока игнорируемых современной политической теорией, но вызывающих из своего небытия к судьбам человечества.

Евразийская контргегемония рассматривается как политическая теория, ставящая и решающая вопросы о бытии-Dasein, о Бытии-Sein, о статусе субъекта или субъектов, о возможном, разнообразии Dasein-ов, о том, кто носитель, благоприобретатель, охранитель этих Dasein-ов и т.д.

Фелькиш-дазайн и его изводы

У Хайдеггера есть несколько вариантов интригующих ответов на эти вопросы; один из них — «Daseinexistiertfolkisch» — «Дазайн существует народно», через народ, то есть в народном бытовании, быте, языке, особых смыслах, тропах и тропинках народной жизни. Но идет ли речь о коллективном субъекте, увенчивающем множественность народного собрания, коллектива, вече, тинга? И кто или что опекает и несет ответственность за Dasein народов?

Кажется, что здесь Хайдеггер указывает на множественность Dasein-ов. Но может быть, речь идет об описании Dasein в неподлинном, несобственном модусе?

Если мы увидим, что Dasein в собственном модусе множественен, то есть, что экзистенциалы Dasein-ов различны и что «Бытие к смерти» (как главный экзистенциал) по-разному организовано у различных народов и этносов, мы окажемся перед

головокружительными горизонтами. У Хайдеггера *Dasein* в своем экзистенциале, то есть в своем неподлинном, несобственном измерении, *Dasein* со своими окрестностями культурнообусловлен, то есть множественен. В своем же экзистенциале, то есть в подлинном модусе *Selbst*, он центрирован на Бытии к смерти, которая, с точки зрения Хайдеггера, едина для всех. Здесь Хайдеггер, казалось бы, однозначен.

Но евразийская мысль пытается идти дальше, и вслед за Жильбером Дюраном, французским социологом и теоретиком воображения, утверждает, что Смерть есть экзистенциал, осмысляемый по-разному в разных культурах: кто-то (европейцы) смотрит ей в лицо, сражаясь с ней в диурническом противостоянии, кто-то из народов мистически впускает ее в себя, ставит ее за своей спиной(архаические народы). Если базовое переживание смерти в пространстве воображения (имажинэра) является подлинным экзистенциалом, но вновь брезжит возможность говорить о множестве *Dasein*ов или способов человеческого присутствия в мире. И тогда возникают миры плюральной фундаменталь-антропологии, «человек плюральный», и множественные культуры и цивилизации как глубочайшее основание контргегемонической теории многополярного мира.

Социальные антропологи зафиксировали, что в архаических обществах индивида не существовало, член племени становился ценным, обретал значение, если приобщался к человеческому архетипу, к тотему. В Традиции человеческая индивидуальность также была ценностью сама по себе, значение имел всеобщий человек, всечеловек, человек как вид, как воплощение человеческого принципа, как такового, в его целостности, эйдетическом, световом измерении, в изводе совершенного человека(в традиции шиитского ислама).

4ПТ атакует индивидуального субъекта модерна со стороны Духа, традиции, инициатических доктрин. Если в модерне видовое отличие приписывается индивиду как его собственность, как его имя, то в традиции и 4ПТ все наоборот. В ее рамках

следует уничтожить индивидуума вместе с его ограниченной «свободой от» и частной собственностью, заставить его двигаться не по земным траекториям, но по линиям духовных восхождений, быть чем угодно, только не малым существом земного ландшафта.

Квадриполяризм и Ангелы больших пространств

Сегодня в евразийстве принято говорить о многополярности с числом полюсов не менее четырех, то есть о квадриполяризме. В действительности полюсов в многополярном мире должно быть столько же, сколько полноценных цивилизаций. Квадриполяризмом евразийство вынуждено ситуационно отвечать на вызов оппонентов-глобалистов, которые, вынужденно отказываясь от однополярного мира, стараются проигнорировать, не заметить евразийский полюс в глобальной политике.

4ПТ всегда интересовали силовые линии, образующие ткань различных цивилизаций и те духовные скрепы и нити, которыми сшиты большие пространства. Тема духовной природы или сакральности больших пространств интересна в связи с обоснованием (в рамках 4ПТ) принципов выделения различных цивилизационных полюсов и, в первую очередь, евразийского полюса многополярного мира.

Практика теологического подхода к Политическому, экзальтация сакральных его измерений предполагает поиск духовного единства Евразийской цивилизации, ее светового измерения. Евразийская контргегемония в этом случае апеллируем не к географии, и даже не к культуре или истории, а к геософии, к поиску Евразии во внутреннем измерении пространства души, точнее, к поиску внутреннего духовного континента Евразия, связанного с познанием Земли и ее площадок как Ангелов места.

В конституировании многополярного мира — нескольких полноценных духовных цивилизаций — евразийцы солидаризуются с учением Сохраварди об особом попечительстве над духовными территориями известных небесных сущностей —

Ангелов сакральных полюсов Земли или Ангелов духовных ориентаций пространства. Известно, что на Руси Богородица издревле рассматривается как хранительница земли русской и попечительница ее державной власти. Сохраварди говорит об Ангеле Евразии: Земля освященная воспринимается через Ангела и его Лик.

Таким образом, контргегемонический дискурс 4ПТ мыслится через ангелологию, геософию и сопровождается поиском духовных оснований евразийской ойкумены. Известно, что в маздеистской традиции Ангел Евразии — женского рода. Женский символизм характерен и для России-Евразии. Дева Мария, покровительница России, одновременно является предводительницей ангелов, принадлежащей к духовной промежуточной ангельской реальности.

Экзальтация сакральных измерений, а также теологических подходов к политической теории предполагает поиск духовного единства Евразийской цивилизации. Мы апеллируем не к географии и даже не к культуре или истории, а к геософии, к поиску Евразии во внутреннем измерении пространства души, к поиску внутреннего духовного континента Евразия, связанного с имажинальным познанием Земли как Ангела, а многих земель как собора Ангелов.

Под сенью Ангелов, возможно, быстрее явится вдохновение для евразийских конструкторов новых пространств, для выстраивания серии фундаментальных проектов контргегемонии: фундаменталь-онтологии, фундаменталь-антропологии, фундаменталь-культурологии и т. д.

Левый сектор контргегемонии и постмодерн

А. Грамши разделял нормальные и кризисные периоды в развитии общества и в стратегиях контргегемонии. В нормальные периоды предпочтительны мягкие стратегии молекулярных массированных воздействий: через конституирование медиасреды, воздействие на обыденное сознание с помощью книг, брошюр, разговоров, передач, через повторение одного и того

же, добиваясь восприятия всего на веру. В кризисные периоды общества предпочтительны целенаправленные шоковые идеологические операции, наносящие удар по массовому сознанию, заставляющие перейти от пассивности в активности, через создание цепной реакции, «цепочки синтеза», ведущей к катарсису общественного сознания.

Контргегемония 4ПТ рассматривает современный период как тотально кризисный. Это означает, что в ход должен быть пущен весь арсенал интеллектуальных средств контргегемонии, включая и левый ее фланг. Во-вторых, это означает своевременность фундаментализации радикализации всего контргегемонистского дискурса, и постановки вопроса о сакральных измерениях политики и философии.

Левые интеллектуалы грамшистской контргегемонии активно осваивают пространства постмодерна, предлагая переходить к динамическому конструктивизму, плюрализации идентичностей, к концепциям локального конституирования (ситуаций, текстов, интер- субъективности), динамического устройства, эвокативного порождения, артикуляционной практики. Так, в теории аргентинского философа Эрнесто Лаклау и бельгийского социолога Шанталь Муфф¹ вообще нет фиксированных субъектов, все идентичности (включая классовые) являются гибридными, носят случайный, неустойчивый, отсроченный характер; нарратив выглядит как мираж, который невозможно схватить, любые отношения никогда не тождественны самим себе. Общество не рассматривается как движущееся в одном направлении, конфликт интересов как антагонистических воле видится как опыт границы всякой объективности, как то, что противостоит сшиванию реальности. Гегемония — это процесс убеждения, который представляет собой диалог-потлач, где участники пытаются перещеголять друг друга, выдумывая все новые правила, придающие событиям видимую закономерность. С точки зрения Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф,

¹ Laclau Ernesto, Mouffe Chantal. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics

любой консенсус — это гегемоническая артикуляция, поэтому демократия должна быть построена на принципах антагонизма, в котором гарантированы соперничающие дискурсы и особую роль играют страсти и аффекты. По сути дела, речь идет о концепции плюрализации способов ведения демократических игр, представляющих собой чистые артикуляционные практики.

Постмодерн и евразийская контргегемония

Как евразийская контргегемония оценивает постмодернистские стратегии? Ей созвучен принцип антиэссенциализма, выражающийся в подчеркивании экзистенциального аспекта события, рождения его из конструктивного, проектируемого, процессивного субъект-объектного процесса смыслопорождения. Это важнейший элемент нового концептуального пространства, с которым контргегемония 4ПТ может работать.

Но в отличие от горизонтальных левых стратегий, евразийская контргегемония, переходя от онтологии сущностей к онтологии процесса, экзистенции, дюнамиса, метаморфозы, открытой трансформации в духе платонической и хайдеггерианской топик, настаивает на доминировании вертикального измерения любого политического проекта, на непрестанном соотнесении феноменального с идеальным (софиократии), на священнодействии в политике, на слиянии человеческих и эйдетических, божественных, умных энергий в осуществлении исторического процесса. Речь идет о привнесении сакрального измерения и духовных пропорций открытости в политическое и историческое творчество — о строительстве больших пространств, новых полюсов многополярного мира, прочерчивании силовых линий, образующих ткань духовных концептов этих пространств и, в первую очередь, пространства Евразии, как служении Небу и сверхнебесным богам. Евразийская контргегемония ставит вопрос о новом открытом духовном имперостроительстве, созвучном, как писал А. Корбен, алхимическому процессу, и о созидании интеллектуального, сакрального, одухотворенного, теоморфного политического и онтологического пространства нового номоса Земли.

Здесь возможны и экзальтация бытия, и теургия оживление мертвых земель и концептов — и все это в рамках заново осмысленной и реконструированной Традиции с проектами в стиле Платонополиса и Нового Средневековья.

«Нет картин мира и соответствующих им вещей в себе. Есть только творчество, свободное проектирование, совместное проживание события». Так говорит постмодерн, но это нам на руку — нам легче будет сдвинуть с пьедестала и свалить наземь идол либерализма.

Мы знаем, что постмодерн не случаен. Иначе зачем Господь свергнул нас в эту мерзость запустения? Здесь есть тайная вещь. Это точка экзальтации человеческой свободы и обнаружения последних богов, точнее, Последнего Бога, как предвидел Хайдеггер.

Инициатический опыт контргегемонии

В дискурсе евразийства присутствует тема эсхатологического гнозиса, фиксирующего онтологическое оскудение современного мира и особую диспозицию радикального субъекта в последние времена, предполагающую оперативные стратегии в сфере пред- и сверх-онтологических реальностей, в сфере Ничто сверху и снизу. В манифесте евразийского традиционализма 1998 г. это называлось «битвой ангелов последнего зона».

Эта битва особая: в ней дело, слово, процесс и результат неразделимы и сливаются в единое теургическое действо. Помимо того, что в этом пространстве совершается финальный эсхатологический выбор, который делают ангелы, в нем создается поток духовных смыслов, выстраиваются новые траектории и пути, создаются новые имена и новые сакральные пропорции. Это время битвы Ангелов в пространстве Бытия и Небытия, Бытия и Ничто, Единого и многого, Единого и Сверхъединого — битва, в которой процесс совпадает с результатом, в которой творение текста и экзистирование в потоке небесных энергий и смыслов и есть одновременно

желаемое преобразование мирского в священное, а, точнее, творение священного как цель Четвертой Политической Теории.

Все эти эксклюзивные задачи предполагают пробуждение и инициацию, адепта 4ПТ. Творчество в сфере политического будущего человечества есть духовное делание посвященных. Выбор остается за испытуемым: сможет ли он совершить прыжок вверх и в сторону (как говорил Хайдеггер, описывая инициатический прыжок) и в напряжении всех своих сил встать на путь аскезы, теосиса, обожения. Этот путь рискован.

Здесь речь идет о бремени онтологической проблематики последнего Эона и «о тайной лестнице в Эон в тайном алтаре души каждого человека, по которой можно подняться точно в назначенное место, а можно зайти не туда. Но если мы вообще не пойдем — погибнем под тяжестью падающих небес, как насекомые»¹.

¹ Дугин А. *Время Ангелов/ КонецСвета (эсхатология и традиция)* М.: Арктогея, 1997, С.14

Савин Л. В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КОНТРГЕГЕМОНИИ

Гегемония и доминирование, будь то последняя супердержава, распространяющее свое влияние на весь мир, или региональный актор, устанавливающий зону своих национальных интересов за пределами своих границ, всегда вызывали, и будут вызывать сопротивление, которое можно отнести к феномену контргегемонии.

Здесь мы сталкиваемся с бифуркацией на грамшианскую и реалистскую версию. Антонио Грамши утверждал, что борьба за гегемонию разворачивается в гражданском обществе, т.к. гражданская сила опирается на консенсус и договор¹. Иными словами, гегемония связана с буржуазным обществом, где преобладают либеральные ценности и взгляды на государственное устройство, и международные отношения. Следовательно, контргегемония разворачивается прежде всего в социальной сфере и направлена на ниспровержение буржуазных ценностей. С позиции глобального контроля контргегемония связана с теми силами, которые пытаются воспрепятствовать установлению специфического режима, нивелирующего и разрушающего гетеродоксальные формы социально-экономического порядка и базирующиеся на традиционных устоях.

В международных отношениях также часто употребляют выражение «гегемония» для обозначения преимущества какого-либо актора над другими региональными силами. Эта традиция связана с наследием Фукидида, т. к. похоже, что именно этот

¹ Грамши А. Избранные произведения. В 3-х тт. Т. III: Тюремные тетради. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959.

древнегреческий автор впервые применил термин «гегемония» в своей работе «История»¹, где он описывал ход Пелопонесской войны и предшествующие ей события. В данном значении часто говорят о гегемонии Китая в регионе Юго-Восточной Азии или гегемонии Индии над Непалом и Бангладеш.

Крайне важно отметить, что Уильям Робинсон указывал на четыре типа гегемонии в контексте исторической эволюции и мировой капиталистической системы:

1) гегемония как международное доминирование, что связано со школой реализма;

2) государственная гегемония, которая относится к межгосударственным отношениям и власти ключевых государств (*core states*);

3) гегемония как соперничество между историческими блоками при определенном политическом порядке (особенность социальной структуры аккумуляции);

4) Консенсусное доминирование или идеологическая гегемония².

Таким образом, государство, способное соединить все четыре позиции, может достичь статуса безусловного гегемона. Характерно, что идеологической базой гегемонии является рынок, а целью при этом является структурирование глобальной экономической системы через международные организации. ООН, Всемирный банк, Международный Валютный Фонд, Всемирная торговая Организация, Международная Организация Здравоохранения и многие другие являются инструментами осуществления гегемонии США. Следовательно, верховенство права и международного законодательства является той опорой, на основе которой Вашингтон проводит свою экспансию и господство. Даже государства-изгои, которые не вписываются в текущую систему международных отношений,

¹ Фукидид. История. М., 1993.

² Robinson, William I. Gramsci and Globalisation: From Nation-State to Transnational Hegemony// Critical Review of International Social and Political Philosophy 8, no. 4, 2005, P. 1–16.

вынуждены смириться с диктатом США, который выражается в экономической блокаде, санкциях и прочих мерах сдерживания и контроля.

По мнению аргентинского геополитика Карлоса Альберто Перейра-Меле гегемония в XX веке осуществлялась благодаря действиям Трехсторонней комиссии, которая утверждала неолиберальный порядок и маргинализировала Европу. Эти действия также довольно сильно ощущались в Латинской Америке, что привело к сопротивлению отдельных государств (наиболее яркие представители — это лидеры национальных движений — Кастро, Торрес, Баргас, Веласко Альвадаро, Перон), а в дальнейшем вызвало ответную реакцию и трансформацию континента, выраженную в создании региональных блоков — UNASUR, MERCOSUR, CELAC, ALBA. Экономическим двигателем данного сопротивления, по мнению Перейра-Меле, является Бразилия, а Аргентина представляет собой «хаб» региона¹. Аналогично, усилия других государств, будь то БРИКС, неудавшийся проект Африканского Союза Каддафи или Евразийский Союз направлены на снижение двойной гегемонии. В международной политике это выражено в попытке снизить влияние доминирования определенных политических сил, а в граммшистской версии перестроить социумы внутри государств².

Данные усилия, которые зачастую сливаются в различных политических проектах, например в Боливарианской революции в Венесуэле или индихинистских реформах в Боливии, можно охарактеризовать как конъюнктурную контргегемонию. Подобные попытки оседлать глобализацию и выработать конструктивный проект сопротивления были связаны с неадекватным развитием обществ стран Третьего мира, распространением нищеты, терроризма и других негативных эффектов, которые начали распространяться по миру с 90-х гг. прошлого столетия.

¹ Из личной переписки. Письмо от 27.01.2013

² Подробнее см. статьи А.Г. Дугина в данном сборнике, где также разъяснены такие понятия как цезаризм и трансформизмо.

Тем не менее, конъюнктурная контргегемония может быть только техническим инструментом, а для создания устойчивой платформы, подходящую под глобальную базу контргегемонии, необходим пересмотр существующих политических практик и ниспровержение буржуазного строя и ее апологетов (проклятой касты, по выражению И.В. Сталина), где бы он ни находился. Если практикующими союзниками в данном вопросе могут быть самые различные силы — от хактивистов до радикальных экологов, теоретическая основа должна быть направлена на демонтаж политической репрезентации. Недаром Франклин Анкерсмит назвал нынешнее состояние кризисом формы и жанра¹. Впрочем, эти перекосы в политическом поле существовали и ранее, так как репрезентация, принятая как норматив буржуазно-капиталистического строя, является ничем иным, как представлением (депутатов, делегатов, полномочий), т.е. замещением или сходством. Отсюда происходит и симуляция (симулякры) социально-политической деятельности, которую Ги Дебор охарактеризовал как «общество спектакля»².

Следовательно, контрпрезентация должна состоять в прямой демократии и выступлении против представленных и утвержденных истэблишментом ценностей и нормативов.

И эти действия могут осуществляться в любой точке мира, независимо от положения и социального статуса. Это подтверждают исследования английского политолога Джереми Лестера, продолжающего разрабатывать теорию грамшизма и использующего термин прекариат. Прекариат это — слой лиц, у которых доходы, занятость, сама жизнь не гарантированы ни государством, которое по отношению к основным слоям общества в ряде стран берет на себя некоторые обязательства, ни работодателем, имеющим в случае развитых форм капиталистической организации некоторые обязательства (зафиксированные в коллективном договоре) по

¹ Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация (Пер.с англ.), УРСС, 2012.

² Дебор Ги. Общество спектакля. М.: Логос, 1999.

отношению к работникам¹. На примере Венесуэлы и Боливии автор показывает как беднейшие слои населения в этих странах смогли прийти к самоосознанию себя в качестве политической силы и осуществить революционные преобразования (как пишет автор, не Чавес привел народ Венесуэлы к победе, а народ привел Чавеса к посту президента).

Крайне важно, что нынешний глобальный экономический кризис подорвал средний класс во многих странах, считавшихся образцом благополучия и стабильности, где начался процесс прекариации². Такая ущемленность и неустойчивость создает чувство неполноценности в буржуазных обществах, разжигая его изнутри, что может использоваться радикальными интеллектуалами контргегемонистами как внутри, так и извне для корректировки политической повестки дня вплоть до подготовки революционной ситуации. Вполне вероятно, что истеблишмент предчувствует такую развязку и заранее проводит меры по недопущению распространения контргегемонии и подавлению прекариата путем его подтягивания до стандартов среднего класса (что в данной ситуации сделать крайне тяжело), либо жесткими репрессивными мерами.

Тем не менее, будет интересно взглянуть на революционные процессы, связанные с действиями прекреата в отношении глобальной власти не только в государствах, где за многие годы накапливался протестный потенциал, но и внутри США. В этом отношении крайне показательными будут так называемые *Mega Marches* — массовые акции протеста, организованные выходцами из Латинской Америки. Они начали проводиться в начале 2006 г. как ответ на введение нового закона о борьбе с терроризмом и незаконной миграцией, изданного в 2005 г. (H.R. 4437). Закон предусматривал жесткие меры в отношении тех мигрантов, которые не имели соответствующих документов на прожи-

¹ Лестер Джереми. Прекариат: отверженные как новый революционный класс.//Альтернативы № 1, 2009, С. 85-90.

² Мармер Э. Что такое прекариат.// *Neue Zeiten* № 05 (071), май 2009. <http://neuezeiten.rusverlag.de/2009/07/24/что-такое-прекариат/>

вание и трудоустройство в США, усиливал милитаризацию границу с Мексикой, а также уголовную ответственность для лиц и организаций, которые предоставляли услуги мигрантам без документов. В ответ на это миллионы латиносов, неважно, имели ли они документы или нет, родились в США или приехали позже, объединили свои усилия, выйдя на улицы Лос-Анжелеса и еще ста городов США. Эти марши стали самой массовой мобилизацией в истории США, хотя о них умалчивали официальные СМИ.

Кране показательно, что некоторые академические исследователи, такие как Уильям Робинсон¹ и Адам Дэвид Мортон² анализировали социальные процессы в призме взаимосвязи теории Грамши, а также сопротивления и доминации в эпоху глобализации, и обратили внимание на Mega Marchas как на акт контрgegемонии³.

Профессор Университета Нью-Йорка Альфонсо Гонсалес предложил даже термин Латинский Исторический Блок (Latino Historic Bloc)⁴, указав на то, что он воплотился благодаря работе органических интеллектуалов внутри него, что и привело к появлению момента контрgegемонии. Лидеры этого блока появились из различных секторов и классовых интересов миллионов рабочих, не имеющих документов, а органические интеллектуалы смогли артикулировать послание, которое резонировало с общими интересами и настроениями латиноамериканских мигрантов и их союзников из числа профсоюзов, студентов, комитетов местного самоуправления, городских общин, масс-медиа и пр.

¹ Robinson, William. *Promoting Polyarchy: Globalization, US Intervention, and Hegemony*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996;

² Morton, Adam David. *Unraveling Gramsci: Hegemony and Passive Revolution in the Global Political Economy*. London: Pluto Press, 2007.

³ Robinson, William. *Aqui Estamos y no Nos Vamos!: Global Capital and the Struggle for Immigrant Rights*. // *Race and Class* 2, 2006, 48: 77–91.

⁴ Gonzales, Alfonso. *The 2006 Mega Marchas in Greater Los Angeles: Counter-hegemonic moment and the future of El Migrante Struggle*. // *Latino Studies* Vol. 7, 1, 2009, P. 30–59.

Гонсалес отмечает, что этот контргегемонистский момент нельзя путать с устойчивым и успешным контргегемонистским проектом, так как Латинский Исторический Блок распался также быстро, как и появился по причине внутренних классовых и идеологических разногласий, разным мнениям по вопросу работы с Конгрессом, кооптации демократов, отсутствия политической ясности и ресурсов.

Тем не менее, полученные уроки могут быть полезны для дальнейшей разработки контргегемонистского проекта. Опыт из других регионов также необходимо отслеживать и систематизировать.

Не меньшую важность представляет и общая ситуация в мировой политике. Дискуссии об упадке США и роли этой страны в качестве мирового лидера или шерифа подчас развертываются в рамках грамшистской теории и могут служить прекурсорами для разработки действующей модели и соединения воедино всех элементов планетарной контргегемонии.

Сперанская Н. В.

СТРАТЕГИЯ КОНТРГЕГЕМОНИИ

Североамериканская гегемония привела к тому, что США взяли на себя право определять концепции и навязывать структуру нового международного права и порядка, отрицая возможность плюрализма и реальной демократии. Это означает установление глобальной диктатуры Запада, которая автоматически влечёт за собой утрату нашей идентичности (культурной, религиозной, цивилизационной и т. д.) и насильственное внедрение единого шаблона, не считающегося с традициями и ценностями незападных обществ.

Сегодня мы стоим перед задачей формирования стратегии контргегемонии, мыслимой, как идеологический ответ на вызов «однополярного проекта». Однополярность мировой структуры грозит стать главной геополитической чертой мировой эволюции XXI века. Политические амбиции США всегда отличались безмерностью, любое действие американских стратегов было направлено сначала на достижение, а затем — на укрепление глобальной гегемонии. Сегодня кажется, что Вашингтон стал столицей мира и могуществу США ничего не угрожает, однако подъем стран-соперников (прежде всего, Китая), позволяет говорить о смещении баланса сил на Восток, что ставит страну-гегемона перед риском утратить ведущую роль. Однополярная модель по своему существу является нестабильным образованием, нестабильным является и положение страны-гегемона: как справедливо заметил аналитик Уильям Пфафф, гегемония отличается внутренней нестабильностью, «поскольку международная система естественным образом стремится к балансу и

противится гегемонизму»¹. Таким образом, страна-гегемон перманентно находится в опасности. Ричард Хаас утверждает, что «очевидной реальностью является то, что США — самая могущественная страна в неравном себе окружении»². Но надолго ли это окружение останется столь же неравным, и не стоит ли всерьез говорить об окончании «американского века»?

Международные аналитические институты, изучающие мировые процессы, высказывают обеспокоенность тем, что центр тяжести постепенно перемещается на евроазиатский континент, где главными акторами становятся Китай и Россия, другие специалисты склонны считать, что мировая структура снова может вернуться к биполярности, обнаружив противоборство между США и Китаем (чья экономика способна оказаться на первом месте уже к 2020 году). Самые радикальные политологи уже говорят о будущем противоборстве Китая и Соединенных Штатов, как о главной геополитической драме столетия.

В январе 2012 г. американское руководство официально заявило о принятии новой военной стратегии страны, объяснив это «геополитическими изменениями, происходящими на протяжении последних лет». Военные акценты США были переориентированы на Азиатско-Тихоокеанский регион, особенно на Восточную Азию. Збигнев Бжезинский также высказывает свои опасения по поводу возрастающей мощи Китая в своей новой книге «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис». Признавая упадок мирового влияния США, Бжезинский по-прежнему не теряет уверенности в том, что в ближайшие годы Америка не утратит своей ведущей роли. Отмечая смещение баланса мировых сил с Запада на Восток, он ищет ответ на вопрос, какие долгосрочные цели должна наметить себе возрождающаяся Америка на период после 2025 г. Бжезинский думает о структуре отношений Америки с Турцией, Россией и Китаем,

¹ Политика США в меняющемся мире/ Отв. ред. П.Т.Подлесный; Ин-т США и Канады. — М.: Наука, 2004. С.63-87.

² Haas R. What to Do With American Primacy. — Foreign Affairs. — September/October 1999. — P. 37.

подчеркивая необходимость того, чтобы «Америка не превратилась в невежественное полицейское государство и не увязла в трясине присущего ее культуре потребительства»¹.

Анализируя слабые стороны США, Бжезинский насчитывает шесть главных пунктов:

Экономика

Большой государственный долг, вследствие которого уже к 2025 г. в процентном отношении он будет превышать экономический взлет США после Второй мировой войны (в тот период ВВП составлял 108,6 %). Бжезинский полагает, что решение этой проблемы потребует существенного повышения налогов, на которое государство сейчас пойти не готово, и вскоре Америка окажется в уязвимом положении «перед махинациями главных кредиторов, таких, как Китай», а, следовательно, можно ожидать, что доллар окажется под ударом и экономическая модель США утратит свою нынешнюю роль. В середине 2012 г. в СМИ появилась информация, что в ближайшие 25 лет размер государственного долга США достигнет 200% ежегодного ВВП страны при сохранении нынешней системы налогообложения и трат бюджетных средств. Иными словами, прогнозы Бжезинского ещё весьма оптимистичны.

На июль 2012 г. потолок госдолга США составил уже 16,394 триллиона долларов, а объем заимствований — 15,835 триллиона долларов.

Бжезинский называет эту проблему «подгнившей финансовой системой». Речь идет о финансовом кризисе 2008 г. и последовавшем за ним экономическом упадке. Бжезинский настаивает на том, что для сохранения конкурентоспособности, финансовая система США должна быть реформирована. Нельзя не вспомнить гипотезу Алена де Бенуа о том, что конец политической теории зачастую провоцируется тем, что её же

¹ Бжезинский, Збигнев. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012.

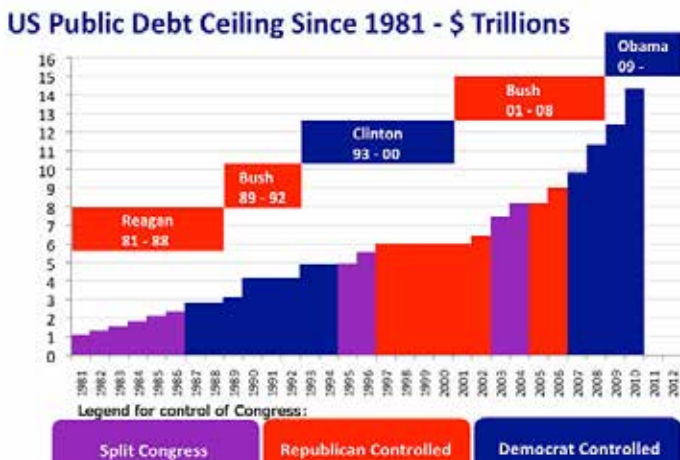

График изменения «потолка» государственного долга США

и породило. Таким образом, либеральная (денежная) система будет уничтожена из-за денег.

Растущее социальное неравенство, становящееся причиной, по которой Америку называют самой несправедливой из крупных развитых стран мира. Признаваясь в том, что «Америка в настоящее время отстает от некоторых европейских стран по уровню восходящей вертикальной мобильности доходов», Бжезинский называет одной из причин несовершенство образовательной системы.

Упадок национальной инфраструктуры. Её нынешнее состояние свойственно, скорее, слабеющей державе, нежели глобальной империи.

Невежество американского населения в отношении остального мира. Познания американцев в области мировой географии являются пугающе низкими. Многие студенты оказываются не в состоянии найти на карте не только другие страны, но и свою собственную. Столь же низкие показатели имеют место и в области истории.

Наличие т.н. «язвительного партизанского дискурса» в СМИ, на радио и телевидении, в политических блогах. «В результате политический паралич мешает принять необходимые меры, как в случае с сокращением дефицита бюджета, и Америка предстает в глазах мировой общественности неспособной справиться с острыми социальными проблемами»¹, — заключает Бжезинский.

Среди сильных сторон США Бжезинский выделяет: экономическую мощь, инновационный потенциал, демографический динамизм, стремительную мобилизацию (т.е. мобилизацию американского народа перед лицом опасности), географическую базу и привлекательность демократии. Однако здесь находимы некоторые противоречия. К ним относится, к примеру, такой показатель, как экономическая мощь, поскольку в купе с государственным долгом США, который грозит полным обвалом американской экономической модели, её едва ли можно считать сильной стороной. Что касается демократии, стоит обратить внимание на то, что Бжезинский верно отмечает отсутствие «привлекательной для остальных народов мира политической идеологии» у двух держав — России и Китая. Четвертая политическая теория, возникшая за пределами всех политических идеологий XX столетия, на наш взгляд, является идеологией, необходимой не только для сохранения суверенитета названных держав в суровом противостоянии со страной-гегемоном, но и для построения фундамента стратегии контргегемонии, что становится сегодня строгой необходимостью. Не подразумевает ли выработка контргегемонистского дискурса намеренного исключения американского гегемона из когнитивной сферы? Что такое мир без Америки? — это не просто вопрос, но акцентированное предложение изгнать США из всех моделей, формирующих будущий миропорядок, осмыслив мир «без гегемона». Атлантистские стратеги, с недавнего времени продвигающие

¹ Там же.

концепцию «трехполярного мира», бескомпромиссно исключают евразийский полюс из своих построений, настаивая на том, что полюсов может быть только три: Евросоюз, США и Китай. Подобным образом можем поступить и мы — исключить «дряхлающую» державу в лице Соединенных Штатов и в то же время — выстроить диалог с Китаем и теми европейскими странами, которые поддерживают идею многополярности и не желают смириться с гегемонией США.

В главе «Постамериканская неразбериха» Бжезинский строит гипотезы, каким может стать мир после падения Америки, и тут же отмечает вероятность того, что «перспективы постамериканской неразберихи уже негласно влияют на разрабатываемую в канцеляриях ведущих мировых держав программу действий — а может, и на текущую политику. Япония, опасаясь активных притязаний Китая на господство в материковой Азии, может подумывать об установлении более тесных связей с Европой. Индийские и японские руководители могут рассматривать варианты политического или даже военного сотрудничества между своими странами, на случай падения Америки и возвышения Китая. Россия, пока в основном тещащая себя мечтами (или даже злорадствующая) по поводу неопределенных перспектив США, может присматриваться к независимым бывшим республикам Советского Союза как к начальным плацдармам для укрепления своего геополитического влияния. Европа, ещё не достигшая однородности, будет разрываться в нескольких направлениях: Германия и Италия в силу коммерческих интересов будут тянуться к России, Франция и ненадежная Центральная Европа — к политически более сплоченному Евросоюзу, а Великобритания попытается нащупать равновесие внутри ЕС, сохраняя особые отношения со слабеющими Штатами. Найдутся и те, кто попробует поскорее урвать себе кусок регионального пирога, — Турция на территории прежней Османской империи, Бразилия в Южном полушарии и тому подобное»¹. Тем не ме-

¹ Там же.

нее, Бжезинский заключает, что ни в одном из рассмотренных случаев не наблюдается синтеза экономической, технологической, военной и финансовой мощи, которая позволила бы тому или иному актору бросить вызов американскому могуществу и занять ведущее место. Китай, которому с недавнего времени пророчат роль преемника Соединенных Штатов, по мнению Бжезинского, пока не готов (и не будет готов ещё несколько десятилетий) к принятию этой миссии и, более того, не заинтересован в утрате Америкой мирового могущества, потому что неизбежно последующий за этим мировой кризис, скажется и на китайской политике. Бжезинский уверен, что «глобальный статус Америки в последующие десятилетия будет зависеть от успешного и целенаправленного преодоления крена в сторону социоэкономического упадка и формирования нового, стабильного баланса геополитических сил на пока ещё на самом важном континенте, то есть в Евразии»¹. Безусловно, американский стратег видит наибольшую угрозу американской гегемонии именно со стороны Евразии. Бжезинский призывает Америку к компромиссу «между старыми силами Запада и новыми силами Востока». В главе «Геополитическая нестабильность Евразии» он пишет о необходимости «связать с помощью таких институтов, как ЕС и НАТО, Россию и Турцию с Западом, который уже включает и ЕС, и США»² — в перспективе ближайших нескольких десятилетий. Кроме того, Бжезинский указывает, что Америка должна выстроить взаимовыгодное сотрудничество с набирающим мощь Китаем, который будет подталкиваться к примирению с Японией, союзницей США. Дружеские отношения с Индонезией и Бразилией, вне всяких сомнений, также станут способствовать успеху новой американской стратегии.

При разработке стратегии контргегемонии, следует проводить планы по предотвращению сотрудничества между Америкой и Европой, которое несет угрозу суверенным государствам; создание «энергичного Запада», о чем неустанно

¹ Там же.

² Там же.

твердит Бжезинский, в контексте того распада, который переживает Запад, должно быть нейтрализовано уже на уровне образа. Для нас, как для противников американской гегемонии, важно не столько разрушить отношения между Америкой и тем либеральным сегментом европейского общества, который отвергает проект многополярного мира, сколько выстроить прочные взаимовыгодные отношения с «другой Европой», с Европой, сохранившей свою идентичность и волю к отстаиванию своих ценностей, которые Америка навязчиво пытается заменить ценностями, выдаваемыми за универсальные. Такой же сегмент должен быть выделен и в набирающем могущество Китае. Кроме того, в нашей борьбе не может быть ни отдыха, ни остановки: как однополярный проект, так и новый концепт «трёхполюсного мира», должны подвергаться стратегической атаке, увеличивая степень нашего влияния.

Фактически слом однополярной модели подтверждают все ведущие аналитики. Бжезинский пишет: «Мировое доминирование одной единственной державы в мире больше невозможно, вне зависимости от того, насколько она сильна или слаба. Особенно это касается ситуации, когда на мировую арену вышли новые региональные державы». Проект по интеграции России и Турции (двух «больших пространств», входящих в евразийский полюс) в международную систему Запада, о чем Бжезинский говорит как о стратегическом действии, направленном на «обновление» Запада, на новый рывок, должен встретить решительное противостояние со стороны всех политических акторов, не согласных с диктатурой США как единственного глобального игрока. Россия больше не должна «заигрывать с Западом», потому что действия подобного рода дают все основания на то, чтобы Запад предполагал скорую возможность интеграции. Безусловно, необходимо настаивать на квадриполярной модели мира, постоянно подчеркивая принцип «четверичности». Эта необходимость возникает в первую очередь по той причине, что западные стратеги пытаются внедрить в

политический дискурс трехполюсную модель, выдаваемую за многополярность. Настаивать на четырехполюсной модели — означает настаивать на том, что Россия не является, никогда не являлась и, вопреки всем ожиданиям, никогда не будет являться частью Запада. Более того, синхронно начавшиеся процессы американизации, европеизации и китаизации никоим образом не нанесут ущерб суверенитету России как самобытной цивилизации, как «большому пространству» (Grossraum), наконец, как Heartland`у. При разработке стратегии контрgegемонии эти принципы должны стать приоритетными.

Бжезинский утверждает, что весь мир сегодня переживает политическое пробуждение. С этим сложно согласиться, потому что политика в мире, где победила либеральная идеология, вынесена за скобки, снята и заменена экономикой. Что же касается действительного пробуждения, то для России оно означает, что наша страна должна взять на себя «естественную роль лидера в строительстве многополярного мира», а для этого обязательным является «изменение сознания российской политической элиты, открытие ей континентального и планетарного геополитического горизонта, привитие ответственности за судьбу вверенного ей социального, политического, экономического и исторического пространства»¹.

¹ Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: 2011.

Стивен Гилл

ГРАМШИ И ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: К ПОСТ-ГЕГЕМОНИСТСКОЙ ПРОГРАММЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Необходимо разработать новых подходов к международной политической экономике (МПЭ) и международным отношениям (МО) путем создания исторически интегрированных, диалектических форм объяснения, соответствующих условиям конца двадцатого века. Ранее я описал в общих чертах основные идеи, проблемы и исследовательские вопросы, которые в целом относятся к реконструкции теорий исторического материализма в МО [1]. Однако эти проблемы были затронуты не только в работах Антонио Грамши, но также и у других авторов, таких как Карл Маркс, Фернан Броэль, Карл Полањи, Роберт Кокс и другие, например, представители Амстердамской школы международных отношений (см. главы Отто Холман и Кесван де Пиджл). Иными словами, заметки Грамши по МО должны быть связаны с реконструкцией исторического материализма в широком смысле, чтобы избежать нового интеллектуального раскола. Важно преодолеть академические различия ограниченной полезности, например, между МО и сравнительной политикой, между политической и эмпирической теорией, между политической социологией и политической экономикой. В реконструкции теорий исторического материализма необходимо учитывать эпистемологические, онтологические и методологические вопросы в контексте прошлого, настоящего и будущего. В работах Маркса теоретический акцент был сделан на идее всеобъемлющего исторического общества, анализ которого подразумевает отказ от редукционизма, присущего объекти-

вистскому материализму, механицизму и эмпиризму... в целях достижения по-настоящему реалистского подхода, который является сознательным продуктом мысли [2].

Проблематика статьи связана с идеей о необходимости пересмотра социализма в отрыве от ассоциации с тоталитарными проектами, такими как сталинизм. В свою очередь это перепределение и политика вместе могут быть связаны отчасти с идеей самозащиты общества от дезинтеграции и расплывающегося удара глобализации, а также относительно стихийных рыночных сил.

Грамшистская школа международных отношений?

Как не существует единой школы марксизма (сам по себе Маркс не считал себя марксистом), так и не существует единой грамшистской или «итальянской» школы. Отсутствует и согласие насчет интерпретации некоторых фрагментов учения Грамши и часто противоречивых мыслей относительно социальной теории. Вместо этого в большом количестве стран существуют группы мыслителей, работающих в различных отраслях; они разрешают некоторые вопросы, которые были затронуты и сформулированы в учении Грамши. Эти ученые начали взаимодействовать и принимать участие в совместных конференциях, таким образом, положив начало глобальному исследовательскому сообществу. Некоторые исследования являются практическим следствием постольку, поскольку связаны различным образом с поддержкой деятельности социалистических и прогрессистских политических партий и социальных движений.

Некоторые первые работы нео-грамшистов повлекли за собой как конструктивный диалог, так и критику, со стороны представителей различных позиций, включая доминирующую, или в терминах Грамши, гегемонистскую теоретизацию в области политической экономики и международных отношений. Необходимость в этом, на мой взгляд, была вызвана, по крайней мере, двумя важными факторами. Во-первых, в то время как марксизм всегда предполагал комплексный подход,

в значительной степени из-за ориентации и преобладания американской теории в данной области, исторический материализм, как правило, оставался в стороне от многих главных дискуссий в изучении международных отношений. Эта маргинализация повлекла за собой немало ограничений, скорее, в механическом и неисторическом применении многих марксистских идей и теорий, некоторые из которых связаны с фундаментальной тенденцией вызывать «постоянно растущие ожидания краха капитализма» (в то время как Грамши утверждал, что не существует жесткой связи между экономическим и политическим кризисом, и наоборот). Этот теоретический недостаток привел к отсутствию достоверности в споре, а также уменьшению обращения к историческому материализму для создания нового поколения студентов высших учебных заведений на Западе. Скорее всего, подобная судьба постигла и ортодоксальный марксизм в Японии на протяжении последних двадцати лет. В частности, в условиях капитуляции ленинской и пост-сталинской системы правления в Восточной Европе, развала догматического марксизма-ленинизма в социальном учении, по всей вероятности, мы дождемся момента, когда подобный патологический, механический марксизм будет отправлен в качестве ужасного экспоната в музей истории XX века. Последнее наблюдение подтверждает мое второе положение в пользу диалога. В 1980-е и 1990-е гг. было отмечено повсеместное и в некоторых случаях весьма значительное снижение выраженности и теоретической привлекательности левых идей. Несмотря на западный триумф и пропагандистов, которые объявили «конец истории», события в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе усилили требования к убедительности, позиционной власти и законности гегемонистского дискурса на Западе. Учение Грамши способствовало существенному объяснению вопроса о событиях, произошедших в России: уязвимости отношений

между государством и гражданским обществом, и таким образом, предрасположенности государства к внезапному краху.

В России государство было всем. Гражданское же общество находилось в своем изначальном «желеобразном» состоянии; на Западе между государством и гражданским обществом существовали надлежащие отношения, поэтому когда государство дрогнуло, тут же проявилась надежность строения гражданского общества. (Грамши, 1971: 238).

Марксистские идеи, разработанные в теоретическом гетто, будут страдать от отсутствия актуальности. Конструктивный диалог с применением аргументов и теорий из различных позиций может сыграть важную роль. Он имеет решающее значение в оценке статуса новых теоретических идей: для убедительности они должны обеспечивать более комплексное, последовательное и рефлексивное объяснение, чем ныне существующие аргументы (Гилл, 1990).

Основная работа Грамши сосредоточена на анализе государственных общественных формаций в отдельные исторические периоды, особенно в Италии. Грамши утверждал, что это является первоначальным уровнем, на котором государство и гражданское общество (а также его строение, политическая экономика) должны быть исследованы и где создаются основы социальной гегемонии. Это государственное средоточие является ключевым в изучении Грамши не только в Японии и Латинской Америке, но также и в Западной Европе, что отразилось в работе Центра современной культурологии Бирмингемского университета (Холл, 1982; Ларрен, 1983) и в текущих дебатах в «Новом левом обозрении» и «Социалистическом журнале» на тему культуры, идеологии, государства, гражданского общества и гегемонии в капиталистическом обществе. Также в левых журналах ведется много дискуссий по вопросу империализма, хотя они, как правило, сформулированы в терминах теории ультра- и супер-империализма, а не в тех, что дал Грамши. Движение в сторону расширения идей Грамши в изучении

МО и МПЭ идет довольно медленно; оно появилось недавно и включает в себя относительно небольшое количество претенциозных учений, касающихся определения истоков, развития и динамики формирующейся глобальной политической экономики. Тем не менее, начинают появляться впечатляющие работы на следующие темы: интернационализация государства и гражданского общества, международные аспекты социальной гегемонии и господства, транснациональные классы и блоки формаций и экономических сил, роль органической интеллигенции и международных организаций и др. Они помогают определить характер глобальной политики в XX веке (например, Ван дер Пиджл, 1984; Кокс, 1987; Огелли и Мерфи, 1988; Гилл, 1990; Овербек, 1990). Особенно важна новаторская работа Роберта Кокса, опубликовавшего два важных очерка в Миллениуме в начале 1980-х гг. (Кокс, 1981; Кокс, 1983), последний из которых может рассматриваться как полноценное введение к применению концепции Грамши на международном уровне (работа включена в данный сборник — прим. ред.).

Таким образом, в то время как многие социальные мыслители знают о возможностях применения идей Грамши к анализу роли политики, массовой культуры и идеологической и культурной гегемонии на государственном уровне, гораздо меньше ученых знают об использовании данной концепции области МО и МПЭ. Возможно, это возникает отчасти по причине того, что Грамши уделял мало внимания вопросам политической экономики как таковой, в основном потому, что он работал в рамках классического марксизма, принимая положения о политической экономике капитализма и феодализма.

В отсутствии удовлетворительного аппарата для анализа динамики глобальной политической экономики в 1980-х годах, студенты МО и МПЭ начали разрабатывать свой собственный концептуальный аппарат и онтологию (например, Кокс, 1987; Ван дер Пиджл, 1984). Очевидно, что предстоит сделать еще очень многое для развития грамшистской концепции, чтобы

она, таким образом, получила наибольшее распространение. Существуют другие способы решения данного вопроса. Например, Амстердамская школа создала нетелеологическую концепцию социализации (*Vergesellschaftung*), которая является центральной в ее интеллектуальных устремлениях, это понятие связано с объектом размещения всеобъемлющей истории и социальной теории, лежащей в основе анализа:

Отношения между обществом и государством, как и отношения между государствами как последовательность социальных интеракций, должны быть помещены в условия социализации как распространяющегося процесса. То, каким образом капитал (в смысле общий капитал, т.е. самоподдерживающаяся, квази-тоталитарная совокупность конкурентного накопления прибавочной стоимости) действует как агент социализации, одновременно ограничивая своей потенциал (в смысле разделения труда и универсальной культуры/нормативной структуры), необходимо уточнить и связать с другими структурами социализации естественных сообществ — семья, национальность, этническая принадлежность, наравне с правом и государством, как официальными соглашениями, устанавливающими правовые/законные средства [3].

Включенный сюда тип исследования необходимо согласовать с более широкой теоретической разработкой, например, учение, имеющее более «локальный» или «национальный» характер, связать с «глобальным». Это позволит создать новый интеллектуальный и практический синтез. Подразумевая это, в остальной части статьи я исследовал некоторые другие важные темы.

Диалектика интеграции — дезинтеграции и мировой порядок: вид сверху

Одна из тем посвящена кризису послевоенной гегемонии. Частично объяснение кризиса связано с рядом сил глобализации, которые интегрируют экономическую, политическую, социальную и культурную жизнь очень многих людей на земле, но в

то же время дезинтегрируют ранее устроенные формы социально-экономической и политической организации (эта идея отчасти соответствует историческому процессу *Vergesellschaftung*). Этот диалектический процесс наиболее ярко проявляется в Восточной и Центральной Европе и в бывших советских республиках, а также в так называемых странах Третьего Мира и в капиталистических странах-метрополиях. На деле он может быть исследован как часть органического «тройного кризиса» послевоенного мирового порядка, который описан ниже. Одним из индикаторов изменений является недавний рост волны мигрантов и беженцев, «глобализация» людей обусловлена перестройкой мирового производства и финансов, и в целом растущими различиями в экономике и окружающих условиях, в также войной и политическими конфликтами.

Однако некоторые неореалисты, например, Джон Миршеймер (1990), наоборот предполагают базисную преемственность в международных отношениях. Для них состояние анархии в мировой политике сохраняется, и межгосударственное соперничество и небезопасность, которые сопровождают эту ситуацию, вновь будет заявлять о себе, несмотря на окончание Холодной войны в Европе. Нестабильность прогнозируема, поскольку надстройка Холодной войны, производящая порядок, была удалена. Другие нео-реалисты, используя более тонкие исторические аналогии (например, Лоуренс Фридман, сэр Майкл Говард), утверждают, что конец Холодной войны означает возрождение национализма и возврат к проблемам, которыми страдала европейская безопасность после окончания Столетнего мира. С этой точки зрения, изменилась именно надстройка безопасности Восток-Запад. С ее исчезновением и разрушением советской власти основополагающая (анархическая) структура международных отношений снова проявила себя, а растущее распространение глобальной силы в отсутствие устойчивого баланса сил связано с нестабильностью и конфликтами. Очевидный недавний рост межобщинного насилия, этнической

напряженности, центробежных сил в некоторых странах (в частности, в бывшем СССР и Югославии) представляют собой доказательства в пользу данной позиции.

Соответственно неореалисты рассматривают не только Большую семерку (G7), но также ООН и ЕЭС, процессы экономического и политического объединения в Западной Европе, а также возможности расширения ЕС путем включения других стран, скорее как отражение ряда межгосударственных сделок и, как следствие, лежащей в основе структуры власти между государствами, а не серии структурных изменений, которые порождают новые условия и способствуют изменению концепции интересов и идентичности, например, в общеевропейском контексте.

Тем не менее, вполне возможно, что XX век открыл новую эру в мировой политике, поэтому теперь следовало бы говорить о более глобально интегрированном наборе структур или, как их называли Дэвид Ло и я, «глобальной политической экономики». Хотя эти структуры, по крайней мере, до конца 1980-х гг., являлись конфигурацией диалектической борьбы между до-капиталистической, капиталистической и коммунистической общественно-экономической системой, недавние изменения в Восточной и Центральной Европе, СССР и Китае, а также в таких странах, как Вьетнам, предполагают, что капитализм снова распространяется в качестве преобладающей формы социально-экономической организации, не только среди государств, но также и внутри них путем маркетизации и коммодитизации, углубляющих социальную и географическую досягаемость. В то же время, растущее планетарное осознание экологических и природоохранных вопросов отражает сложную взаимосвязь между совокупными силами экономического развития и отсталости, взаимодействие между городом и деревней, богатыми и бедными, войной и миром в формирующемся мировом порядке. Однако иногда утверждается, что нынешний уровень интернационализации экономической деятельности ниже, чем тот,

который существовал до 1914 г. В поддержку этого утверждения может быть приведено несколько показателей. Тем не менее, сейчас мы живем в мире, который характеризуется ростом глобальной интеграции производства и финансовых структур, сложными коммуникационными сетями, стремительным развитием инноваций и распространением новых технологий, и возможным появлением объединенных форм самосознания, которые включают также и изменения в структурах безопасности и стратегических союзах. Таким образом, существующая сегодня глобальная мировая экономика подразумевает систему планетарного охвата, а не только систему независимой национальной экономики, функционирование которой координировалось, прежде всего, при помощи биржи, ценных бумаг и спекулятивных потоков капитала, т.е. «международной» политической экономики девятнадцатого века, которая существовала вплоть до 1960-х гг. — периода, который совпал с началом массового роста на европейских рынках и существенным ростом активности транснациональных компаний как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности.

Несмотря на появление структуры неофициальной глобальной власти, по крайней мере, на высшем уровне, существует частичное развитие глобального гражданского и политического общества, и, как следствие, слаборазвитая интернационализация политической власти. Действительно, несмотря на институционализацию глобальных экономических отношений и отношений безопасности в рамках международных организаций и союзов, главные рычаги политической власти в значительной степени продолжают оставаться территориально ограниченными границами формально суверенных государств, хотя эта ситуация начинает меняться, как будет показано дальше.

В контексте бурных событий 1989 — 1991 гг., мы, тем не менее, можем наблюдать своего рода «структурный беспорядок». Под этим я подразумеваю попытку движения на уровне правящих кругов к консолидации новой формы гегемонии в центральной

системе, которая базировалась на социальной основе, отличной от предыдущей, существовавшей с 1945 по 1970 гг.. Обсуждения 15-19 июля 1991 г. на саммите «Большой Семерки» были интересны, отчасти, из-за повестки дня (которая включала перестройку в СССР; воссоздание Организации Объединенных Наций; неудавшиеся экологические инициативы, в том числе спасение бразильских тропических лесов; а также вопросы, касающиеся торгового протекционизма и макроэкономических отношений). Форумы, подобные саммиту «Большой Семерки» (и такие его аналоги, как Мировой Экономический Форум и Трехсторонняя Комиссия), важны также потому, что их существование выдвигает на первый план передовые силы, которые могут использоваться для выработки стратегических соглашений при формировании того, что можно было бы назвать «Пирамидами привилегий» в структуре мирового порядка, который пытаются сохранить лидеры Большой Семерки. Не в последнюю очередь эти форумы определяют условия вступления в «основные» институты глобальной политической экономики. Попытки Большой Семерки прийти к объединенному согласию по поводу концепции президента Буша о «новом мировом порядке» отражают сложное взаимодействие между идеями, институтами и материальными возможностями (производством и вооруженными силами) и то, как, при определенных условиях, они могут быть объединены в согласованный план действий. Тем не менее, обсуждения, проходившие после окончания холодной войны, выявили также раскол мнений и конфликты внутри Большой Семерки (например, о том, как реагировать на просьбы Горбачева, а затем Ельцина о помощи: Франция, Германия и Италия, а также страны ЕС выступили против Канады, Японии, США и Великобритании по поводу характера и объема помощи; разногласия США и ЕС на переговорах ГАТТ). Пока, тем не менее, можно было бы оспорить, что наблюдается движение в сторону объединения и переустройства «центральной»

системы, но мы вместе с тем видим прекращение прежних форм государственного, экономического и политического кризиса, войны, голода и экологической катастрофы.

Понимание этих проблем вызвало недавно, вскоре после войны в Персидском Заливе, инициативы со стороны Большой Семерки и ЕС по установлению жесткого режима экспорта оружия и предоставлению помощи, что непосредственно связано с «демократизацией» и сокращением военных расходов. Эти инициативы произошли в то же самое время, как и реорганизация военного потенциала НАТО, направленная на обеспечение более быстрого вмешательства вооруженных сил европейских государств по аналогии с Силами Быстрого Реагирования США (которые были созданы вследствие Иранской Революции 1979 г., и которые стали ключевым фактором в победе американцев в войне в Персидском Заливе в 1991 г.). Наряду с рыночными силами, например, связанными с предоставлением кредитов, эти инициативы означают двойную форму дисциплины со стороны Большой Семерки относительно возможностей развития стран Третьего Мира. Новые возможности для быстрого вмешательства соединены с институциональным контролем над условиями предоставления инвестиций и финансирования (например, в Семерке, Международный Валютный Фонд, Всемирный Банк, недавно основанный Европейский Банк Реконструкции и Развития и в Центральном Банке, Банк Международного Урегулирования).

Обзор с основания и появление мирового порядка; глобальная политика после 2000 г.

Существующий мировой порядок имеет свои специфические условия существования и динамики. В связи с этим, адекватное объяснение мирового порядка не может быть дано посредством абстрактного структурализма, и, возможно, еще в меньшей мере, при помощи идеалистических ссылок на дух истории. История всегда находится в процессе создания, в сложном и диалектическом взаимодействии между силами, структурой,

сознанием и действием, которые Фернан Бродель (1981: 29), назвал «пределами возможного»: сосуществование верхних и нижних уровней [цивилизации] усиливает для историка разъяснительную диалектику. Как можно понимать город без понимания деревни, деньги без натурального обмена, бедность без роскоши, белый хлеб богатых без черного хлеба бедных?

Тогда, что же действительно изменилось в мировом порядке? Под этим вопросом мы подразумеваем проблемы эпистемологии и онтологии. Различные позиции в текущих дебатах по поводу формирующегося мироустройства отражают различные подходы к процессу приобретения знаний, а также взгляды на то, из чего состоит социальный мир. В частности, тогда, теоретическая (и практическая), дискуссия (-и) по поводу мироустройства касается трех взаимосвязанных проблем: как мы понимаем природу социальной действительности, каковы ее ключевые компоненты и связи, и как они изменяются с течением времени? Кроме того, так как «порядок» — политическое понятие, нам необходимо спросить «порядок для кого и для каких целей?».

Как указывалось выше, формирующийся мировой порядок можно рассматривать, как претерпевающий тройной кризис: то есть преобразования с вовлечением трех взаимосвязанных «уровней»: [1] «экономического», включая реструктуризацию мирового производства, финансов и обмена, которая бросает вызов предыдущим формам и методам экономической организации; [2] «политического», то есть с точки зрения институциональных изменений, включая изменения форм государства, интернационализацию, транснационализацию или глобализацию государства, что Роберт Кокс называет появлением «пост-Вестфальской» межгосударственной системы, таким образом, указывая на изменения, в которых неореалисты видят необходимую непрерывную последовательность; и [3] «социокультурного», что происходит (частично) благодаря глобальной реструктуризации на политическом и экономическом

уровнях, которые влекут за собой проблемы для существующих социальных структур, идей и методов, тем самым, направляя и сдерживая возможности их изменений.

Каждый из этих «уровней» абстрагируется от социальных структур и социальных сил, которые существуют, по определению, внутри и между каждым уровнем. Данный кризис имеет общие характерные черты в различных частях мира, хотя его воздействие неравномерно, отчасти из-за различий между городами и странами, богатыми и бедными внутри и между группами стран. Таким образом, категории «Первый», «Второй» и «Третий» мир, опять же, примитивные абстракции или идеальные типы, предназначены для создания методов, с помощью которых может осмысляться характер и масштаб кризиса мирового порядка.

Что касается форм государства, передовых экономических сил, в частности, интенсификации глобальной инновации и конкуренции в эпоху мгновенной коммуникации, то они позволяют обнаружить социальную гегемонию, политическое регулирование и форму государства, которые превалируют в метрополиях капиталистических государств Северной Америки, и Западной Европы (и, возможно, Японии), и наиболее выразительно, в социальных структурах и политических порядках «реального социализма». Аналогичные изменения происходят во многих развивающихся странах, например, в Латинской Америке, где традиционные государственно-капиталистические порядки постепенно уступают свое место более рыночно-ориентированному развитию. Тем не менее, формирующийся мировой порядок все еще конфигурируется путем разделения мира на политические суверенитеты, которые, однако, могут находиться в процессе преобразования. Это связано с внутренними и внешними изменениями, происходящими в государстве и гражданском обществе, которые являются своеобразным ответом и результатом на влияние социальных сил глобализации [4]. Таким образом, подобные изменения имеют важнейшее

значение для понимания формирующегося мирового порядка и требуют гораздо больших исследований.

Так, при изучении современных проблем, важно определить понятие государства и (правового) суверенитета. Пересмотр определения и понятия суверенитета в настоящее время является важной политической проблемой, например, в Европейском сообществе, Восточной и Центральной Европе, Канаде, Австралии и во многих странах Третьего мира. Вопрос может быть поставлен следующим образом: «какие типы суверенитетов, для кого и для каких целей?»

В другой работе (Гилл, 1992) я написал о дискурсе «нового конституционализма» — доктрины и совокупных социальных силах, которые стремятся ограничить демократический контроль над государственными и частными экономическими организациями и учреждениями. Дискурс может быть связан с попытками приспособить гегемонию «дисциплинарного» неолиберализма, типа, объединенного с попыткой перестройки пост-коммунистических государств в МВФ и западного попечения. Так, на уровне элит в Европе предпринимались попытки создать форму макро-регионализма, основанного на либеральной экономической рациональности (например, программа 1992 г.). Конституционное и политическое развитие, объединенное с Экономическим и Валютным союзом ЕС, включило в себя идею «обязательного ограничения» свободы маневра правительства (будущего) государства-члена на свободную фискальную и монетарную политику. Данные меры будут дополнять порядок рыночных сил для ограничения автономии политики правительства. Кроме того, роль Европейского парламента как института представительной власти недостаточно развита, то есть, будучи голосом независимого европейского народа, он имеет серьезные ограничения (возражения против этого высказываются, например, оппозицией немецкой социал-демократической партии, не согласной с некоторыми аспектами

Маастрихтского соглашения в декабре 1991 г., и в результатах Датского референдума в июне 1992 г., где ратификация Маастрихтского договора была отклонена). Полномочия Европейского парламента имеют в основном консультативный характер: он практически не имеет права голоса в наиболее важных областях европейской политики (что было названо «дефицитом демократии» в ЕС). Более того, реконструкция капиталистических институтов в Восточной Европе произошла вместе с изоляцией центральных банков от массовой отчетности. Новый конституционализм намерен гарантировать свободу входа и выхода международного мобильного капитала, в соответствии с различием социально-экономических регионов (это нашло отражение в расширении сферы правил, сформулированных в ходе переговоров Уругвайского раунда ГАТТ, и в свободном торговом соглашении в США и Канаде). Объемы данных ограничений в эпоху устойчивого подвижного капитала означает, что политические лидеры должны нести ответственность перед международными рыночными силами, также как и перед своими избирателями.

Таким образом, суверенитет в обоих смыслах (в отношении политики автономии избранного правительства и народа) находится под вопросом. В связи с этим центральное положение и уникальные прерогативы США являются противоречием для нового всемирно основанного конституционализма. Наименее вероятно, что США будет страной, готовой подчиниться обязательным ограничениям такого порядка (ее политики предпочитают быть связанными «со штурвалом», а не «с мачтой», как Улисс перед соблазном сирен). Тем не менее, даже автономия США в вопросах макроэкономической политики все чаще ограничивается глобализацией финансов и производства, хотя более крупные государства и политические объединения макро-регионов (как Япония и ЕС) как правило, имеют больше возможностей для маневра по сравнению с менее крупными государ-

ствами. Таким образом, некоторые из них обладают бóльшим суверенитетом в формировании мирового порядка.

Вопрос суверенитета включает в себя не только юридические права и вопрос гражданства и ответственности, но также распределение ресурсов и жизненных шансов, поскольку они связаны с возможностями для человеческой автономии и социального выбора. Таким образом, покуда существует мировая система и зависимость, где теоретики выделяют «ядро, «полупериферию» и «периферию», как понятия, которые отражают иерархию государств и состояние социально-экономического развития (и возникающих отсюда ограничений и возможностях), мы также отметим, что данное положение может быть применено как внутри, так и между государствами. Таким образом, в случае с ЕС существует не только неравномерность социально-экономического развития в различных регионах, но также и внутри регионов, и даже внутри некоторых городов: сегодня это явление можно ясно проследить в США (не только в случае с растущей нищетой сельских районов), где Нью-Йорк представляет собой микрокосм подобных моделей. Эта точка зрения является состоятельной, если взять в расчет модели внутренней миграции и урбанизации в странах Третьего мира, а также в таких городах, как Лагос, Рио и Шанхай. Таким образом, даже если мы сосредоточим наше внимание на относительно привилегированных, богатых странах Западной Европы, мы все еще можем говорить о «периферизации ядра», тем самым расширив концептуализацию, включив сюда вопросы жизненных шансов, личной безопасности и небезопасности и формах сознания.

Характер этих изменений указывает на противоречия между логикой сил глобализации и политическими условиями существования для действия этих сил. Структурная перестройка в Латинской Америке распространила много государственных возможностей и создала новые социальные

движения и политические партии, которые со временем могут бросить вызов неолиберальной ортодоксии, например, как это сделал Лула в Бразилии [5]. В Восточной Европе повторное введение неолиберальных рыночных отношений порождает сочетание широко распространенного разочарования и негодования, чувств, которые в определенной степени отражают возрождение популизма, расизма, фашизма и бандитизма. Так, в современной России идея рыночных отношений все чаще ассоциируется с отчаянием, массивным ростом преступности и жестокостью (в процитированном докладе, отрывок которого приведен ниже, сказано, что в России каждые двадцать две минуты совершается убийство). В настоящее время «Рынок» восстанавливается в условиях общего развала законности и порядка. Так, в одном западном финансовом журнале недавно было отмечено, что социальные и экономические условия не протяжении 900-дневной блокады Ленинграда в 1941 г. были лучше, чем в переименованном городе Санкт-Петербург в марте 1992 г. [6]. Журналист рассказал о своем впечатлении, которое он получил на рынке, прилегающем к привокзальной Площади Мира в центре Санкт-Петербурга:

Следовало бы привлечь Хогарта, Гойю и Иеронима Босха, чтобы изобразить этот заброшенный «рынок», где около 5000 человек совершали покупки и продажу... Обычно это слово вызывает воспоминания с аккуратными киосками и размещенной на витринах продукцией. На Площади Мира же стояло всего лишь несколько киосков, увязших в слякоти и черной грязи. Те, у кого было мало товаров для продажи, стояли в очередях, доходящих до ста человек; люди держали карточки, банки шпрот, банки западного сухого молока, выдававшегося для детей, ржавые краны или горсти гвоздей... использованные лампочки, военные награды, ношенные меховые шапки или сломанные бытовые приборы... торговцы ходили с плакатами «обмен валюты, российской и иностранной». Пьяные подпирали стенки. Все и вся выставлялось на продажу. Бартер был образом жизни, осо-

бенно с возникновением нового дефицита. Это звучит невероятно, но рублей не было. Банки закрывали свои двери, люди не получали зарплату, западные бизнес организации сходили с ума, пытаясь найти деньги, чтобы заплатить местному персоналу... Я спрашивал у бизнесменов, спекулянтов, полиции, банков, куда делись все рубли. Во всех случаях я получал один и тот же ответ — люди пожимали плечами: «Мы не знаем. Это наша еще одна великая русская тайна».

Исторические изменения и социальный выбор

Мое краткое рассуждение относительно понятия суверенитета, периферии и рынка предназначено, чтобы показать, как создание истории отличается интеллектуальным и историческим осуществлением в том смысле, что теоретик сам придает смысл сложному историческому развитию. Создание истории включает взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим. В качестве еще одного примера приведем события, произошедшие в 1991 г. в Персидском заливе:

Это самая новая глава нашего времени в исторической борьбе между арабским миром и Западом за контроль над нефтью. Однако она, главным образом, отражает не просто противостояние между государствами, лежащее в основе неореалистских и либералистских теорий, но также и борьбу за принципы организации общества, которая началась еще в Средние Века в эпоху крестовых походов — между западным капиталистическим светским материализмом и метафизической социальной доктриной ислама, а также более светских пан-арабских сил, воплотившихся в иракском режиме. В этом смысле, войны Персидского залива уходят своими корнями в социальную борьбу и преобразования, которые возникли еще много веков назад (Гилл, 1991b: 275).

Крестовые походы были связаны не только с религиозным столкновением ценностей, но также и с борьбой за расширение экономической досягаемости торгового капитализма, а также с ростом и развитием таких городов-государств, как Венеция

и с ранним зарождением капиталистических социально-экономических сил, которые частично предопределили конфигурацию исторического развития регионов, окружающих Средиземноморье в XII и XIII веках.

Таким образом, исследование с этой точки зрения может относиться к политической пользе (или злоупотреблению) истории, политического мифа: мифы о национальном происхождении и идентичности, мифы о человеческом потенциале, включающие в себя экономическое развитие и международное сотрудничество. Этот вопрос затрагивает отношения между гегемонистским дискурсом и принципами включения/исключения и господства/подчинения, которые содержатся или подразумеваются. В контексте рассмотренного ранее раздела, возникает вопрос не только об идее государства, рыночных отношениях и политическом плюрализме, но также и об образовании и массовой коммуникации. Одним из способов исследования данной проблемы является метод, рассматривающий существующие структуры (традиционно они были в какой-то степени «национально ограниченными» и определенными), которые в настоящее время подвергаются усилению и/или трансформации посредством процесса социализации. К подобным вопросам нужно подходить критически, опираясь на обширные исторические исследования, чтобы избежать простого сопоставления, например, отождествление прогресса с распространением либеральной и пост-просвещенческой экономической рациональности (обращаясь к отчетам о развитии Всемирного банка) и фундаментализмом «отсталости» и/или провалов «реального социализма».

В этой связи следует отметить, что политический дискурс, относящийся к вопросу иммиграции в ЕС в начале 1990-х гг. в условиях роста расизма, фашизма и партий нео-нацистов (Французский национальный фронт набирает все большую силу) предназначен для неявного и явного ограничения свободы передвижения в пределах рынка труда и институционализации не-

рархии юридических прав. Он связан с дебатами, которые стремятся определить принципы для включения и исключения из расширяющегося социальноэкономического и политического пространства для более интегрированного ЕС. Помимо вопиющего расизма и гендерной дискриминации, которая имеет широкое распространение (и может быть обнаружена в большинстве политических партий Франции), существует еще более рассеянный дискурс европейской идентичности. Он основывается на таких мифологических истоках Европы, как греко-романский и иудео-христианский миф и теология, на которых держится вся историческая идея христианства. Данный дискурс исключает иммигрантов из Северной Африки, Ближнего Востока и Азии, и из тех земель Восточной Европы и Русского Православия, где царит «инаковость» и «неевропейскость» [7]. Практическим применением этого дискурса является создание категории «экономических мигрантов», которым не нужно приспосабливаться к «политическому убежищу» и постоянному проживанию в ЕС. И это несмотря на то, что вопрос о миграции связан с реструктуризацией производства и характера глобального неравенства. Он взаимодействует и перекрывает многие формы насилия, связанные с межобщинным, националистским возрождением, религиозной нетерпимостью и преследованиями.

Изменения и политическая борьба на Ближнем Востоке и в Европе имеют общие черты в том, что они связаны с продолжающимся распространением модернистской, секулярной и материалистской социальной системы. Это исторически соотносится с особенными европоцентристскими формами религиозного и культурного империализма. Модернистский глобализирующий капитализм, по всей видимости, является ключевой силой современной истории, которая неизменно приводит к росту противоречий в социальных силах [8].

Некоторые из приведенных выше комментариев свидетельствуют об учении, которое определяет формирование

дискурсов и конкретных исторических блоков, все время существующих на национальном и международном уровне и в подобных условиях уравнивающих опозиционными дискурсом и блоками; они взаимно дополняют или заменяют друг друга в случае крушения. Необходимы широкие исторические исследования, сконцентрированные не только на странах «первого мира». Можно начать, по крайней мере, со становления современной мировой экономики, как определил это Бродель (1981) или даже раньше (см. Барри Гиллс).

Независимо от того, принимаются ли вышеприведенные гипотезы, аргументы и предложения для исследования, их серьезное рассмотрение предполагает необходимость последовательного решения онтологических вопросов, и их теоретического изменения. В данной книге приведен иной, далеко не единственный способ, с помощью которого можно попытаться исследовать некоторые изменения, которые происходят в формирующемся мировом порядке. Он является одной из попыток частичного описания кризиса мирового порядка, кризиса, отражающего изменения в интеллектуальном мире и вызова, брошенного гегемонистскому дискурсу, а также изучению политической экономии и международных отношений. Кроме того, в конце двадцатого века между экономикой и политикой изменилась историческая диалектика мирового порядка, были созданы новые политические условия, где только некоторые из них полностью или явно заметны.

Подобные изменения часто открывают политическое пространство для контргегемонистских движений. Чтобы вызовы оказались значительными, необходима синергия между прогрессивным общественным движением и политической партией. Среди прочего, потребуются терпимость и уважение различий, а также сознательное усилие для преодоления разрыва (некоторые могут назвать его пропастью), например, между историческим материализмом и феминистским проектом эмансипации (см. Тикнер, 1991). В свете указанных событий

развитие массовых коммуникаций и образования будут иметь решающее значение, в частности, те их компоненты, которые связаны с материальной жизнью и политикой. Гуманизация управления над силами глобализации, рассмотренная в предисловии, потребует, говоря словами Грамши, долгой и упорной «позиционной войны», чтобы прогрессивные силы могли сплотиться в более интегрированные контр-гегемонистские блоки, способные участвовать в интеллектуальной и политической борьбе на различных уровнях формирующегося мирового порядка: от локального до глобального.

Очерки программы научных исследований

Чтобы подвести итог, отметим, что новая историко-материалистическая программа исследования для изучения глобальной политики должна последовательно и систематически включать в себя по крайней мере следующие теоретические и практические положения:

(1) продолжающиеся попытки пересмотра эпистемологических и онтологических аспектов мирового порядка в контексте прошлого, настоящего и будущего;

(2) непрерывные усилия по содействию методологических, теоретических и концептуальных нововведений и, таким образом, преодоление разрыва между субъективной и объективной стороной анализа (и дихотомии агент-структура). Работа должна предпринять попытки для создания интегрированных форм объяснения. Это можно осуществить, например, путем помещения в центр идеи всеохватывающей истории и относящихся к ней понятий социализации;

(3) конкретное историческое исследование формирующегося миропорядка, с точки зрения экономических, политических и социально-культурных аспектов, с целью обзора возникающих противоречий, а также пределы и возможности для различных обществ. Оно предполагает изучение по следующим направлениям:

(а) анализ структуры/агентов глобализации (например, в производственной и финансовой сфере, миграции, коммуникации и культуре, экологии, безопасности) и их отношения с более территориально ограниченными социальными структурами и силами;

(б) исследование будет связано с анализом различных социальных формаций, их роли и изменения в таких социальных институтах, как государство и гражданское общество, рынок и семья. Так, гипотезы, касающиеся «пост-вестфальских» форм государства, интернационализации авторитета, и изучения перспектив глобального гражданского общества нуждаются в дальнейшем анализе и более тщательном исследовании. Некоторые из данных подходов будут сосредоточены на государственных/частных форумах, касающихся управления глобальной экономикой, например, Большая Семерка, Всемирный экономический форум, Трехсторонняя комиссия, и некоторых других, способных заменить их;

(с) в свою очередь, пункты (а) и (б) будут связаны с анализом (сохранения и изменения) моделей интересов и идентичности, относящихся, например, к религии, национальности, этнической принадлежности, гендеру. В связи с этим исследование политического использования истории и создание социальных мифов (например, о человеческих возможностях, экономическом развитии и возможностях международного сотрудничества) имеют существенное значение;

(4) наконец, непосредственная ориентация и развитие, относящееся к этническим и практическим подходам к глобальным проблемам. Это проект необходимо выполнить с тщательным анализом существующих и потенциальных форм политической организации и действия, включая партии, общественные движения и неформальные связи различных уровней: от локального до глобального.

Как было отмечено, подобный анализ политики может быть связан с идеей самозащиты обществ против дезинтегрирующего и распыляющего характера экономических сил глобализации.

Подобная работа не только ставит вопрос о понятии суверенитета, государства и рынка, но также стремиться сформулировать и развить идею гражданства и политической ответственности в соответствии с демократическим контролем над экономическими силами, чтобы обеспечить, например, альтернативы «новому конституционализму» и неолиберальному господству. В этих попытках необходимо проявлять уважение к различиям, избегая этноцентризма и, возможно, способствовать развитию (транснациональных) контр-гегемонистских исторических блоков. Данная политика способна принести расширение возможностей социального выбора внутри и между различными сообществами.

Иными словами, можно рассматривать «пост-гегемонистскую» программу исследований в качестве особой точки зрения, которая должна быть понята как часть исторического процесса, то есть данная форма взаимодействия включает в себя человеческое знание, сознание и действие в процессе становления истории и формировании нашего коллективного будущего.

Примечания:

1. Это введение опирается на работы Гилла (1991, 1992).
2. Письмо от Алекса Фернандаса, Отто Холмана, Хенка Овербика, Кесван Пиджа в редакцию, 10 июня 1991.
3. Письмо от Фернандеса и др., 10 июня 1991 года.
4. По этой теме см. Кокс (1989) и Р.У. Кокс «Производство и безопасность», доклад, подготовленный к «Конференции по новым тенденциям в глобальной безопасности», Монтебелло, Квебек, октябрь 1990 года.
5. Феномен Лулы относится к коалиции, сформированной в поддержку лидирующего профсоюзного движения, которое бросило вызов и фактически победило неолибералов из Колор

де Мелло в 1990 г. во время президентских выборов в Бразилии. Эта коалиция включала профсоюзы, работников государственного сектора, городских и сельских бедняков и целый ряд других социальных движений.

6. Джек Чисхольм «Куда делись все рубли?», газета Financial Times, дополнительный выходной выпуск, 7-8 марта 1992 г.

7. Имеются некоторые исключения. Например, греческое православие исключается с тех пор, как Греция стала членом ЕС. Еще один пример: людям, которые могут доказать свое немецкое происхождение, конституционно гарантируется право на эмиграцию в Германию.

8. Этот термин используется в том смысле, как его понимает Бараклоу (1967). Он относится к социальной структуре и силам, которые образовали конфигурацию развития мирового порядка в двадцатом веке. Бараклоу выделяет два типа фундаментальных изменений, которые связаны с технологическим и социо-экономическими трансформациями второй промышленной революции и относящегося к ним процесса возникновения массовой политики. Оба из них прослеживаются еще в начале девятнадцатого века и, возможно, даже в Эпоху Просвещения. Среди прочего, эти события способствовали затмению европоцентристского мирового порядка девятнадцатого века, подъему сверхдержав и «бунта Третьего мира» (против европейского господства).

Роберт У. Кокс

**ГРАМШИ, ГЕГЕМОНИЯ И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ОЧЕРК О МЕТОДЕ**

Некоторое время назад я начал читать «Тюремные тетради» Грамши. В этих набросках, сделанных в фашистской тюрьме в период с 1929 по 1935 гг., бывший итальянский лидер коммунистической партии затрагивает проблемы понимания капиталистического общества в 1920-1930-х гг., в частности, обращаясь к фашизму и возможности построения альтернативных форм государства и общества, основанного на рабочем классе. Все, что он должен был рассмотреть, сосредоточено, главным образом, на государстве, отношениях гражданского общества к государству, отношениях политики, этики и идеологии к способам производства. Неудивительно, что Грамши сказал непосредственно о международных отношениях достаточно немного. Тем не менее, я обнаружил, что образ мыслей Грамши был весьма полезен в понимании значения международного устройства — темы, которой я тогда непосредственно интересовался. Особенную ценность представляет его концепция гегемонии, но также полезными оказались некоторые связанные с ней понятия, которые он разработал самостоятельно или развил у других авторов. В этом эссе изложено мое понимание того, что Грамши подразумевал под гегемонией и связанными с ней понятиями, и предложен мой взгляд относительно того, как эти идеи могут быть адаптированы к пониманию проблемы мирового порядка при сохранении их основного смысла. Данная работа не претендует на критическое исследование политической теории Грамши: в ней всего лишь будут представлены выводы

насчет идей, которые были бы полезны для пересмотра современной теории международных отношений [1].

Грамши и гегемония

Все идеи Грамши были выведены из истории: как из его собственных размышлений насчет исторических периодов, которые, по его мнению, смогли бы пролить свет на события настоящего, так и из его личного опыта политической и социальной борьбы. К их числу относятся движения рабочих начала 1920-х гг., его участие в Третьем Интернационале и его оппозиция фашизму. Учение Грамши должно быть соотнесено с историческим контекстом. Более того, он всегда адаптировал свои идеи к конкретным историческим обстоятельствам. Невозможно должным образом рассмотреть понятия в отвлечении от их применения; в противном случае может оказаться, что различное использование одного и того же понятия содержит в себе противоречие и двусмысленность [2]. По мысли Грамши, понятия должны быть свободными и гибкими; они достигают точности лишь при взаимодействии с определенной ситуацией, которую они могут объяснить — данное взаимодействие также способствует разработке смысла понятия. Это сильная сторона историзма Грамши, в ней же содержится ее объяснительная сила. Однако термин «историзм» часто неверно воспринимается и критикуется теми, кто ищет более абстрактную, систематическую, универсальную и неисторическую форму знания [3].

Мысли Грамши направлены в соответствии с практически-ми целями политического действия. В своих тюремных работах он постоянно ссылается к марксизму как к «философии практики»[4]. По крайней мере, отчасти можно предположить, что это было сделано для того, чтобы подчеркнуть практическое революционное предназначение философии. Также это могло быть сделано для того, чтобы обозначить свое намерение внести вклад в активное развитие мысли, которая посредством работ Маркса дала импульс развитию; однако не стоит навсегда ограничиваться лишь этими работами. Ничто не отстоит так да-

леко от мыслей Грамши, как марксизм, целью которого является толкование священных текстов для уточнения вневременного набора категорий и понятий.

Происхождение концепции гегемонии

Существует два основных направления, ведущих к идее гегемонии Грамши. Первое берет свое начало в дебатах, произошедших внутри Третьего Интернационала относительно стратегии большевистской революции и создания Советского социалистического государства; второе — из сочинений Макиавелли. Обращаясь к первому направлению, некоторые исследователи стремились противопоставить идеи Грамши идеям Ленина, совместив учение Грамши с гегемонией пролетариата, а Ленина — с диктатурой пролетариата. Другие же подчеркивали их согласие по основным пунктам [5]. Важно отметить, что Ленин ссылаясь на русский пролетариат как на доминирующий и направляющий класс. Доминирование подразумевает диктатуру, а направление предполагает руководство с согласия союзнических классов (в частности крестьянства). Грамши, по сути же, берет на себя идею, распространенную в то время в кругах Третьего Интернационала: рабочие осуществляют гегемонию над союзническими классами и диктатуру над вражескими классами. Однако эта идея была применена Третьим Интернационалом только к рабочему классу: ему была отведена роль руководящего класса в союзе рабочих, крестьян и, возможно, некоторых других групп, потенциально поддерживающих революционные преобразования [6].

Оригинальность Грамши заключается в совершении резкого поворота внутри первого направления: он начал применять данную идею к буржуазии — устройству или же механизму гегемонии доминирующего класса [7]. Для него стало возможным различать те случаи, где буржуазия занимала господствующее положение над классами, а где нет. В Северной Европе, в странах, где впервые был установлен капитализм, гегемония буржуазии приобрела наиболее заверченный вид.

Она обязательно включала в себя согласие классов подчиниться в обмен на уступки со стороны руководства буржуазии, что, в конце концов, могло бы привести к формированию социальной демократии, которая сохраняет капитализм, делая его более приемлемым для рабочих и мелкой буржуазии. Поскольку их гегемония прочно укрепилась в гражданском обществе, буржуазии часто не требуется самостоятельно управлять государством. Приземленная аристократия в Англии, юнкеры в Пруссии или изменник, претендующий на мантию Наполеона I во Франции, могут управлять за них настолько долго, пока правители не признают гегемонистское устройство гражданского общества в качестве основного ограничения их политических действий.

Такое понимание гегемонии привело Грамши к расширению своего определения государства. В то время как административные, исполнительные аппараты и аппарат принуждения правительства были фактически ограничены гегемонией руководящего класса всей социальной формации, стало бессмысленно ограничивать определение государства лишь этими элементами управления. Для приобретения значения, понятие государства также должно включать в себя основы политического устройства гражданского общества. Грамши выдвигал эту идею в соответствии с определенными историческими условиями: Церковь, система образования, пресса — все институты, которые способствовали созданию у людей определенных типов поведения и ожиданий, согласующихся с гегемонистским социальным порядком. Например, Грамши утверждал, что масонские ложи в Италии являлись обязательством для тех правительственных служащих, кто вступал в государственный аппарат после объединения Италии и, таким образом, должны рассматриваться как часть государства, для того чтобы должным образом оценить расширенное политическое строение. Таким образом, гегемония доминирующего класса преодолевает препятствия, связанные с обычными категориями государства и гражданско-

го общества, категориями, которые сохранили определенную аналитическую пользу, однако перестали соответствовать отдельным реалиям.

Как отмечалось выше, второе направление, которое привело к идее гегемонии Грамши, берет свое начало в учении Макиавелли и позволяет еще больше расширить потенциальную сферу применения данной концепции. Грамши размышлял над тем, что Макиавелли написал главным образом в своем произведении «Государь» насчет проблемы создания нового государства. В XV веке деятельность Макиавелли была связана с поиском необходимого руководства и поддержкой социальных основ для объединенной Италии; в XX веке деятельность Грамши — с поиском руководства и основы, способной стать альтернативой фашизму. В то время как Макиавелли ищет отдельного Государя, Грамши рассматривает современных Государей: революционная партия вовлечена в продолжительный и развертывающийся диалог со своей собственной базой поддержки. Грамши перенимает у Макиавелли образ власти, представленной в виде кентавра: наполовину человека, наполовину зверя — необходимая комбинация согласия и принуждения [8]. По мере того как консенсуальный аспект власти выходит на первый план, преобладает гегемония. Принуждение всегда скрыто и применяется только в крайних отклоняющихся случаях. Гегемонии достаточно, чтобы обеспечить конформистское поведение у большинства людей большую часть времени. Соединение с идеями Макиавелли относительно концепции власти (в том числе и гегемонии как одной из форм власти) освобождается от привязки к определенным историческим классам и получает более широкое применение к отношениям господства и подчинения, включая, о чем будет сказано ниже, отношения мирового порядка. Это не означает отрыва отношений власти от их социальной основы (например, в случае превращения отношений мирового порядка в отношения между государствами в узком смысле),

однако обращает внимание на необходимость углубления знаний об этих социальных основах.

Маневренная война и позиционная война

В процессе работы над первым направлением своей концепции, Грамши размышляет по поводу опыта революции большевиков и пытается определить, какие уроки из этого могут быть вынесены для задач революции в Западной Европе [9]. Он приходит к выводу, что обстоятельства в Западной Европе коренным образом отличаются от тех, что были в России. Для иллюстрации различий в обстоятельствах и, как следствие, разных необходимых стратегий, он обращается к аналогии маневренной и позиционной войны. Основное различие между Россией и Западной Европой заключалось в относительной силе государства и гражданского общества. В России административный аппарат и аппарат принуждения были угрожающими, но весьма уязвимыми, в то время как гражданское общество оставалось неразвито. Достаточно малочисленный рабочий класс во главе с дисциплинированными передовиками смог сокрушить государство в маневренной войне, не повстречав активного сопротивления со стороны остальной части гражданского общества. Передовая партия могла образовать новое государство посредством комбинации применения насилия к неповинуящимся элементам и построения согласия среди остальных (это исследование было уместно в период Новой экономической политики до применения широкомасштабного насилия к сельскому населению).

В Западной Европе же гражданское общество, которое находилось во власти буржуазной гегемонии, было гораздо более развито и приняло многочисленные формы. Маневренная война лишь при условии исключительных потрясений позволила бы передовым революционным силам захватить контроль над государственным аппаратом; однако в устойчивом гражданском обществе такой переворот в долгосрочной перспективе был обречен на провал. Грамши описал государство

в Западной Европе (под которым мы должны подразумевать государство в узком смысле, ограничиваясь административным, правительственным аппаратом и аппаратом принуждения, а не в широком смысле, который был указан выше) как «внешний ров, за которым находится мощная система крепостей и земляных укреплений».

В России государство было всем, гражданское же общество находилось в своем самом изначальном «желеобразном» состоянии; на Западе между государством и гражданским обществом существовали надлежащие отношения, поэтому, когда государство дрогнуло, тут же проявилась надежность строения гражданского общества. (Грамши, 1971: 238)

Соответственно, Грамши утверждал, что маневренная война не могла быть эффективной против гегемонистских государств-обществ Западной Европы. Альтернативной стратегией является позиционная война, в которой будет медленно наращиваться сила для социальных основ нового государства. В Западной Европе только в случае выигрыша войны в гражданском обществе, нападение на государство могло окончиться успехом. Преждевременная атака на государство посредством маневренной войны способна лишь обнаружить слабость оппозиции и привести к перевёрстке буржуазного господства, в то время как институты гражданского общества в очередной раз подтвердят эту власть.

Стратегический вывод из этого исследования достаточно ясен, хотя и связан с некоторыми трудностями. Чтобы создать основу для альтернативного государства и общества, где руководящую позицию будет занимать рабочий класс, необходимо создать альтернативные институты и альтернативные интеллектуальные ресурсы в рамках существующего общества и навести мосты между рабочими и другими подчиненными классами. Таким образом, нужно создать контр-гегемонию внутри установленной гегемонии, в то же время сопротивляясь давлению и соблазну возобновить

погоню за постепенно увеличивающимися выгодами для подчиненных групп в рамках буржуазной гегемонии. В этом и состоит грань между позиционной войной как долгосрочной революционной стратегией и социальной демократией как способом достижения выгод в установленном порядке.

Пассивная революция

Не все западноевропейские общества являлись буржуазными гегемониями. Грамши различал два типа обществ. Один тип претерпел всестороннюю социальную революцию, последствия которой наиболее полно выразились в новом способе производства и социальных отношений. В данном отношении Англия и Франция являются странами, ушедшими дальше всех. Другой тип обществ, которые, так сказать, перенесли на свою почву или которым были навязаны новые социальные порядки, созданные за рубежом, без старого порядка были вытеснены. Последнее было схвачено в диалектике революции-реставрации, которая, как правило, на этом и останавливалась, не становясь ни новой силой, ни залогом для прошлых побед. В этих обществах новой промышленной буржуазии не удавалось достичь гегемонии. В результате подобной безвыходной ситуации с традиционно доминирующими социальными классами были созданы условия для того, что Грамши назвал «пассивной революцией» — внесение изменений, которые не затрагивали никакого пробуждения народных сил [10].

Одним из типичных дополнений к пассивной революции в анализе Грамши является цезаризм: сильная личность вмешивается в безвыходную ситуацию между равными и противоположными социальными силами. Грамши допускал, что существовали и прогрессивные, и реакционные формы цезаризма: прогрессивные — когда сильная власть осуществляет контроль для более упорядоченного развития нового государства; реакционные — когда обеспечивается устойчивость существующей власти. Правление Наполеона I является случаем прогрессивного цезаризма, в то время как Наполеона III — пример

реакционного цезаризма, в ходе которого наиболее высока вероятность возникновения пассивной революции. Анализ Грамши здесь практически идентичен с идеями Маркса в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»: французская буржуазия, не способная осуществлять управление через свои политические партии, была удовлетворена развитием капитализма в рамках политического режима, который имел в своей социальной основе крестьянство, невразумительные и неорганизованные классы, во главе которых мог бы стать Бонапарт.

В конце XIX века в Италии, северная промышленная буржуазия — класс, получивший наибольшую выгоду от объединения Италии, был неспособен доминировать на полуострове. В основу нового государства был положен союз между промышленной буржуазией севера и землевладельцами юга — альянс, который также являлся выгодным для клиентов мелкой буржуазии (особенно с юга), которые представляли собой штаб служащих новой государственной бюрократии и политических партий, став посредником между различными группами населения и государством. Отсутствие устойчивого и широко распространенного участия в движении объединения объясняет характер результатов «пассивной революции».

В период после Первой мировой войны рабочие и крестьяне заняли заводы и земли, что продемонстрировало их силу, которая была достаточно значительной, чтобы представлять собой угрозу, но еще недостаточной для вытеснения существующего государства. Затем произошли события, которые Грамши назвал «смещением основы государства» [11] в отношении буржуазии — единственного общенационального класса, который стало порой фашистской власти. Фашизм продолжил пассивную революцию, поддерживая позицию старого класса собственников, который был еще не в состоянии заручиться поддержкой подчиненных рабочих и крестьянских классов.

Кроме цезаризма, второй главной особенностью пассивной революции в Италии Грамши назвал *transformismo*. Эту особенность продемонстрировал в итальянской политике

Джованни Джолитти: он стремился добиться максимально широкого объединения интересов и доминировал на политической сцене в годы, предшествующие фашизму. Так, он стремился объединить рабочих севера с промышленниками посредством протекционистской политики. *Transformismo* был направлен на кооптирование потенциальных лидеров подчиненных социальных классов.

При более широком распространении *transformismo* может выступать в качестве стратегии освоения и приручения потенциально опасных идей посредством приспособления их к политике правящей коалиции и, таким образом, может препятствовать образованию организованной классовой оппозиции, направленной против сложившейся социальной и политической власти. Фашизм продолжил *transformismo*. Грамши интерпретирует фашистский государственный корпоративизм как неудачную попытку представить некоторые наиболее развитые индустриальные практики американского капитализма под эгидой старого итальянского управления.

Концепция пассивной революции является аналогом концепции гегемонии в том смысле, что она описывает состояние не-гегемонистского общества, в котором нет доминирующего класса, который был бы способен установить гегемонию, как это подразумевает Грамши. Сегодня понятие пассивной революции вместе с ее составляющими, цезаризмом и *transformismo* особенно уместна для индустриализации стран Третьего мира.

Исторический блок (Bloccostorico)

Грамши дополняет источник своего понятия историческим блоком (*bloccostorico*) Жоржа Сореля, хотя сам Сорель никогда не пользовался этим или каким-либо другим термином в том значении, в каком использовал его Грамши[12]. Тем не менее, Сорель дал интерпретацию революционных действий с точки зрения социальных мифов, через которые люди вовлекаются в действие, воспринимая происходящее как противостояние совокупностей, в которых они видели, как новый порядок броса-

ет вызов старому. В ходе катастрофических событий, старый порядок свертывается, в то время как новый освобождается и начинает набирать силы [13]. Не разделяя субъективную точку зрения по данному вопросу, Грамши придерживается мнения, что государство и общество вместе составляют прочную конструкцию и революция, в свою очередь, предполагает развитие в ней другой структуры, достаточно сильной, чтобы заменить исходную. Как и Маркс, он считал, что это может произойти, только когда первая структура уже полностью исчерпала свой потенциал. Независимо от доминирующего или развивающегося состояния такая структура является тем, что Грамши назвал историческим блоком.

Для Сореля социальный миф является мощной формой коллективной субъективности, которая препятствует реформистским тенденциям. Иначе это могло бы привлечь рабочих из революционного синдикализма в инкрементальное профсоюзное движение или реформистскую политическую партию. Миф был и оружием в борьбе, и инструментом исследования. Для Грамши исторический блок также имел революционное направление с опорой на единство и согласованность социально-политического порядка. Это была интеллектуальная защита против кооптации посредством *transformismo*. Исторический блок представляет собой диалектическое понятие в том смысле, что его взаимодействующие элементы создают большее единство. Грамши отобразил эти взаимодействующие элементы как субъективные и объективные, как надстройку и базис.

Базис и надстройка из «исторического блока». То есть противоречивое и сложное множество надстроек является отражением множества общественных отношений, складывающихся в ходе производства (Грамши, 1971: 366).

Соприкосновение и взаимоотношения в политической, этической и идеологической сферах деятельности с экономической сферой позволяет избежать редукционизма. Таким образом, мы уходим от проблемы сведения всего к экономике (экономизм)

или к идеям (идеализм). В историческом материализме Грамши (которые он с осторожностью отличает от того, что мы называем «историческим экономизмом» или исключительно экономической интерпретацией истории), идеи и материальные условия всегда связаны, они взаимно влияют друг на друга и не сводимы друг к одному. Идеи всегда должны рассматриваться в контексте материальных обстоятельств. Материальные обстоятельства включают в себя как социальные отношения, так и физические средства производства. Идеологическая надстройка и политическая организация формируют развитие производства и, в то же время, формируются им.

Исторический блок не может существовать без гегемонистского социального класса. Там, где гегемонистский класс доминирует в стране или социальной формации, государство (в расширенном понимании Грамши) поддерживает единство и идентичность в рамках блока через распространение общей культуры. Новый блок формируется, когда подчиненный класс (например, рабочие) устанавливают свою гегемонию над другими подчиненными группами (например, мелкими фермерами, маргиналами). Этот процесс требует интенсивного диалога между лидерами и последователями внутри потенциального гегемонистского класса. Грамши, возможно, был согласен с идеей Ленина насчет передовой партии, которая берет на себя ответственность за руководство над еще незрелым рабочим классом, но только в качестве одного из аспектов позиционной войны. Поскольку стратегия позиционной войны была востребована в западных странах, по его мнению, роль партии заключалась в том, чтобы руководить, усиливать и развивать диалог внутри рабочего класса и между рабочим классом и другими подчиненными классами, которые могли стать союзниками. «Линия масс», как техника мобилизации, разработанная Коммунистической партией Китая, в этом отношении согласуется с мнением Грамши.

Интеллектуалы играют ключевую роль в создании исторического блока. Они не являются особым и относительно бесклассовым социальным слоем. Грамши рассматривал их в организационной связи с социальным классом. Они выполняют функцию создания и поддержания мыслительных образов, технологий и организаций, которые связывают воедино членов класса и исторического блока. Буржуазные интеллектуалы воплотили это для всего общества, в котором буржуазия заняла место гегемона. Согласованная интеллигенция рабочего класса выполняла бы схожую роль в создании нового исторического блока, в котором рабочий класс занимал бы место гегемона внутри общества. Для этого они должны были бы создать исключительно самобытную культуру, организацию и технику, постоянно взаимодействуя с членами возникающего блока. По Грамши, каждый в некоторой степени является интеллектуалом, хотя лишь отдельные лица полноценно выполняют социальную интеллектуальную функцию. Таким образом, партия в его концепции является «коллективным интеллектуальным».

Двигаясь по направлению к гегемонии и созданию исторического блока, Грамши различает три уровня сознания: экономико-корпоративное, которое знает об особых интересах конкретной группы; солидарность, или классовое сознание, которое распространяется на целый социальный класс, но остается на чисто экономическом уровне; и гегемонистское, которое приводит интересы ведущих классов в согласие с подчиненными классами и включает другие интересы в идеологию, выраженную в универсальных терминах (Грамши, 1971: 180-95). По словам Грамши, движение к гегемонии является «переходом от базиса к сфере совокупности надстроек»; под этим он подразумевает переход от конкретных интересов группы или класса к созданию институтов и разработки идеологии. Если они отражают гегемонию, эти институты и идеология будут иметь универсальную форму, т. е. они не будут проявляться как порождение конкретного класса, а будут обеспечивать удовлетворение

подчиненных групп, при этом, не подрывая устоев руководства или жизненно важных интересов класса-гегемона.

Гегемония и международные отношения

Теперь от того, что Грамши назвал гегемонией и связанных с ней понятий, мы можем перейти к применению данной концепции к теме международных отношений. Сперва было бы полезно изучить то небольшое, что сам Грамши говорил о международных отношениях.

Рассмотрим следующий отрывок:

Международные отношения предшествуют или (логически) следуют из базисных социальных отношений? Нет никаких сомнений, что следуют. Любая согласованная инновация в социальной структуре через свое военно-техническое выражение, внутренне преобразует абсолютные и относительные отношения также и в международном поле. (Грамши, 1971: 176)

Под «согласованными» Грамши подразумевает структурные, долгосрочные и относительно постоянные элементы, противопоставленные краткосрочным и «конъюнктурным». Он утверждал, что базисные изменения в международных отношениях или мировом порядке, которые также рассматриваются как перемены в военно-стратегическом и геополитическом балансе, могут быть отнесены к фундаментальным изменениям в социальных отношениях.

Грамши ни в коем случае не пытался обойти или приуменьшить значение государства. Государство остается для него базовым субъектом международных отношений и местом, где происходят социальные конфликты — и, следовательно, где может быть создана гегемония социальных классов. В этой гегемонии социальных классов особенности страны соединяются уникальным и оригинальным способом. Рабочий класс, который можно считать международным в абстрактном смысле, анализирует себя в процессе создания гегемонии. Возникновение новых блоков под руководством рабочих на национальном уровне, по данной логике, предшествовало бы любым базисным

перестройкам в международных отношениях. Однако государство, которое остается главным центром внимания социальной борьбы и основным субъектом международных отношений, является расширенным и включает в себя собственный социальный базис. Эта точка зрения выделяет слишком узкий или поверхностный взгляд на государство, который сужает его определение, например, до внешнеполитической бюрократии или военного потенциала государства.

Будучи итальянцем, со своей стороны Грамши обладал острым чутьем на то, что мы назвали бы сейчас зависимостью. Он знал, что события, произошедшие в Италии, были заметно спровоцированы влиянием внешних сил. На уровне чисто внешней политики великие державы обладают относительной свободой определять свою политику в соответствии со своими внутренними интересами; более мелкие державы обладают меньшими полномочиями (Грамши, 1971: 264). Экономическая жизнь подчиненных государств пронизана и тесно связана с интересами могущественных держав. Кроме того, все осложняется существованием внутри стран структурно многообразных регионов, которые имеют различные образцы отношения к внешним силам (Грамши, 1971: 182).

На еще более глубоком уровне влиятельными являются именно те государства, которые перенесли основательную социальную и экономическую революцию, последствия которой наиболее полно выразились в форме государственных и социальных отношений. Французская революция является случаем, рассмотренным Грамши, однако мы можем также применить его к развитию США и советской власти. Все они базировались на национальной основе и впоследствии пересекли государственные границы, став всемирно распространенным феноменом. Данное влияние событий было оказано на другие страны в более пассивной форме — пример того, что Грамши обозначил на национальном уровне как пассивная революция. Подобный эффект возникает когда импульс изменений возникает

не из «мощного локального экономического развития»..., а вместо этого является отражением международных событий, которые передают периферии движения, происходящие в собственной идеологии.

Группа, выступающая носителем новых идей, в подобных обстоятельствах не является изначальной социальной группой, принимающей активное участие в создании новой экономической основы с иным устройством общественных отношений. Она является интеллектуальным слоем, перенимающим идеи, которые исходят от уже произошедшей внешнеэкономической и социальной революции. Таким образом, мысли данной группы принимают идеалистические формы, не относящиеся к внутреннему экономическому развитию; и их концепция государства принимает форму «рационального абсолюта» (Грамши, 1971: 117). Грамши критикует идеи Бенедетто Кроче, главной фигуры итальянских интеллектуальных кругов того времени, за высказывание подобного рода искажений.

Гегемония и мировой порядок

Применима ли концепция гегемонии Грамши к международному или мировому уровню? Перед тем, как предположить, каким образом это может быть сделано, необходимо исключить некоторые употребления данного термина, широко распространенные в изучении международных отношений. Очень часто «гегемония»

используется для обозначения доминирования одной страны над другими, тем самым, связывая термин с отношениями исключительно между государствами. Иногда «гегемония» используется как эвфемизм империализма. Когда китайские политические лидеры обвиняют Советский Союз в «гегемонизме», скорее всего, они имеют в виду некоторую комбинацию из этих двух слов. Эти значения настолько отличаются от смысла, который вкладывает Грамши в это понятие, что для ясности лучше всего использовать в данной работе термин «доминирование».

Применяя концепцию гегемонии мирового порядка, важно определить, когда период гегемонии начинается и когда заканчивается. Период, в который была установлена мировая гегемония, можно назвать гегемонистским; а тот, в котором доминирует не гегемонистский тип — не-гегемонистским. Для иллюстрации разделим полтора прошлых века на четыре периода: 1845 — 1875 гг., 1875 — 1945 гг., 1945 — 1965 гг. и с 1965 по настоящее время [14].

Первый период (1845 — 1875 гг.) был гегемонистским: существовала мировая экономика, центром которой являлась Британия. Экономические доктрины соответствовали британскому господству, хотя и имели универсальную форму — сравнительное преимущество, свободная торговля и золотой стандарт постепенно распространились из Великобритании. Принудительная сила являлась гарантом данного порядка. Британия удерживала баланс сил в Европе, тем самым, предотвращая любой вызов, брошенный гегемонии со стороны сухопутных сил. Британия господствовала в море и была способна обеспечивать подчинение периферийных стран правилам рынка.

Во втором периоде (1875 — 1945 гг.) все эти особенности сошли на «нет». Другие страны стали оспаривать господство Британии. Баланс сил в Европе оказался дестабилизирован, что привело к двум мировым войнам. Свободная торговля была заменена протекционизмом; в конечном итоге страны отказались от золотого стандарта, и мировая экономика распалась на отдельные экономические блоки. Это был не-гегемонистский период.

В третьем периоде, после Второй мировой войны (1945 — 1965 гг.) Соединенные Штаты организовали новый гегемонистский мировой порядок со схожим устройством, господствовавшим в Британии в середине XIX века, но с институтами и доктринами, приспособленными к более сложной мировой экономике и к национальным обществам, более чувствительным к политическим последствиям экономических кризисов.

Начиная с конца 1960-х до начала 1970-х гг., становится очевидным, что американская система мирового порядка начинает давать сбои. В последующий нестабильный период обозначились три возможности структурной перестройки мирового порядка: реконструкция гегемонии с расширением политического управления, предусмотренным Трехсторонней комиссией; увеличение фрагментации мировой экономики вокруг экономической сферы, сконцентрировавшей в себе большую мощность; и возможное утверждение контр-гегемонии стран Третьего мира с согласованными требованиями для Нового международного экономического порядка, предшествующих данному становлению.

На основании этой предварительно обозначенной идеи может показаться, что исторически для того, чтобы стать гегемоном, государству необходимо основать и защищать мировой порядок, который был бы теоретически универсальным, т.е. не порядок, в котором одно государство прямо эксплуатирует другие, но порядок, при котором большинство других государств (или, по крайней мере, тех, что находятся в пределах досягаемости гегемонии) могли бы найти нечто совместимое с их интересами. Такой порядок вряд ли можно осмыслить исключительно на межгосударственном уровне, для этого, скорее всего, потребуется выдвинуть на первый план противопоставление государственных интересов. Скорее всего, это повлияет на то, что особое внимание будет уделено возможностям сил гражданского общества действовать в мировом масштабе (или в масштабах той области, в которой преобладает гегемония). Гегемонистские концепции мирового порядка основаны не только на регулировании межгосударственных конфликтов, но также и на глобально представленном гражданском обществе, т.е. на способе производства глобального расширения, который приводит к установлению связей между классами охваченных им стран.

Исторически сложилось, что гегемонии такого вида основаны могущественными государствами, которые подверглись социальной и экономической революции. Революция не только изменяет внутреннее экономическое и политическое устройство государства, о котором идет речь, но также высвобождает энергию, которая распространяется за его пределами. Таким образом, мировая гегемония в самом своем начале внешнего распространения своей внутренней (национальной) гегемонии устанавливается с помощью доминирующих социальных классов. Экономические и социальные институты, культура, технология, связанные с этой национальной гегемонией становятся образцом для подражания в других странах. Распространяющаяся гегемония проникает в периферийные страны, принимая форму пассивной революции. Эти страны не подверглись такой же полной социальной революции и не имели таких же экономических изменений, но они пытаются включить элементы гегемонистской модели, не нарушая прежнюю структуру власти. Если же периферийные страны в состоянии принять некоторые экономические и культурные особенности гегемонистского ядра, они с меньшим успехом способны перенять их политическую модель. Как фашизм стал формой пассивной революции в Италии в межвоенный период, так и в настоящее время могут существовать различные формы военно-бюрократического режима, контролирующего пассивную революцию на периферии. В мировой гегемонистской модели гегемония является более интенсивной и последовательной в ядре и менее противоречивой на периферии.

Таким образом, гегемония на международном уровне — это не только установленный порядок между государствами. Это порядок в мировой экономике с доминирующим способом производства, который проникает во все страны и соединяется в иные подчиненные способы производства. Она (гегемония) также является комплексом международных социальных отношений, связывающих целые классы в разных странах.

Всемирную гегемонию можно описать как социальное, экономическое и политическое устройство; она не может быть чем-то одним, и должна включать в себя все три элемента. Кроме того, всемирная гегемония выражается в универсальных нормах, институтах и механизмах, лежащих в основе общих правил поведения для государств и для тех сил гражданского общества, которые действуют через национальные границы — нормы, которые поддерживают господствующий способ производства.

Механизмы гегемонии: международные организации

Одним из механизмов выражения универсальных норм мировой гегемонии являются международные организации. Международная организация действительно функционирует как процесс, посредством которого институты гегемонии и идеология получают свое развитие. Среди особенностей международной организации, выражающей свою гегемонистскую роль, можно указать следующее: (1) они включают в себя нормы, способствующие расширению гегемонистского мирового порядка; (2) они сами по себе являются результатом гегемонистского мирового порядка; (3) они идеологически оправдывают нормы мирового порядка; (4) они кооптируют элиту из периферийных стран; (5) они поглощают контр-гегемонистские идеи.

Международные институты реализуют нормы, содействующие расширению доминирующих экономических и социальных сил, но в то же время позволяют подчиненным интересам вносить определенные коррективы с минимальными для себя потерями. Нормы, регулирующие мировые валютные и торговые отношения обладают особым значением. Они выработаны главным образом для содействия экономическому росту. В то же время для регулирования проблемных ситуаций допускаются некоторые исключения и отступления. Они могут быть пересмотрены в свете изменившихся обстоятельств. Бреттон-Вудская конференция предоставила больше гарантий для решения внутренних социальных проблем, и касается, скорее, проблемы

безработицы, чем золотого стандарта, при условии, что национальная политика будет последовательно двигаться к либеральной мировой экономике. Существующая система плавающего валютного курса также предоставляет возможность действия на государственном уровне, однако должно быть соблюдено преимущественное обязательство, при котором национальная политика согласуется с интересами либеральной мировой экономики.

Международные институты и нормы, как правило, инициированы государством, устанавливающим гегемонию. По крайней мере, они должны иметь поддержку со стороны государства. Доминирующее государство заботится об обеспечении согласия других государств, в соответствии с иерархией власти внутри межгосударственного устройства гегемонии. Некоторые второстепенные государства сперва должны обратиться за консультацией для обеспечения своей безопасности. Запрашивается согласие со стороны, по крайней мере, некоторых более периферийных стран. Формальное участие может быть принято в пользу доминирующих властей, как это происходит в Международном Валютном Фонде и Всемирной Банке, или же оно может быть основано на системе одного голоса от одной страны, как в большинстве международных институтов. Существует неформальная структура влияния, отражающая различные уровни реальной политической и экономической власти, которая лежит в основе формальных процедур для принятия решений.

Международные институты также выполняют идеологическую роль. Они помогают определить политические принципы государства и узаконить определенные институты и практики на национальном уровне. Также они отражают направления, благоприятные для доминирующих социальных и экономических сил. ОЭСР, предложив политику монетаризма, одобрил доминирующее согласие политической мысли в центральных странах и укрепил позиции тех, кто был направлен на борьбу с инфляцией, при этом отказав в поддержке странам, которые

были больше обеспокоены проблемой безработицы. Содействуя трипартизму, МОТ узаконил социальные отношения, развивающиеся в центральных странах, как желательный образец для подражания.

Способная элита периферийных стран кооптируется в международные институты путем *transformismo*. Лица из периферийных стран, хотя и могут прийти в международные институты с идеей изменения системы изнутри, все же обречены на работу в системе пассивной революции. В лучшем случае они смогут передавать элементы «модернизации» к периферии, но только при условии, что это согласуется с интересами установленной локальной власти. Гегемония, как подушка: она принимает удары, но рано или поздно покажется потенциальному нападающему удобной для отдыха. Только государства, где образ международных институтов прочно основан на четкой социальной и политической идее вызова гегемонии посредством формирующегося исторического блока и контргегемонии, могут представлять собой реальную угрозу. Но кооптация выдающихся личностей из периферии делает это менее вероятным.

Transformismo также поглощает потенциальные контргегемонистские идеи и приводит их в соответствии с гегемонистской доктриной. Так, понятие самостоятельности начало развиваться как вызов мировой экономике через защиту внутренне определенного автономного развития. В настоящее же время термин обозначает поддержку со стороны агентов мировой экономики в пользу созданных в домашних условиях социальных программ в периферийных странах. Эти программы нацелены на то, чтобы дать возможность сельскому населению достичь самостоятельности, таким образом, остановив массовое переселение из деревни в город, и тем самым добиться большей степени социальной и политической стабильности среди населения, которое не способно интегрироваться в мировую экономику. Уверенность в своих силах в своем трансфор-

мированном значении дополняет и поддерживает гегемонистские цели мировой экономики.

Таким образом, тактика осуществления изменений в структуре мирового порядка может быть исключена как полная иллюзия. Существует очень малая вероятность маневренной войны на международном уровне, через которую радикальные силы захватят контроля над надстройкой международных институтов. Вопреки идеям Даниеля Патрика Мойнихана, радикальные силы Третьего мира не контролируют международные институты. Даже если бы они и контролировали их, то ничего не смогли бы этим добиться. Эти надстройки неадекватно соединены с широко распространенной политической основой. Они связаны с национальными гегемонистскими классами центральных стран и через посредничество данных классов обладают более широкой основой в этих государствах. На периферии они связаны только с пассивной революцией.

Перспективы для контр-гегемонии

Если вернуться к утверждению Грамши, приведенному выше в данной работе, то мировой порядок основан на общественных отношениях. Таким образом, значительные структурные изменения в мировом порядке восходят к фундаментальным изменениям общественных отношений в государственном политическом порядке, который соответствует национальным структурам общественных отношений. По мысли Грамши, они будут происходить с возникновением нового исторического блока. В рассмотрении проблемы изменения мирового порядка мы должны обратиться от международных институтов к национальным обществам. Исследование событий в Италии, проведенное Грамши, еще более применимо к мировому порядку: только маневренная война в конечном счете может привести к структурным изменениям, а позиционная война предполагает создание общественно-политической основы для изменений путем образования новых исторических блоков. Национальная среда остается единственным местом, где могут быть основаны

исторические блоки, хотя условия мировой экономики и мировой политики существенно влияют на перспективы подобного мероприятия.

Затянувшийся мировой экономический кризис (начало которого можно отнести к концу 1960-х и началу 1970-х гг.) благоприятен для событий, которые могли бы привести к вызову контргегемонии. Центральные страны, чья политика, вмешиваясь в систему трансфертных платежей для малоимущих групп и порождает высокую безработицу, открывают возможности для свободного союза пострадавших против сектора капитала и труда, которые находят общее основание в международном производстве и монополии либерального мирового порядка. Основой политики данного союза, скорее всего, была бы посткейнсианская теория или неомеркантилизм. В периферийных странах некоторые государства очень уязвимы к революционным действиям, как это продемонстрировано событиями от Ирана до Центральной Америки. Однако глубокая политическая подготовка населения может не поспевать за революционными возможностями, что уменьшает перспективы создания нового исторического блока. Эффективная политическая организация (современный Государь по Грамши) потребуется для порядка, чтобы сплотить новый рабочий класс, порожденный международным производством, и навести мосты с крестьянами и городскими маргиналами. В противном случае, мы можем только представить процесс, где местные политические элиты, даже если некоторые из них являются результатом неудачного революционного переворота, защитили бы свою власть внутри монопольного либерального порядка. Реконструированная монополия либеральная гегемония была бы в состоянии применять *transformismo*, приспособляясь к разнообразным государственным институтам и практикам, включая национализацию промышленности. Риторика национализма и социализма могла бы быть приведена в соответствие с восстановлением пассивной революции под новым названием на периферии.

Таким образом, задача изменения мирового порядка начинается с длительных и трудоемких усилий, направленных на построение нового исторического блока в пределах национальных границ.

Примечания

1. Эта статья первоначально была опубликована в *Millennium*, (1983) 12 (2): 162-75. В цитатах я ссылаюсь на Грамши (1971), далее цитируется как *Избранное*. Полное критическое издание на Грамши (1975), далее цитируется как *Quardeni*.

2. Данная проблема лежит в основе идей Андерсона (1976-77), целью которого является найти несоответствия в концепции Грамши.

3. По данному вопросу см. Томпсона (1978), который противопоставляет позицию исторической аналогии Грамши абстрактному философскому структурализму Альтюссера и Балибара (1979). См. «Марксизм — не историзм», у Альтюссера и Балибара (1979).

4. Предполагается, что это было сделано, чтобы избежать конфискации тетрадей тюремным цензором, который, по слухам, был не особенно сообразительным.

5. Буси-Глюксман (1975) помещает идеи Грамши в самый центр ленинской традиции. Портелли (1972) и Мачиочи (1973) противопоставляют Грамши и Ленина. На мой взгляд, работы Буси-Глюксман более продуманы. См. также Муфф (1979) и Showstack-Sassoon (1982).

6. Данное понятие установлено с учетом ситуации в Италии в начале 1920-х гг., проведенным Грамши; рабочий класс был слишком слаб, чтобы нести все тяжесть революции, и мог создать новое государство только через союз с крестьянством и с некоторыми элементами мелкой буржуазии. В самом деле, Грамши рассматривал совет рабочего движения как школу для руководства подобной коалицией, поэтому его усилия до заключения были направлены на создание такого объединения.

7. См. Буси-Глюксман (1975: 63).

8. Макиавелли (1977: 49-50); Грамши (1971: 169-90).
9. Термин «Западная Европа» относится здесь к Британии, Франции, Германии и Италии 1920-х и 1930-х гг.
10. Грамши заимствовал термин «пассивная революция» у неаполитанского историка Винченцо Куоко (1770 — 1823 гг.), который принимал активное участие на ранних стадиях Рисорджименто. В интерпретации Куоко неаполитанские армии принесли пассивную революцию в Италию.
11. Буси-Глюксман (1975: 121).
12. Грамши, Quardeni. (1975: 2, 632).
13. См. обсуждение мифа и «наполеоновской битвы» Сореля в письме к Даниэлю Галеви (Сорель, 1961).
14. Знакомство носит предварительный характер и должно быть уточнено исследованием структурных черт, соответствующих каждому периоду, а также факторов, которые, как считается, способствовали переломным моментам между периодами. Они предполагаются здесь в качестве обозначений для пересмотра истории, чтобы заново поднять вопрос о гегемонии и соответствующих ей структурах и механизмах.

Империализм, принявший различные формы в данные периоды, непосредственно относится к этому вопросу. В первом периоде *Rex Britannica*, хотя некоторые территории находились в непосредственном подчинении, контроль над колониями был скорее второстепенным, чем необходимым для экономической экспансии. Аргентина, формально независимая страна, обладала по существу такими же отношениями с экономикой Британии, как и Канада, бывшая колония. Как отметил Джордж Лихтхейм, это можно назвать «либеральным империализмом».

Во втором периоде так называемого «нового империализма» большее внимание было уделено прямому политическому контролю. Наблюдался рост экспорта капитала и финансового капитала, что, по мнению Ленина, является самой сущностью империализма.

В третьем периоде, который можно назвать неолиберальным или монопольно-либеральным империализмом, интернационализация производства стала наиглавнейшей формой, поддерживаемой также новыми формами финансового капитала (транснациональные банки и консорциум). Кажется, что в определении некоторых неизменных черт империализма мало смысла, однако было бы более полезно описать структурные особенности империализма, который соответствует последующему гегемонистскому и не-гегемонистскому мировому порядку. Для дальнейшего обсуждения проблемы, относящейся к *Rex Britannica* и *Rex Americana*, см. Кокс (1983).

ЕВРОЦЕНТРИЗМ

Дугин А. Г.

ВЗГЛЯД НА МИР С ПОЗИЦИИ МОРЯ

Третья лекция из курса «Геополитика и Международные Отношения» посвящена метафизике Моря или «талассократии».

Напомню, что на прошлой лекции мы подошли к карте Макиндейер, которая является резюме или результатом геополитического mapping'a, когда из целого ряда научных концептов, связанных со сферой социологии, политологии, философии и географии, включая экономику и военную стратегию, мы получаем синтетический концепт геополитики, включающий в себя несколько концептуальных срезов одновременно.

Талассократия

Одним из таких фундаментальных концептов геополитики является концепт Моря. Его мы сегодня и рассмотрим. Причем, мы его рассмотрим с точки зрения тех фундаментальных уровней, которые в нем заложены во всем объеме дисциплин, формирующих геополитику как синтез, как высокую степень научного обобщения.

Итак, термин «талассократия» происходит от греческого слова *θάλασσα* — море и *κράτος* — сила, могущество. Обычно слово «κράτος» переводится английским словом «power» — сила или могущество. Таким образом, талассократия (в русском языке отсутствует звук «θ», поэтому говорим «т») — власть Моря. На английском это будет звучать «Sea Power» — могущество Моря. Уже сразу мы видим, что здесь существует не просто море, а могущество. Могущество — это политическое, стратегическое, военное, психологическое, социальное явление. Поэтому, когда мы объединяем два термина: географический

термин «море» (θάλασσα) и политический термин «κράτος», мы получаем сложный концепт.

А теперь, обратите внимание, что в силу метонимии и определенного синонимического круга (метонимия это когда целое описывается с помощью его части), географическое понятие моря (sea, θάλασσα) подразумевает в геополитике могущество Моря — т.е. талассократию. Отсюда — определенная вариативность в терминологии. Мы говорим «море» и понимаем под этим «морское могущество». Говорим «sea» в геополитике, подразумеваем «sea power», говорим «θάλασσα» — подразумеваем «талассократию».

Итак, что это за специфический термин «талассократия»? Впервые мы встречаем его у Страбона, его используют также Фукидид и Геродот. Причем, Фукидид использует термин «талассократия» наряду с таким термином, как «ναυτακρατία». «Ναυτική» — это мореплавание. «Ναυτικρατία» — господство с помощью кораблей, с помощью мореплавания. Теперь мы уже понимаем, что понятие «талассократия» — это не власть моря как географического или физического явления, а власть мореплавателей. Понятие «ναυτακρατία», не ставшее специальным термином, но используемое Фукидидом в качестве синонима слова «талассократия», проливает свет на семантику данного понятия. Это не власть моря, а власть мореплавателей, власть господ моря.

Пелопонесская война

Фукидид использует первоначально термин «талассократия» применительно к минойской цивилизации. Изначально минойская политическая структура мыслится Фукидидом как талассократическая, но наиболее оперативным этот термин становится у Фукидида в ходе его описания Пелопоннесской войны. И здесь мы уже находимся в самом сердце геополитической дисциплины, в ее древнем первоизданном виде, когда историк Пелопоннесской войны Фукидид¹ начинает осмысливать особен-

¹ Фукидид. История. М.: Ладомир-Наука. 1993.

ности тех акторов, которые являются ее главными участниками, то есть, Афинской империи Перикла и Спартанского союза. И вот дальше, начиная с победы над персами в сухопутных битвах, а потом в морской битве при Саламине, после того, как внешне для Греции персидская агрессия была отбита, внутренний конфликт переходит в пространство собственно Эллады. И постепенно формируется в ходе Пелопоннесской войны в начале Делосская лиги, а потом спартанский союз, и параллельно с этим происходит переход разных городов под контроль то Афин, то Спарты. Возникают два полюса этой Пелопоннесской войны: Афины и Спарта. При анализе того, как формируется Афинская империя Перикла, и как отвечает на это Спартанский союз, Фукидид приходит к следующему фундаментальному обобщению: власть Афин является властью морской державы; все успехи, в том числе роль Афин в победе в морской битве при Саламинах, решившая, в конечном счете, исход греко-персидской войны, связаны с морским флотом. Хотя у Спарты тоже есть морской флот, но Афины делают ставку принципиально на флот, а сухопутные силы рассматривают как подсобное стратегическое направление. А спартанцы наоборот, они сильны в сухопутном бою, но слабы в морском сражении. Вот это принципиальное замечание о различии структур двух оппонентов Пелопоннесской войны приводит Фукидида, а также участников, например самого Перикла в его речах, обращенных к афинянам, к выявлению геополитической закономерности в противостоянии Моря и Суши.

Каждый греческий полис отличался особой спецификой: политической, религиозной, социальной, культовой; и вся эта политическая и историческая драма, сводится в геополитике к некоторым наиболее ярким особенностям этих двух сил. Афины — это талассократия, Спарта — это теллурократия (от латинского термина «tellus» — земля, «κράτος» — власть). «Теллурократия» — более поздний термин, а вот талассократия,

термин который мы рассматриваем, — почти современник самой Пелопоннесской войны.

Очень интересно что такое талассократия в понимании Фукидида. Только ли факт того, что по сравнению со своей империей Афины опираются на военный флот, понимается под талассократией? Сразу же можно сказать, что далеко не только это. Уже Фукидид связывает развитие морского флота Афинами и ставки на построение морского флота Афинской Империи с другими особенностями Афинского полиса. В частности, с торговлей, которая является главным источником экономической мощи Афин. Не просто с торговлей, а морской торговлей, и не просто морской торговлей, а колониальной морской торговлей. То есть, Афины набирают свое экономическое могущество путем развития не только военного флота, но и торгового флота, который входит как составляющая в элемент талассократии. Развивая военный флот, Афины развивают торговый флот, а, развивая торговый флот, Афины развивают военный флот. Военный флот служит афинянам не только для ведения войны, но и для охраны торгового флота. Торговый флот служит не только для обогащения, но и для инвестиций в военный флот. Таким образом, на уровне стратегов Афин, которые становятся то временными архонтами, то тиранами (в случае напряженных военных действий или, например, черной чумы, когда власть получает дополнительные, экстраординарные диктаторские полномочия), в любых случаях, морское могущество осмысляется в военно-стратегическом аспекте и в экономическом аспекте. Таким образом, портовое место расположения Афин, их нахождение на берегу, осмысляется как военно-экономическая и стратегическая судьба.

Вот эти два концепта: экономика и военная стратегия, а также географическое расположение города на берегу, наличие свойства города быть одновременно городом-портом, осмысляется как сущность афинской политической системы. Но это еще не все. С этим же портовым и морским характером уже

Перикл связывает демократическое устройство Афин. Как море постоянно, различно и разнообразно меняется, так меняется и мнение жителей Афин, и это рассматривается как источник особого софистского, демократического политического диалога. То есть, демократия как беседа, демократия как совокупность мнений, демократия как изменение позиций, с которыми обязана считаться власть - это образ Моря в политике. В политическое устройство демократии Афины вбирают социокультурную, стратегическую рефлексию на стихию Моря. Демократия - это одна из сторон, аспектов талассократии. Это не случайное сочетание, и, конечно, вопреки этому мы видим в Спарте аристократическую систему. В Спарте мы видим все противоположенное: видим сухопутное вооружение, видим аграрную экономику, которая является доминирующей, и мы видим аристократическую воинскую систему управления. Нет демократии, нет морского флота, нет торговли. Вернее это есть, но это второстепенно. Также и в Аттике, области Афин, тоже есть крестьяне и тоже есть аристократические роды, но доминирующим элементом выступает талассократия, которая имеет и сухопутные войска, и аграрное производство, и аристократические рода. Доминирует в одном случае одно, а в другом случае другое.

Таким образом, талассократия как концепт возвышается не только над стратегическим и экономическим, но даже над политическим аспектом. Море диктует городу какой быть его политике. Море близко и к Спарте, и к Фивам, но одни идут в Море — афиняне открываются морю, они впускают Море в себя, а другие продолжают относиться к Морю как носителю сухопутного начала. Море и талассократия приобретают обобщающий, фундаментальный характер. Лео Фробениус, исследователь древних культур, рассматривал одну из стадий возникновения культуры, как «Ergriffenheit», это немного напоминает феномен М. Хайдеггера, когда общество вдруг становится охваченным чем-то. «Ergriffenheit» — это охваченность, одержимость чем-то, от слова самодержец — тот, кто держит.

Одержимость, когда над человеком и обществом возникает некое не осмысляемое им начало, которое начинает им управлять, оно его охватывает, и человек с обществом становятся одержимыми. Так вот, на определенном уровне развития культуры, по Фробениусу, происходит «Ergriffenheit».

Море, в данном случае, как особое явление охватывает, схватывает и подчиняет себе культуру и цивилизацию. И само Море диктует Афинам самые фундаментальные аспекты своего развития, такие как: военную стратегию морского типа, «ναυτική», современную торговлю, политическую демократию.

Массимо Каччари, современный итальянский философ, который написал очень интересную книгу «Геофилософия»¹, предлагает продолжить эту идею геополитического осмысления значения суши и моря и предлагает рассмотреть философию, развивавшуюся именно в Афинах, как следствие влияния Моря, поскольку изменение морского рельефа он сравнивает с ноэзисом, базовым уровнем человеческого философствования на уровне еще феноменальном, не восходящем к логосу. То есть, логос рождается из Моря, греческого логос происходит из морских волн, как говорит Каччари.

Делез в последней книге с Феликсом Гваттари «Что такое философия?»² говорит, что не случайно это зародилось у греков, потому что идеи приползли как моллюски по дну Средиземного моря, изменив свое концептуальное значение, которое они имели в классических и более иерархичных культурах Египта, Анатолии или Ирана. Таким образом, портовое положение Афин, непокорность афинской Европы перед лицом классических, сложных, вертикальных систем традиционного востока - это дух Моря восстающего на сушу. Морской пейзаж никогда не бывает одинаковым, он постоянно меняется. Так и демократическое афинское общество не выносит однозначных,

¹ Каччари М. Геофилософия Европы. СПб.: Издательство «ПНЕВМА», 2011.

² Делез Ж. Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб.: -Алетейя, 1998.

раз и навсегда данных сухопутных принципов и правил, которыми вполне довольствуются жители Востока тысячелетиями.

Так формируется понятие талассократии. Перикл в своих речах говорит, что афинская демократия является проявлением нашей морской природы, нашего города: открытость, демократия, талассократия, торговля, рынок. Рынок, который дисконтирует все в цену. И мы говорим, что ликвидность — это возможность поменять товар на деньги. Ликвидность — это жидкость по латыни, морская стихия. Рынок и торговля это не просто сухопутная или морская торговля, всякая торговля имеет в себе нечто талассократическое. Таким образом, концепт талассократии уже у Фукидида в противостоянии Спарты и Афин восходит на некий фундаментальный, метафизический уровень. Метафизика воды, метафизика моря становится одним из базовых понятий геополитики, которая конструируется, начиная с V века до нашей эры, в тот период, когда расцветает школа Платона и возникает греческая философия. Очень интересно как мыслят фактор талассократии Платон и Аристотель. Оба осознают, что порт и море являются источником падения нравов. Морская стихия гибкая, она креативная, но безнравственная. Нравственность — это следование классическим порядкам, поэтому и для Платона, и для Аристотеля идеалом является Спарта, то есть теллурократия, а не талассократия. И в этом отношении неслучайно город — совершенное государство Платона, полис, должен стоять довольно далеко, как минимум на 80 километров от моря. Море несовместимо с идеальным политическим устройством, как говорит Платон. И в этом отношении то же самое утверждает Аристотель: хорошо иметь выход к морю, но нужно отделить его от столицы, потому что это пребывание в капиталистической, демократической среде, а демократию Аристотель считал наихудшей формой правления. Соответственно, эти вещи у них в философии связываются. И на самом деле, идеалом политики афинских философов являются не Афины, а противник Афин. К тому времени Пелопоннесская

война закончилась и напряжение спало, а противниками Афин в Пелопоннесской войне были спартанцы, что очень важно.

Прокл и история об Атлантиде

Спустя довольно много времени мы встречаем удивительно объемную метафизическую геополитику у неоплатонического философа Прокла. Это уже, соответственно, V — VI века нашей эры. Это философ, еще продолжающий греческую античность, языческий философ, не принимающий христианство, творящий в Афинах, который создает грандиозную неоплатоническую философию, значение которой открывается только в двадцатом веке благодаря целому ряду философов, которые открыли Прокла, как, по сути дела, систематизатора всех тех философских учений, которыми мы восхищались в христианское Средневековье и которые в значительной степени оказали решающее влияние на развитие, например, немецкой классической философии, а это почти вся философия девятнадцатого века.

У Прокла в комментариях к Критию, расположенных в первой части «Комментариев к «Тимею»», речь идет о войне атлантов и греков, которая была за двенадцать лет до Платона, соответственно это мифологический рассказ, это история об Атлантиде, которую, тем не менее, сообщает Платон. Платон рассказывает о том, что согласно греческим мудрецам существовал некий остров за пределом Гибралтарского пролива, то есть в Атлантическом океане, и поэтому он назывался Атлантида. Атлантидой он назывался также потому что там, на Западе, стоял титан Атлас, который держал небо, это точка, где небо соприкасается с землей при заходе солнца и там, на западной конечности ойкумены, то есть вселенной, стоял гигант Атлас. Там находилось царство атлантов — королей Атлантиды, которые согласно Платону были потомками титанов. Кто жил в течение того периода или, по крайней мере, в том описании, которое дает Платон? Жили потомки богов, но, потомки богов — очень специальные афиняне согласно идеологическому

мифу о происхождении афинян. Они возникли из семени Гефеста, который излил это семя, глядя на недоступную ему богиню Афину-Палладу, и тогда из этого семени земля породила предков афинян. Это очень важные моменты для неоплатоников, поскольку Афина Паллада — мудрость, это мир умообразных, ум созерцаемых идей, недоступных и неприкасаемых, поэтому она чистая и девственная богиня. Гефест — это Демиург, бог, который творит формы и поэтому он творит эти формы, созерцая идеальные образцы, а потом эти формы из земли получают свое материальное воплощение. Тем не менее, таковы афиняне как раса философов, раса божественного происхождения, они продукты семени Демиурга, но отражают в себе его желание и стремление к божественной чистоте девы-идеи, Софии.

Таким образом, у Прокла греки — это потомки богов, а атланты — потомки титанов. Расположены они в пространстве сакральной географии, где все Средиземноморье рассматривается как суша. И вот здесь Прокл является абсолютным геополитиком. Он говорит, что Средиземное море — наше внутреннее озеро, а не более того, вся эта территория — это греческий эллинский мир, который представляет собой сушу; здесь законы неизменности, постоянности, вертикали, божественного света, это лучший из миров, он отделен от другого мира. Для неоплатоников нет понятия зла, они считают, что есть хорошее и менее хорошее. Так вот, хороший мир отделен от менее хорошего столпами Геракла, то есть Гибралтарским проливом. Там где заканчивается внутреннее озеро — Средиземное море и начинается Атлантический океан, там некогда существовало царство атлантов. И дальше, описывая и трактуя царство атлантов, Прокл вспоминает все формы талассократии: там процветали искусство, торговля, морской флот, демократия, сочетание традиции и новации, такой экспансивной, постоянно меняющейся стихии. То есть Прокл описывает нам онтологию титанов: подвижных, активных, могущественных, но при этом непостоянных, не осененных божественным логосом и

имеющих определенный дефицит солнечного аполлонического начала. И вот эти потомки титанов — атланты нападают на средиземноморских греков, переходят границы столпов Геракла, которые являются главными в этой модели. Море нападает на сушу, а суша отбивается. И это же Прокл описывает как восстание демонов на богов, продолжение титаномехии, но только в геополитике. Море хуже, чем суша, — говорит Прокл. Торговая, демократическая, титаническая цивилизация материи хуже, чем духовная цивилизация форм, цивилизация идей, цивилизация богов. И поэтому столпы Геракла — это два символических знака, два столба, которые символизировали Гибралтарский пролив: один со стороны Европы, другой со стороны Азии. На этих двух столбах Геракла была написана очень важная эгида, очень важная надпись: «*neс plus ultra*» (по латыни) — дальше нельзя. Почему дальше нельзя? Дальше начинается цивилизация моря, дальше начинаются титаны, дальше начинается вход в подземный мир, в мир мертвых, дальше живут демоны, дальше живут торговцы, креативные инноваторы, дальше живут представители иной, не греческой цивилизации. И поэтому туда нельзя. И вот, борьба греков с атлантами описывается Проклом как борьба теллуократии греческой с атлантической талассократией. Теперь забегая немного вперед, что означает символ доллара? Это символ Соединенных Штатов Америки, которые находятся за столпами Геракла, и как там может быть написано «проход закрыт», когда они уже находятся «за»? На самом деле это старая американская эмблема, где изображены столпы Геракла, а с эгиды стерто слово «*neс*», там написано «*plus ultra*». Дальше, туда, в то Атлантическое море, куда категорически был запрещен выезд теллуократическим грекам. То есть, на самом деле связь Атлантического океана, Североатлантического альянса и американского долларового капитализма с вот этим вот мифом, разбираемым Проклом самая прямая. Символ доллара — это столпы Геракла, где написано: давай дальше — «*plus ultra*», не

«*pes plus ultra*» — дальше нельзя, дальше демоны, дальше вход в ад. Нет, давай в ад, вперед. Кстати, поразительно, что статуя свободы перед Нью-Йорком напоминает одну древнегреческую богиню. Обратите внимание на специфику ее головного убора с шипами. Так изображалась в Греции только одна богиня — Геката, богиня ада. Поэтому она с факелом в руках, ведь зачем факел днем? Это богиня ночи и богиня ада. Богиня, которая живет по ту стороны столпов Геракла. Поразительно, что ее хотели поставить французские архитекторы во Франции, но поместили туда, где ей самое место, за пределы столпов Геракла, в цивилизацию, которая стерла «*pes*» с эгиды у столпов. Таким образом, сквозь такие огромные исторические циклы на уровне многократного, конечно, иронического, творческого, интеллектуального подразумевания, мы сталкиваемся с чередой символов, понятий, концептов, которые отражают современные стратегические модели, которыми оперируют современные холодные эксперты, совершенно лишённые чувства юмора и может даже философской подготовки, и философы древности, которые осмыслили эти соответствия в более мифологических терминах, но пытались высказать нечто очень похожее на то, с чем оперируют современные геополитики.

Сакральная география школы Ишрак

Итак, следующая тема — это сакральная география. В качестве развития понимания особенности качественного пространства можно привести противостояние между Востоком и Западом в философии иранского платоника Шихабуддина Яхья Сухраварди, основавшего мистическую географию, которую можно назвать предшественницей геополитики, где фигурирует Запад и Восток вещей, причем это тоже качественное понятие, как Суша и Море. Запад для Сухраварди это изгнание, практически, как и для Прокла, в сторону атлантизма, в сторону материи, в сторону менее лучшего мира, то есть, по сути дела, совсем не лучшего мира. И Восток вещей — Восток сакральной географии, где является мир истоков, мир озарения. Так вот

человеческая жизнь и судьба индивидуума с точки зрения Сухраварди имеет свою цель: уйти из западного изгнания и пробудиться, найти свой путь в страну Востока и уйти из цивилизации моря, из талассократии, перейти в цивилизацию суши. А посередине этого Запада и Востока, в центре мира, согласно Сухраварди, стоит Пурпурный Архангел. Одно крыло его белое, это восточное крыло, а другое затенено худшим из миров, оно красно-черное. Вот этот Пурпурный Архангел с двумя крыльями находится между, это как столпы Геракла в картине Прокла. Точка перехода от мира моря в мир суши, от мира титанов или демонов в мир богов и ангелов. Там стоит страж порога, который является фигурой фундаментально уравнивающей эти два мира или границы между одним и другим. Вот путешествие с Запада на Восток, из талассократии в теллуракатию, с точки зрения Сухраварди является экзистенциальной, духовной, религиозной, мистической задачей человека.

Рим и Карфаген

Теперь переходим к Риму и Карфагену. Рим и Карфаген — это второе воплощение теллуракратии (Рим) и талассократии (Карфаген). Здесь я позволю прочитать фрагмент текста Гилберта Честертона, которого знают как автора детективов, хотя одновременно он был очень интересным философом, мыслителем. Он описывал в духе качественной геополитики Карфаген и Рим. Карфаген, с его точки зрения, был воплощением талассократии. Итак, мы сегодня говорим о позиции Моря. Карфаген означал выражение принципа «sea power» — морского могущества. Вот что пишет Честертон : «Я назову этот конфликт — схваткой богов и бесов. На другом берегу Средиземного моря стоял город, называющийся новым, он был старше, намного сильнее и намного богаче Рима, но был в нем дух, оправдывающий такое название. Он назывался новым, потому что был колонией, как Нью-Йорк или Новая Зеландия. Своей жизнью он был обязан энергией экспансии Тира и Дидона — крупнейших

коммерческих городов, и как во всех колониальных центрах в нем царил дух коммерческой наглости. Карфагеняне любили хвастаться, и похвала их была звонкой как монеты; например, они утверждали, что никто не может вымыть руки в море без их разрешения. Это было повторено потом Британской Империей. Они зависели практически полностью от могучего флота, как те два порта, из которых они пришли, из Тира и Дидона. Карфаген вынес из Тира и Дидона исключительную торговую прыть, опыт мореплавания и многое другое. В новом городе, который римляне называли Карфагеном, как и в других городах финикийцев, главное божество называлось Молохом. Римляне не знали, что с ним делать. Пришлось обратиться к самым примитивным античным мифам, чтобы отыскать его слабое подобие Сатурна пожирающего. Но почитателей Молоха никак нельзя назвать примитивными, они жили в развитом и зрелом обществе и не отказывали себе ни в роскоши, ни в изысканности. Вероятно, они были намного цивилизованнее римлян» (подчеркнуто у Честертона). «И Молох не был мифом, по крайней мере, питался он вполне реально. Эти цивилизованные люди задабривали темные силы, бросая сотни детей в пылающую печь. Чтобы это понять, попытайтесь себе представить, как Манчестерские дельцы при бакенбардах и цилиндрах отправляются по воскресеньям полюбоваться поджариванием младенца. Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь это чувствительность, а чувствительность это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. Для них, как и для всех, в основе основ лежит их собственное представление о природе вещей, о природе мира, в котором они живут. Они считают, что миром движет страх и поэтому сердце мира — зло. Они верят, что смерть сильнее жизни, и поэтому мертвое сильнее живого. Вас удивит, если я скажу, что люди, которых мы встречаем на приемах и за чайным столом, тайные почитатели Молоха и

Ваала. Но именно эти умные, практичные люди видят мир так, каким его видел Карфаген, в них есть та самая осязаемая грубая простота, из-за которой Карфаген пал. Он пал потому, что дельцы до безумия безразличны к истинному гению. Они не верят в душу, и потому, в конце концов, перестают верить в разум. Они слишком практичны, чтобы быть хорошими, более того они так глупы, чтобы верить в какой-то там дух и отрицают то, что каждый солдат назовет духом армии. Одним словом, как могли понять человека они, так долго поклонявшиеся слепым вещам, деньгам, насилию и богам, жестоким как звери? И вот новости обрушились на них, на жителей Карфагена. Зола повсюду разгорелась в пламя, Ганнибал, предводитель Карфагенской армии разгромлен. Ганнибал свергнут. Сципион — римский полководец, перенес войну в Испанию, он перенес ее в Африку. Под самыми воротами «золотого города» Ганнибал дал последний бой, проиграл его, и Карфаген пал, как никто еще не падал со времен Сатаны. От нового города осталось только имя, правда для этого понадобилась еще одна война и те, кто раскопал ту землю через много веков, нашли крохотные скелеты, целые сотни, священные остатки худшей из религий. Карфаген пал, потому что был верен своей философии и довел ее до логического конца, утверждая свое восприятие мира. Молох сожрал своих детей. Боги ожили снова, бесы были разбиты, их победили побежденные. Можно сказать, что их победили мертвые. Мы не пойдем славы Рима, ее естественности, ее силы, если забудем то, что в ужасе и унижении он сохранил нравственное здоровье, душу Европы. Он стал во главе империи именно потому, что он стоял один посреди развалин. После победы над Карфагеном все знали или хотя бы чувствовали, что Рим представлял человечество даже тогда, когда был от него отрезан. Врагу, а не сопернику отказывались поклоняться римляне и ненавидели дух ненависти, владевший Карфагеном». И последняя эмоциональная фраза из этой длинной цитаты Честертона: «Смех и печаль соединяют нас с древними, нам не стыдно вспомнить о

них, и с нежностью мы видим сумерки над собинской фермой и слышим радостный голос домашних богов, когда Катул возвращается домой в Сермион. Карфаген разрушен «*Carthago delenda est*». Вот в этом панегирике пуническим войнам Честертон выражает по-европейски поэтический дух того, что он видит как сущность талассократии. Поразительно, что если Фукидид нейтрален в определении талассократии, то Прокл довольно холодно и философски описывает, что это атланты и титаны, конечно, представители бесов, демонов, титанов, но это не так уж плохо, потому что это не самое лучшее. У платоников не было слова «зла», зло для них было умалением добра. Был прекрасный греческий мир и был менее прекрасный, менее греческий талассократический мир Атлантиды.

Здесь мы имеем дело с предельно жестким дуализмом Рима и Карфагена. Можно вспомнить сенатора Катона Старшего, которого часто высмеивали из-за того, что все свои речи в сенате он начинал и заканчивал фразой «*Carthago delenda est*». В конечном итоге этот человек, над которым потешался римский плебс, оказался прав. И если понять что такое талассократия и теллурократия в метафизическом аспекте, то его предупреждение о том, что необходимо разрушить этот город, сравнить его с землей, оказалось совершенно верным. Во-первых, его послушали, во-вторых, Сципион победил Карфаген и, в-третьих, судьба мира (далее об этом Честертон пишет) и судьба Рима, ставшего территорией, где родился спаситель Христос, (Честертон был христианином), зависела от того, кто одержит эту фундаментальную победу, не просто одного государства, воюющего с другим, а одной цивилизации, воюющей с другой цивилизацией; одного духовного начала, воюющего с другим духовным началом; одной религии, воюющей с другой. Поэтому он и говорит, что дело в талассократии, в торговой цивилизации, в специфическом материале ориентации практического, эффективного мира, лежит в глубине религии. И у Рима был флот, и сам Ганнибал был предводитель сухопутных армий, дело уже

не в стратегии, дело в том глубинном начале, которое оживляет эти два типа цивилизаций. То есть, здесь могущество суши и могущество моря открывается как некоторая религиозная, духовная, метафизическая составляющая.

Плавающий Рим

Мы имеем дело с тем, что можно назвать «*Translatio imperii*» (лат. — «переход империи»). С точки зрения христианской теории империя может перемещаться. Так был первый Рим (Итальянский Рим), новый Рим (Константинополь), и русские добавили еще третий Рим — Москву. Исходя из этой идеи «*translation imperii*», переноса имперской инициативы, Рим может быть разным. И вот как Рим исторически перемещается. Мы видели, что в эпоху пелопонесских войн сухопутный полюс — это Спарта, морской — это Афины, в эпоху пунических войн Карфагена и Рима, морским полюсом становится Карфаген, а сухопутным уже исторический Рим. Дальше продолжается это «*translation imperii*», т.е. дальше продолжается смещение, расползание по планете этих полюсов цивилизаций. Талассократия и теллулократия как бы ищут сквозь историю для себя точки, на которых они могли бы закрепиться. И вот одной из промежуточных стоянок цивилизации моря была Венеция, которая построила свое могущество, свою Венецианскую Империю исключительно на этом талассократическом принципе. Это было даже символически закреплено в браке Дожа с морем, который обручался с морем бросая туда обручальное кольцо (Венецианский дож). Это была цивилизация торговая, демократическая, олигархическая, построенная целиком и полностью на морской торговле и на морском могуществе. Напомню, что именно венецианские купцы (дожи) переориентировали Четвертый крестовый поход, который должен был направиться в Иерусалим для борьбы с мусульманами, на Византию. И, в конечном итоге, от рук крестоносцев, благодаря специфическому предложению венецианских дождей, пала Византия и была установлена Восточная Латинская Империя. Потому что крестоносцы задолжали за

постояй венецианцам, когда они отправлялись на Ближний Восток в последний Четвертый крестовый поход, то, вместо того, чтобы платить эти невыносимые долги, венецианцы предложили им разграбить Византию. Мы, как православные, являемся наследниками этой замечательной венецианской идеи, поскольку матрица нашей культуры, Византийской Империи — религия, православие (оплот православия был разграблен нещадно крестоносцами именно под таким доброжелательным предложением венецианских купцов). С другой стороны в Европу Венеция принесла протокапитализм, она принесла возрождение, дух капитализма, индивидуализма и торговли. На самом деле из Венеции идет наступление талассократии на все Европейское пространство, в том числе в свободные германские города, в Голландию. Это была одна из стоянок Карфагенского духа, жестко противостоящего духу Рима. Дальше, временно, на определенный период центром талассократии становится Голландия, Голландская Империя, которая создает свою торговую, военную, именно капиталистическую, демократическую систему. Выходя из-под контроля католической сухопутной Испании, голландцы строят свой мир.

Британия — царица морей

Но пиком современной талассократии является Великобритания — создание морской Британской Империи, которое окончательно закрепляется после семилетней войны с 1756-1763 гг. Но перед этим проходят ряд дуэлей с другими талассократиями. Побеждая последовательно Испанию, Францию, Голландию и постепенно превращаясь в фундаментальную талассократию нового времени. Итак, Британская Империя — это последний, по такому историческому счету, приход Карфагена. Карфаген возрождается из пепла. Та же самая цивилизация, которая поставила славу Афинам, величие Карфагена, залог победы и торжества Венеции. Сила и мощь Голландской морской империи, воплощается в Британской Империи, где процветают все принципы талассократии, о которых мы говорили. И демократия, и

разделение властей, и торговый строй, и динамика социального развития, расцвет индустриального производства, повышенное внимание к материи, и тут же дух карфагенских купцов. Талассократический смысл Британской Империи становится осмысленным,отрефлексированным началом. Англия становится владычицей морей, и мы имеем дело уже с последним историческим приходом Карфагена. Карфаген воплощается в Великобританию, и дальше, практически создается новое условие распределения талассократии и теллурукратии в мире. Мы знаем, что не сразу Россия стала оппонентом Великобритании. В начале оппонентом была Франция, и по-разному развивались эти отношения, но постепенно мы вышли на довольно ясное противостояние: Новый Карфаген и Третий Рим.

Земля и Море у Карла Шмитта

Немецкий философ, политолог и геополитик Карл Шмитт, посвятил проблематике талассократии и теллурукратии фундаментальную работу, которая называется «Земля и море». Я рекомендую две его работы, которые сразу вводят в курс дела: «Планетарная напряжённость между Востоком и Западом» и «Земля и море»¹. В этих двух работах Шмитт описывает философское, метафизическое содержание Земли и Моря. Он называет Море Левиафаном (в смысле библейского морского чудовища), а Сушу Бегемотом. Таким образом, он вводит еще одну мифологическую пару — Бегемот бьется с Левиафаном. И вот Левиафан, с точки зрения такой геополитической модели, и есть талассократия, цивилизация моря, и это общий геополитический концепт синонимичный тому ряду, который мы разбираем сегодня. Море — это Левиафан, суша — это Бегемот. Шмитт говорит о том, что представления о Земле и о Море заложены намного глубже, чем анализ исторических особенностей в противостоянии двух держав. Существуют базовые представления о происхождении людей из земли. Мы это видели в мифе

¹ Carl Schmitt “Der Nomos der Erde” , Koeln, 1950; “Land und Meer”, Leipzig, 1942

о происхождении афинян. Этот миф о том, что первые люди родились из земли, распространен среди самых разных народов, это и называется понятием «автохтонос». Когда мы говорим об автохтонном населении, значит, мы говорим о рожденных самой землей. Сегодня мы под этим словом понимаем людей, которые проживают на этой земле, а вот в мифологическом контексте это означает «люди, рожденные этой землей». И Платон предлагал обучать воинов совершенного города, совершенного государства так, как будто бы они родились землей, чтобы они ее больше любили и защищали лучше. Этот миф даже прагматически осмыслялся философски, но во многих мифологиях он рассматривался как теологический миф происхождения человечества, то есть, что люди родились из земли. Это есть и в нашем русском языке. Когда мы говорим мать — сырая земля, мы подразумеваем в контексте именно прямые связи с землей. Но Шмитт подчеркивает, что существуют еще автоталассические теории происхождения, где люди происходят из рыб. Что на самом деле предшественниками людей были выпавшие на берег рыбы. Шмитт считает, что идея Фалеса, что все произошло из воды, является философским оформлением этого древнего автоталассического мифа. Мы знаем, что у множества океанских народов, народов Маори, народов мореплавателей, у многих финикийских народов существуют мифы о том, что предками людей были рыбы. Эта мифология воспроизведена в неомифологии черного фантаста Говарда Филиппа Лавкрафта, которая на новом уровне рециклирует эти автоталассические мифы, свойственные очень многим древним культурам.

Шмитт задается вопросом: «В любом случае возникает вопрос: что есть наша стихия? Мы дети земли или моря?». Это не досужий вопрос, потому что мифы, которые мы проецируем на наше происхождение, на самом деле обращены не в прошлое, а в настоящее и в будущее. Кем мы себя мыслим, мыслим мы себя автохтонами или автоталассами. Свободны мы от корней, как автоталассы, или мы обязаны служить той земле, на которой

мы родились. Иными словами, мы патриоты или космополиты. И это проецируется в наше глубинное историческое обоснование. Иными словами, теперь мы получаем еще одно измерение геополитического концепта моря соответственно суши, которая связана с антропологией, с глубинным определением человека, с религией его собственного содержания. В одном случае человек является выразителем земли, суши, автохтоном, и он есть ни что иное, как момент этой суши. Момент развития моря невозможен, море постоянно меняется и поэтому возникает иная антропология, открытая антропология, антропология открытого общества, где человек есть переменная величина.

Антрополог Арнольд Гелен (1904 — 1976 гг.) назвал это *Mangelwesen*. Человек — это существо, смысл которого определяется нехваткой, недостатком. У него нет его собственной сущности. Это типичное современное развитие на антропологической модели представления об автоталлассическом происхождении людей. Дальше Шмитт выражает те самые фундаментальные аспекты понимания Земли и Моря, на которых строится геополитика. Он ссылается на геополитику, он считается одним из главных философов XX века, уже геополитики. Шмитт пишет: «Всемирная история — это история борьбы континентальных держав против морских держав и морских держав против континентальных держав». Адмирал Кастекс, французский специалист по военной науке предпослал своей книге о стратегии обобщающий заголовок: «Море против земли». Тем самым он пребывает в русле давней традиции.

Многоэтажность геополитики

Этот переход между мифологией, философией, первыми обобщениями античных историков, историческими событиями и современной стратегией, современным устройством мира, является самым поражающим воображение в геополитике. Геополитика, с одной стороны, очень рациональная наука, она может говорить о тех или иных торговых договорах, битвах, союзах, войнах, о конфликтах, о дипломатических отношениях, об эко-

номических сделках или транзакциях, правовых аспектах регулирования отношений друг с другом. С другой стороны подразумевает систему глубинных религиозно-мифологических и антропологических представлений. Конечно, получается, если мы займемся анализом геополитики, мы увидим настолько много этажей, уровней, и каждый из них очень сложно соотносится с другим. Есть исторические обобщения, такие мифологические конструкты, религиозоведческие компаративные системы с одной стороны. С другой — геополитические и цивилизационные, а с третьей стороны — уже совсем простые политические, поскольку мы видим, что, у адмирала Кастекса в голове про Фалеса или про Прокла нет даже и отдаленных ассоциаций. Он говорит о простых вещах, понятных любому политическому деятелю, любому человеку, изучающему стратегию. И, тем не менее, его дискурс в этом геополитическом контексте, именно с точки зрения метонимии и синонимии, приобретает удивительно насыщенный характер. Как только нечто попадает в сферу геополитики, все начинается (это нечто, это понятие, факт, исторический персонаж, какая-то битва, религиозная, стратегическая, экономическое соглашение, правовой документ) становится совершенно иным по своему содержанию, насыщается глубиной, насыщается смыслом и становится очень простым.

Это как концепт в философии. Создание концепта — это огромный труд, потому что он требует колоссального напряжения человеческого логоса, когда мы его получили он становится как *prêt-à-porter*, его можно производить. Поэтому геополитика имеет еще другое свое измерение. Мы пытаемся фундаментально ее продумать, мы пытаемся ее проанализировать на философском, религиозном, мифологическом, социологическом уровне, но на определенном уровне она представляет собой крайне простую модель анализа мировой ситуации Суши и Моря.

Геополитика и всемирная история

Всемирная история — это просто история борьбы континентальных держав против морских. Остается только установить,

что является морской, а что является континентальной, на каком этапе зафиксирована та или иная империя, где у нас Карфаген на сегодняшний момент, а где Рим. И мы уже представляем себе приблизительно тот контекст, в котором будут развиваться те или иные политические события. Потому что это метод не только ретроспективного анализа истории, но и метод анализа актуальной истории, а так же прогнозы построения стратегии, программ на будущее. Шмитт говорит еще одну фундаментальную вещь, что Англия не всегда была островом, что, несмотря на то, что она отделилась от континента очень давно в географическом смысле, долгое время Ла-Манш был просто озером, речкой, и англичане так же участвовали в европейской истории, как европейцы в английской. Но в определенный момент, когда Англия открылась морю, когда Англия отправилась в море, она, как и древние афиняне, древние карфагеняне, открылась этому морю, впустила море в себя, позволила «*ergriffen sein*» т. е. «стать охваченной, одержимой» морем. Вот этот тонкий цивилизационный момент к простой географии не имеет никакого отношения.

«*Von Meer ergriffen sein*» значит быть «охваченным морем». Вот тогда то, что говорили Честертон, Платон и Аристотель относительно стихии моря становится очень принципиальным. Быть охваченным морем значит быть оторванным от корней, значит пуститься в путь, где суша будет уже не базовым обитанием, а тем, к чему мы приближаемся с морской территории, т.е. берегом. И вот этот берег дальше становится берегом, и когда колонизатор углубляется на ограниченное расстояние вглубь суши в своих походах, тогда меняются фундаментально-культурные архетипы сознания, цивилизации, социологические установки в обществе. Происходит изменение социального сознания. И тот же Шмитт указывает на то, что Гегель в своей философии права показывает, что все историческое право формировалось вокруг фигуры дома. И семейное, и частное право, и политическое. Дом, семья, брак, имущество, господство, от-

ношения подчинения, налоги, соблюдение правил, все имеет свои парадигмы — это дом, т.е. стоящий на одном и том же месте, фиксированном ландшафте центр человеческого бытия. И дом лежит в основе права, как сухопутного права. А когда мы переходим от фигуры дома к фигуре корабля, именно корабля как дома, полностью оторванного от чего-то постоянного, возникает новое право — демократически изменяющееся космополитическое право, не знающее твердых и четких границ. Возникает динамика, инновация, модернизация. Корабль и право корабля несет в себе не только разграничение морских границ. Это корабль, когда мы впускаем его внутрь, и когда Шмитт описывает, что Испания при всем объеме своих морских владений, никогда не приняла море в себя, никогда не была одержима морем, она продолжала строить свои колонии так же, как строила свою собственную землю. Поэтому Латинская Америка и Португалия в значительной степени, создали особую колониальную модель сухопутного типа, а англо-саксонские колонии создали Северную Америку. Это общество с абсолютно другой ориентацией. Там море было впущено в себя. Англо-саксонская империя была охвачена морем, она перешла на сторону моря, она совершила трансгрессию со стороны суши в сторону моря, а Испания несмотря на свои огромные морские могущества и владения этого перехода не сделала, этой трансгрессии не выполнила. Она осталась сухопутной империей, и все ее колонии четко отражают до сих пор вот это противостояние Северной и Южной Америк, они отражают эти колонии, тот континентальный сухопутный тип, который доминировал в Испании. И вот для Шмитта победа над непобедимой армадой английского британского флота, торжество пиратов как специфического типа, которые удостаивались даже звания «сэров» (sir) от английских королей за счет того, что эти грабители морей приносили экономическо-политические успехи английской короне. Эта победа английского флота над испанцами была победой принципов над принципами. Это была победа Карфагена над Римом. Поэтому

мало просто иметь морской флот, морские колонии, важно перейти или не перейти на сторону моря, т.е. стать или не стать Левиафаном или остаться просто плавающим Бегемотом. Две разные вещи — купающийся Бегемот или Левиафан, как змей, живущий в морских глубинах. Это два разных модуса бытия, две различных онтологии.

И дальше, что чрезвычайно важно, как показывает Шмитт, в реальности Лоренц фон Штейн (немецкий социолог XIX века), замечает: «Как странно, что индустриальная революция в Англии точно совпадает с ее пиком морского колониального могущества». Шмитт говорит, что это совершенно не странно. Индустриальное развитие, повышенное внимание к торговле, бизнесу, финансам, к построению машин, построению аппаратов, превращение Левиафана в пароход, создание искусственного Левиафана, создание корабля и мира как корабля постоянно движущегося, такое построение гигантского Титаника, это на самом деле тесно связанные между собой вещи. Поскольку индустриализация, утверждает Шмитт, это и есть пик и торжество талассократии. Если бы Карфагену не помешали римляне, то, питая своих злых богов младенцами, они бы построили паровую машину, ткацкий станок, и все то, чем замечательна современная Англия, потом было бы разделение властей и, в конечном счете, интернет. То есть, движение в сторону технологической индустриализации имеет необходимым условием отрыв от корней и переход на сторону моря. И современная глобализация, современный процесс открытия границ, открытое общество, глобальный мир, все это ни что иное, как торжество исторической талассократии. То есть, теперь на данном этапе это все становится осмысленным, научным явлением, научной теорией.

Цивилизации

У специалиста по Международным Отношениям Питера Катценштейна (Peter Katzenstein) есть замечательная монография под его редакцией, которая называется «Цивилизации в мировой

политике», «Civilizations in world politics»¹, где он разбирает не западные цивилизации. Он приводит очень интересный пример: говорит о том, что в начале XV –XVI вв. в период Великих Географических открытий Запада, если мы посмотрим на состояние китайского флота, что, интересно мы там увидим? Людей, которые на джонках курсируют вдоль китайских берегов, периодически вылавливая рыбку за рыбой? Нет, говорит он. По всем историческим данным, анналам, Китай имел в тот период торговый и военно-морской флот, намного превышающий европейский флот того периода. Европейские корабли Колумба по сравнению с китайскими кораблями того периода выглядят как жалкие трухлявые джонки. А ведь это были огромные корабли, в которых были выгравированы великолепные драконы на корме, которые представляли собой отлично действующие механизмы, предназначенные для морских путешествий и ведения боев. «Почему тогда Китай не вступил в битву за колонизацию?», — спрашивает Катценштейн. Почему он не схлестнулся над уступающим ему западным миром, не отправился в мировой океан, с целью приобрести новые богатства, открыть новые торговые пути? Дальше возникает очень интересный момент. Китайские императоры, находившиеся в резиденции, которая была довольно далеко от морских границ, получили донесение, что в портах по мере развития китайского флота начинают падать нравы, потому что море предполагает некую релятивизацию этических установок. Поскольку много товаров, много дискаунта, все продается, все покупается, много новых услуг, много новых идей, которые привозят с собой корабельщики, легкое отношение к местному населению, соответственно –падение нравов моряков. А моряки — это люди с низким уровнем морали, поэтому морское значит худшее. Это морское в Греции воспринималось как разложенное. Отсюда наши ассоциации: моряк-бордель, моряк-виски, моряк-пират. Вот этот ассоциативный ряд

¹ Katzenstein Peter J. Civilizations in World Politics. Plural and Pluralist Perspectives. NY.: Routledge, 2009.

отнодью не случаен. И китайцы заметили, что эти роскошные корабли, роскошные товары, вредят нравственности китайского населения, и повелели их сжечь. И приказали больше их не строить никогда. Здесь вспоминается порох, который изобрели китайцы. Что они с ним делали? 1000 лет они запускали огромных великолепных драконов. Искусство запускать драконов и фейерверки в Китае достигли небывалого уровня. Единственное, что им не приходило в голову, это зарядить этот порох и начать отстреливать друг друга. А как только европейцам этот порох попал, они тут же подумали: все, вам конец. Разное отношение к одному и тому же техническому открытию. И два разных цивилизационных, культурных отношения к одному и тому же инструменту — кораблю. В одном случае, поняв, что этот замечательный инструмент — роскошный корабль вредит нравам китайского населения, он аккуратно сжигается, а моряков отправляют на перевоспитание. В другом — только появляется что-то даже плохо двигающееся, но способное убить и захватить кого-то другого, сразу немедленно этим пользуются.

Институционализация геополитики: Макиндер

Теперь о, собственно, геополитике. Геополитика начинается с двух авторов — это Хэлфорд Макиндер (Halford Mackinder 1861 — 1947 гг.), который написал работу «Географическая ось истории» и осмыслил Великобританию как «Sea Power» — Морскую державу. Он сказал: «Мы, Британская Империя (морского могущества) — талассократия, мы новый Карфаген, и наша задача не допустить реванша Рима, организовать мир по нашим карфагенным, талассократическим, т.е. демократическим, т.е. модернизационным, индустриальным, заодно, и империалистическим (но это во вторую очередь) правилам. Соответственно Российская Империя была объявлена Хартлендом, т.е. сушей, следовательно «land power», т.е. тем Римом, Спартой, против которой предшествующие талассократии вели свои битвы. На основании этого была построена новая современная геополитика Макиндера,

хотя он Прокла и Фукидида даже не упоминает. Он просто говорит: «Смотрите, мы талассократия, демократия — Англия — Британия, вот перед нами противоположная теллурократия (сухопутного могущества) — новый Рим. Либо мы, либо они. Великая война континентов продолжается, утверждает Макиндер, и в своей работе «Демократические идеалы и реальность» он предлагает описать как видит стратегические интересы Британия, западный мир в лице Британии, т.е. вся глобальная талассократия. И пишет главу «Sea Men's Point of View». Он описывает мир с точки зрения британской западно-либеральной англосаксонской демократии и что она хочет от мира. И описывает это распространение на промежуточную зону своего влияния. Контроль береговых пространств, недопущение выхода к теплым морям конкурирующей сухопутной державы, а также освоение и поддержание контроля над мировым океаном в интересах англо-саксонской державы либо ее союзников и сателлитов. Это его «Sea Men's Point of View» — точка зрения морского человека, одержимого Карфагеном. Дальше он пишет вторую часть этой книги, где он говорит «Land Men's Point of View» т.е. точка зрения сухопутного человека. Я хочу подчеркнуть, что Макиндер понимает, что речь идет о двух взглядах, которая определяется ситуированием того или иного мыслителя. Если человек принадлежит к англосаксонской зоне влияния, то у него должна нормативно преобладать точка зрения морского человека. Но он понимает, что есть и противоположная точка зрения. Он очень реалистичный человек. Он говорит, что мы хотим этого, но они — теллуроки, спартанцы, хотят прямо противоположного всегда. Мы и они обречены на великую войну континентов — говорит Макиндер. Потому что их интересы всегда будут фундаментально противоположны нашим. Таким образом, в чем здесь принципиальный прорыв Макиндера? Что Макиндер на простом, почти публицистическом языке, на уровне рекомендаций Британскому парламенту или в целом

экспертному обществу Запада, предлагает осознать себя талассократией, спокойно отнестись к этой фундаментальной исторической миссии цивилизации моря, служить морю, быть Левиафаном и быть верными Левиафану и Карфагену. Это взятие на себя этой исторической миссии. Это все очень просто. Показательно, что Макиндер — основатель Лондонской Школы Экономики. Таким образом, если продлить этот принцип дальше — и образование должно быть частью этого талассократического могущества, и развитие науки, и экспертное сообщество, и экономика, и культура, и идеологии. Все должно быть подчинено этой фундаментальной миссии — так утверждает Макиндер .

Sea Power: Мэхэн, Спикмен, Бжезинский

Альфред Тайер Мэхэн (Mahan 1840 — 1914 гг.) американский стратег, не использует термин геополитика. Он пишет ряд работ, которые называются «Sea Power»¹. Он интересен тем, что утверждает, что быть «Sea Power», т.е морским могуществом, это судьба США. Сам Макиндер в 1904 году еще сомневается, какой путь выберет США и американская культура. Он еще не знает, является ли это просто захолустной сушей или будущей частью настоящей новой морской империи. А Мэхэн уже заранее утверждает, что судьба Америки состоит в развитии военно-морских сил, судьба Америки — в продвижении мировой демократии, судьба Америки — в создании глобальной капиталистической системы, и судьба Америки — в борьбе с сухопутной цивилизацией, когда еще в Америке никто о таких глобальных проектах не думает. Поразительно, что сегодня, когда мы смотрим на то, как осознает себя США, их политическая элита, для нас очевидно, что она мыслит именно так. Надо сказать, что 100 лет назад наоборот никто так не мыслил в США, потому что там доминировал изоляционизм, поэтому Мэхэн является

¹ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660-1783. - СПб.: Terra Fantastica, 2002

в каком-то смысле геополитическим пророком, утверждающим стратегическую судьбу США как флага цивилизации моря.

Когда мы проследили фундаментальную метафизику моря, для нас легко понять следующие этапы от Макиндер а и Мэхэна. Геополитическая школа становится атлантической школой, особенно после Второй мировой войны.

Збигнев Бжезинский (Zbignew Brzezinski 1928 г.), а до этого представители «Sea Power», американские стратеги включаются в развитие атлантической геополитики, и так постепенно складывается атлантическая школа. Сначала она была создана англичанами, потом появляется американец Николас Спикман (Nicholas Spykman 1893 — 1943 гг.) который применяет макиндеровскую модель к американским интересам. Сам Макиндер печатает в 1943 году последние свои работы в американском журнале. Происходит «shift», т.е. перенос центра внимания от Англии к Америке. Америка, особенно после Второй мировой войны, становится оплотом цивилизации моря, воплощением Карфагена.

1991 — победа Моря над Сушей

А что происходит на последнем этапе с цивилизацией моря? Она побеждает в 1991 году в «холодной войне» и последнее издание цивилизации моря становится глобальным. То есть, с точки зрения сегодняшнего геополитического анализа, в общем и целом однополярного мира, мы находимся в периоде, где исторический реванш Карфагена осуществлен. Победа цивилизации материи, цивилизации динамики, цивилизации морской идентичности над сухопутной идентичностью окончательно состоялась и это можно сравнить с мифологическим образом всемирного потопа. То есть, если говорить о море как о концепте, как о геополитическом концепте, то вместе с глобализацией происходит затопление планеты, затопление континента. Глобализация и есть то исчезновение в морской пучине, постоянно меняющейся, динамичной, развивающейся, совершенствующейся, прогрессирующей.

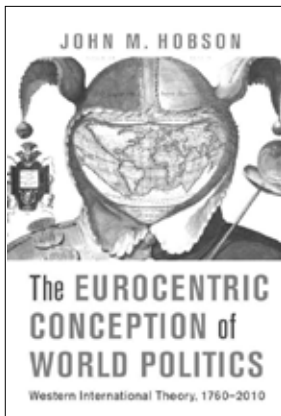
Этот процесс есть триумф моря, поэтому с геополитической точки зрения от начала до конца можно сказать, что, несмотря на то, что на каком-то этапе торжествовал Рим, в какой-то период было равновесие, сейчас Карфаген поднялся из пепла, а его структуры: социально-политические, геополитические, культурные, цивилизационные и метафизические доминируют.

И приблизительно с точки зрения цивилизации моря настоящий момент осмысляется так. Сами американские эксперты говорят, что XX век был веком Америки, тем веком, когда Америка как носитель новой талассократии поднялась и достигла определенных успехов, а XXI век должен стать американским веком. Век Америки — это когда кроме Америки есть кто-то еще, а американский век — это когда кроме Америки никого нет. Америка становится глобальной. Западное издание Сухраварди распространяется. Все становится глобальным Западом с точки зрения сакральной географии Сухраварди, и мы получаем ту геополитическую картину, которую мы имеем. К ней можно приставить любой знак, ее можно оценить по-разному, но с точки зрения дисциплины, выяснения ее идентичности, здесь все обстоит достаточно однозначно.

Джон Хобсон

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОЦЕНТРИЗМА И ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ЕВРОЦЕНТРИСТСКИЙ КОНСТРУКТ¹

**Введение: теория международных отношений как
защитник Западной цивилизации**

Данная книга представляет двойное ревизионистское изложение евроцентризма и теории международных отношений. В то время как первый вариант представляет собой альтернативное понимание евроцентризма/ориентализма заложенного в концепции, которая была создана ныне покойным новатором Эдвардом Саидом (1978/2003), второй утверждает, что теория, которая была разработана как внутри, так и за пределами дисциплины международных

отношений в последней четверти тысячелетия, по большей части, является евроцентристским конструктом. Или точнее говоря, теория международных отношений в значительной степени создала ряд евроцентристских представлений о мировом порядке. Я говорю о них во множественном числе, поскольку считаю, что евроцентризм является полиморфным,

¹ Данный текст представляет собой введение книги Джона Хобсона (John M. Hobson) *The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760-2010*. Cambridge University Press, 2012.

многозначным дискурсом, которые кристаллизуются в различные формы. Отсюда вытекает одно из центральных положений моей концепции: теория международных отношений не столько объясняет международную политику в объективном, позитивном и универсалистском ключе, сколько стремится ограниченным образом прославлять, защищать и продвигать Запад в качестве проактивного субъекта и высшего, идеального нормативнообразца мировой политики.

Конечно, читатель немедленно сделает предположение о том, что для изображения теории международных отношений как евроцентризма, я обязательно обращусь к ее рассмотрению или пересмотру в свете империализма. Но одно из главнейших положений моей книги заключается в том, что «евроцентризм» принимает самые разнообразные формы, причем не только империалистические, но и антиимпериалистические. Такой шаг, конечно же, непосредственно проблематизирует суть империалистического определения евроцентризма/ориентализма, данного Саидом. Конечно, я понимаю, что разрубив гордиев узел между евроцентризмом и империализмом, мы рискуем получить статус еретического движения в постколониальных кругах. Однако в этой книге я постараюсь показать, что антиимпериалистическая политика настолько же политически обременена, как и так называемая «другая» империалистическая политика. Кроме того, я считаю, что обычное бинарное противопоставление евроцентристской или расистской концепции империализма к толерантной культурно плюралистической концепции антиимпериализма скорее надумано и менее реально, чем кажется.

Таким образом, эта работа обращена не только к теории международных отношений, но и к другим дисциплинам, которые заинтересованы в понимании проблемы евроцентризма/ориентализма. Со времен публикации основополагающей книги Эдварда Саида «Ориентализм» в 1978 году, идея и критика евроцентризма или ориентализма распространилась в социальных и гуманитарных науках среди концептуально обоснованных дисциплин, таких, как политология, политическая теория

и теория международных отношений (МО), политическая экономика/международная политическая экономика (МПЭ), политическая география, социология, литература/культурология и, не в последнюю очередь, антропология. А с учетом моего убеждения насчет того, что евроцентризм заражает значительные области дисциплин, необходимость и даже срочность его изучения должны лежать в основе практических подходов. Тем не менее, многие потенциальные читатели, не работающие в области МО, возможно, отложат чтение книги, в которой задействованы теоретики международных отношений, большинство из которых, работают в данной области.

Здесь важно понять, что я не просто отношусь к теории МО исключительно как к субъекту интереса, тем самым удваивая ее роль в качестве проводника и хранилища различных евроцентристских метанарративов. Таким образом, теория международных отношений в данной книге будет тем же, что и западная литература для «Ориентализма» Эдварда Саида: работа, которую читают люди, даже не работающие в культурном или литературоведческом направлении. В любом случае, утверждение Саида по поводу четкой связи евроцентризма и международной политики, в данном случае, империализма, теория МО должна логически стать лакмусовой бумажкой, способной выявлять подобный дискурс в западной академической мысли. Таким образом, данная работа может быть прочтена двумя различными аудиториями двумя различными, но дополняющими друг друга способами: читателем, не работающим в области МО, которые заинтересованы в изучении евроцентризма — какие многочисленные формы он принимает и как его строение изменяется с течением времени; и читателем, работающим в области МО, который заинтересован в понимании евроцентристских основ МО. По этой причине я попрошу от читателей, специализирующихся на МО, терпения в определенные моменты, когда я рассматриваю некоторых мыслителей, которые условно не связаны с МО, например, Карл Пирсон, Бенджамин Кидд, Дэвид Старр, Джордан и Латроп Стоддард.

Чтобы подготовить читателя к путешествию, в этой главе представлены три главные части: в первой излагаются ключевые концептуальные подходы, из которых возник мой альтернативный взгляд на евроцентризм. Я разобрал шесть кардинальных аксиом теории международных отношений с учетом аргументов, приведенных в этой работе, прежде чем завершить главу собственным определением империализма или анти-империализма в рамках теории МО.

Пересмотр «евроцентризма» как многозначного и разнородного дискурса

Обзор четырех типичных вариантов «ориентализма»

Следует сказать, что в центре внимания глав 2-12 лежат основные свойства, отмеченные мной справа в таблице 1.1. Таким образом, каждая глава раскрывает специфические свойства метанарративов, которые лежат в основе каждой теории МО: сведения о «стандартах цивилизации»; степень действия, приписываемая Востоку и Западу; положение по отношению к империализму и анти-империализму; и особенная «чувствительность». Несомненно, моя плюралистическая и многозначная концепция «ориентализма» отличается от одноцветного определения Саида, на том основании, что мое построение в сильной степени основано на случайности всех ключевых аспектов (за исключением общепризнанного соглашения, касающегося центральности стандартных цивилизаций, лежащих в основе «ориенталистских» теорий).

Источник дважды редуктивной концепции евроцентризма/ориентализма Саида заключается в первую очередь в том, что он объединяет то, что я называю евроцентристским институционализмом с научным расизмом, и во-вторых, соединяет ориентализм с чисто империалистической политикой. Из множества примеров, которые мы могли бы привести, два ниже-приведенных кажутся достаточно приемлемыми. При обсуж-

дении ориентализма в Европе в девятнадцатом веке, полагает Саид, «каждый европеец, в отношении того, что он мог сказать о Востоке, являлся... практически полностью евроцентричным расистом и империалистом» (Саид 1978/2003: 203-4). Или же: «сказать, что ориентализм был рационализацией колониального господства — все равно что игнорировать ту степень, в которой колониальное господство было оправдано ориентализмом заранее, а не впоследствии» (Саид, 1978/2003: 39). Моя собственная не редуکتивная концепция изложена в таблице 1.2 и представляет собой четыре поля матрицы; в ней изложены четыре основных аспекта «типичного» евроцентризма, который существовал в период с 1760 по 1945 гг.

Таблица 1.1 Альтернативная концепция ориентализма/ евроцентризма

	Редуکتивная концепция ориентализма Саида	«Не-редуکتивная» концепция евроцентристского институционализма и научного расизма
Отношения между ориентализмом и научным расизмом	Присуще Расизм, особенно социальный дарвинизм, всего лишь высшее выражение империалистического ориентализма	Условно Расизм и евроцентристский институционализм аналитически дифференцированы, даже при взаимном пересечении в некоторых областях
Центральное место «стандартов цивилизации»	Да	Да

Монополия Запада на дей- ствие	Присуще Запад обладает гипер- действием, Восток — нет	Условно Запад всегда перехва- тывает инициативу в действии, в то время как на Востоке про- исходит вариация от низкого до высокого уровня действия; но когда уровень высок, оно считается регрес- сивным и варварским
Склонность к империализ- му	Присуще	Условно Может быть импери- алистической и анти- империалистической
Чувствитель- ность (Склонность к западной вере в превос- ходство)	Присуще	Условно Расизм часто является защитной реакцией и отражает беспокойство западного общества. Некоторые расистские идеи и во многом евро- центристский институ- ционализм выставляет западную самоуверен- ность, если не веру в превосходство.

Чтобы выдвинуть свое возражение относительно дважды редуктивной концепции Саида я начну с разложения его ориентализма на две составные части, научный расизм и евроцентристский институционализм, а затем разделю эти категории на их империалистические и анти-империалистические компоненты. Евроцентристский институционализм, который начинает появляться в своей начальной форме после «откры-

тия» Америки испанцами¹, стремительно возрос в течение восемнадцатого века во время европейского Просвещения и был консолидирован в девятнадцатом веке². Сведенный к своей сути, дискурс находит различие в институциональных/культурных факторах, а не в наследственных/биологических. Важно отметить, что в подавляющем большинстве евроцентристские институционалисты верили, что все человечество и все общества движимо универсальными причинами, поэтому все общества способны к переходу от дикости/варварства к цивилизации. Однако, нельзя сказать, что климат и окружающая среда не имели значения для евроцентристского институционализма. Для некоторых, например, Фридриха Листа и барона Монтескье, климат в конечном счете определял культуру и институты.

Таблица 1.2. Четыре варианта типичного евроцентризма в теориях международных отношений

	Про–империалистический	Анти–империалистический
Этноцентристский институционализм	(А) Патерналистский	(В) Анти–патерналистский
Научный расизм	(С) Наступательный	(D) Оборонительный

¹ См. Ян (2000); Инаятулла и Блейни (2004); Анги (2005); Боуден (2009); ср. Пагден (1995)

² Ср. Саид (1978/2003); Амин (1989); Бернал (1991).

Но это было скорее исключением, нежели правилом, поэтому климат представлял собой неустановившуюся переменную¹.

Тем не менее, в то время как обычно предполагается, что данный дискурс по своей сути является империалистическим, как внутри, так и за пределами постколониальных кругов, я определил два подраздела: империалистический и антиимпериалистический. Предыдущий я обозначил как «патерналистский евроцентризм», который приписывает

¹ Так, например, в то время как климатические аргументы мелькают лишь на заднем плане в исторической теории Карла Маркса, он утверждает, что засушливость может влиять на создание «восточного деспотического» государства в Азии, но тем не менее, ее негативное влияние на экономический прогресс может быть преодолено с помощью европейской цивилизаторской миссии и принесения прогрессивных институтов. Георг Гегель, напротив, в некоторой степени считается климатическим детерминистом. Несомненно, он придает климату гораздо больший онтологический вес, чем Маркс, заявив, что «в холодном и жарком поясе можно не обнаружить местонахождения всемирно-исторического народа... Поэтому настоящим театром исторических событий является умеренный пояс» (Гегель 1837/2001: 97). Но даже здесь Гегель подкрепляет свое утверждение оговоркой, согласно которой «природа не должна быть оценена слишком высоко или слишком низко». Лист и Монтескье были явными исключениями. Лист полагал, что Европа выдвинулась вперед благодаря тому, что промышленность может процветать только в зоне умеренного климата. Важно сделать следующее замечание: в то время как Лист утверждал, что европейская колонизация определенно может принести экономическую выгоду странам, находящимся в жаркой зоне (Лист 1841/1909: гл.22), влияние тропического климата таково, что «на настоящий момент зависимые колонии вряд ли когда-нибудь смогут освободиться из своего состояния» (Лист, 1841/1909: 217). В отличие от формулировки Маркса, даже те преимущества, которые были доставлены на Восток посредством цивилизаторской миссии в конечном счете были недостаточны для преодоления регрессионных тисков жаркого климата. Примечательно, что доводы, подчеркивающие климатическое происхождение восточного деспотизма, которые были наиболее полно разработаны марксистом Карлом Виттфогелем (1963), появились еще в работах Монтескье. Его акцент на климате был временами настолько силен, что приближал Монтескье вплотную к расистской позиции (напр. Монтескье 1748/1990: 221-34). Эти исключения указывают на возможность того, что тонкая (проницаемая) зона проникновения вполне может находиться между евроцентристским институционализмом и научным расизмом, что отражено в таблице 1.2.

западным обществам способность развивать новаторские действия современного характера, в противовес восточным обществам, которым присуще условное действие и неспособность к самостоятельному формированию и саморазвитию. В этой патерналистской модели на Запад возложена империалистическая цивилизаторская миссия по внедрению необходимых рациональных институтов в восточные общества, что, таким образом, пробудит их разум, и тем самым даст толчок их прогрессивному развитию в современности.

В свою очередь, анти-империалистический вариант принимает форму анти-империалистического евроцентризма. В то время как постколониализм предполагает, что евроцентризм в целом отвергает предположение, о том что восточные народы способны к самостоятельному формированию и саморазвитию, я утверждаю, что это особого рода идея, утверждающая в частности, что не-европейцы будут развиваться естественно и спонтанно или же «саморазвиваться» внутри цивилизации. Это влечет за собой то, что я называю восточным производным действием, в котором подобные общества будут развиваться только по образцу «естественного западного пути», который был изобретен европейцами благодаря своей «исключительной институциональной одаренности». То есть, Запад остается источником развития, в связи с чем его особый путь развития определяется как универсальный или естественный, по которому автоматически последуют и не западные общества. В целом это означает не только то, что нет никакой необходимости в западной цивилизаторской миссии, чтобы дать толчок развитию не-Запада, но и то, что империализм нужно рассматривать как препятствие для развития восточных, а также западных, обществ.

В то время как научный расизм уделяет большое внимание наследственным и биологическим проблемам, лежащим в основе различий, он часто сопровождается сильным акцентом на климате и физической среде. Для некоторых причинное чередование расового поведения лежит в климатических/окружающих

условиях среды, в то время как для других оно зависит в большей степени от генетических предпосылок. Эта многозначная цепочка дискурсов является гораздо более разнородной, чем этноцентристский институционализм; она была разорвана на всевозможные под-дискурсы, включая социал-дарвинизм, евгенику, теорию зародышевой плазмы Вейсмана, менделизм и, не в последнюю очередь, ламаркианизм: некоторые из этих теорий взаимодополняют, другие же конфликтуют между собой¹. Одно из наиболее распространенных популярных

заблуждений заключается в том, что научный расизм основывается на предположении обустойчивых или неизменных типических свойствах различных рас. Хотя это является верным для евгеники, при этом игнорируются положения ламаркианизма (см. особ. Стокинг, 1982). Чрезвычайно важно принять это во внимание из-за существующего беспорядка факторов социальной практики ламаркианизма и по причине того, что это было воспринято, хотя и в разной степени, многими научными теоретиками расизма в МО. Поэтому стоит рассмотреть данное положение более подробно.

В своей фундаментальной работе «Философия зоологии» (1809/2011) Жан-Батист Ламарк утверждал, что культура и социальная практика частично предопределяются расовым поведением, в той степени, как и наследственность и окружающая среда обладает некоторой автономией в формировании поведения. Кроме того, это множество детерминант расового поведения передаются последующим поколениям через приобретенные наследственные характеристики. В качестве типичного примера можно привести объяснение Роберта Бина о

¹ Так, теория зародышевой плазмы Вейсмана, созданная в 1880-х гг., отвергает предположение Ламарка, что приобретенные полезные характеристики могут передаваться последующим поколениям. Точная формулировка заключалась в том, что изменения в соме (тканях тела) не влияют на зародышевую плазму (репродуктивную ткань). Позже зародышевую плазму сместила ДНК. Схожим образом теория Ламарка была опровергнута в двадцатом веке благодаря открытию законов Менделя о генетической наследственности.

происхождении еврейского носа, который рассматривается как наследственный продукт привычного выражения возмущения; или что у работника ручного труда развиваются большие руки, что в будущем передается последующим поколениям. Одним из самых известных является пример с жирафом, чья длинная шея является наследственной характеристикой, полученной от предков, напрягавших все силы, чтобы достать листья с вершины деревьев в засушливой среде. По сути, такой подход подводит нас к идее, что изменения в социальном поведении и социальной среде могут через преемственность поколений приводить к изменениям в наследственных характеристиках.

Критическая точка зрения состоит в том, что ламаркианизм предполагает, что расовые характеристики не являются устойчивыми и постоянными, поэтому нередко могут изменяться с течением времени. Таким образом, если «рациональные» институты могут быть переданы отсталым расам с помощью цивилизаторской миссии, с течением времени это может привести к прогрессивным изменениям, проявляющимся в способности действовать рационально, что в конечном счете становится неотъемлемой особенностью генофонда расы. Не менее важным является, в какой степени нео-ламаркианизм может применяться для создания самых разнообразных концепций включения в мировую политику.

Империалисты, которые говорили о «бремени белого человека»... реформаторы, которые говорили о «подъеме отсталых рас»... Южане, принявшие «закон Джима Кроу» и... те, кто рассматривал прогресс негроидной расы в свете учения Буке-ра Т. Вашингтона (Стокинг 1982: 253).

К этому списку я бы добавил анти-империализм Спенсера, а также жесткий расистский империализм Лестера Уорда и ламаркианский социал-дарвинизм.

Обращаясь к позиции научного расизма относительно мировой политики я разделяю материал на две общие категории — империалистический «наступательный расизм» и анти-

империалистический «оборонительный расизм». Тем не менее, важно отметить большое разнообразие позиций, существующих внутри представленных направлений. Так, принимая во внимание оборонительный расизм, во-первых, я считаю, что нечто похожее можно найти у Герберта Спенсера и Уильяма Грэма Самнера; этот подход рассматривает империализм как разрушение естественного прогресса, к которому рано или поздно пришли бы все общества. Важно отметить, что империализм был бы шагом назад, препятствующим самопроизвольному развитию черной и желтой расы, одновременно с этим подталкивая «(белую) цивилизацию вновь к стадии варварства». Напротив, релятивистский расизм, к которому принадлежат Джеймс Блэр и Дэвид Старр Джордан, принципиально отрицает за восточной расой какое-либо прогрессивное действие, настаивая на том, что развитие не белой расы невозможно, в результате чего цивилизаторская миссия бесполезна, поскольку не белые расы просто не в состоянии стать цивилизованными. Кроме того, одно из важных положений оборонительного расизма подчеркивает «опасность желтой варварской расы», которая может представлять массивную угрозу господству белой расы, таким образом, наделяя желтую и иногда коричневую расу высоким уровнем действия, хотя и регрессивной/варварской природы (в частности, Чарльз Пирсон и Лотроп Стоддард). В целом самым общим положением оборонительного расизма является вера в то, что белая раса должна избегать контакта с не белой расой, чтобы не допустить расового загрязнения (особенно через расовое кровосмешение). Таким образом, удалось избежать проблемы империализма и вместе с тем установить препятствие для не белых иммигрантов (концепция западной «осажденной крепости»). Белый Запад настолько стремился отстраниться от не европейских рас, что сконструировал различные «расовые апартеиды в представлениях о мировой политике».

В свою очередь, оборонительный расизм отличается от империалистического, или, как я обозначил его, от наступательного расизма. Это нашло свое выражение в трудах расистских мыслителей либеральных и социалистических убеждений, некоторые из которых зашли настолько далеко, что охватили даже экстремистский расистский империализм, как например, Лестер Уорд, Бенджамин Кидд и Карл Пирс. Тема расизма нашла свое выражение также в «расистском реализме» (1889—1945). Примечательно, что расистский реализм не был однородным, он представлял собой микрокосм научного расизма, кроме того, он выражал различные типы расизма и, таким образом, выработал множество концепций империализма. Некоторые озабочены грядущей «желтой угрозой», приписывая желтой расе высокий, хотя и регрессивный/хищнический уровень действия, тем самым утверждая, что она представляет собой прямую угрозу цивилизации и, следовательно, требует империалистического сдерживания (например, Хэлфорд Макиндер и Альфред Мэхэн). Точно так же, как я объяснил в главе 7, другие представители наступательного расизма обеспокоены не тем, что «варвары наступают!», а охвачены экстремальным уровнем расового беспокойства, который вытекает из их восприятия, что «варвары уже среди нас!» (например, Адольф Гитлер и Хьюстон Стюарт Чемберлен). В империалистической формулировке Гитлера, конечно, решением стало уничтожить варварскую угрозу, в частности, чужеродных евреев, а также непригодных белых немцев, которые способны загрязнить и тем самым подорвать жизнеспособность арийской расы. Тем не менее, были и те, кто смотрел на подобные угрозы гораздо менее пессимистично (например, Теодор Рузвельт и Генри Кэбот Лодж); наделяя восточные расы очень малой способностью к действию, они с огромной гордостью провозгласили, что белую расу ждет славное будущее, и ее благородная миссия заключается в распространении цивилизации во всем мире.

Чтобы закончить эту дискуссию, я выделю четыре основных варианта ориентализма или «типичного евроцентризма», в которых теория международных отношений была заложена еще до 1945 года, при этом отметив существенные различия внутри каждой из них. Что касается минимальных общих черт данных теорий, то все эти варианты аналитически отделяют Восток от Запада, освобождая последнее понятие от всех «негативных» черт и перенося их на первое¹. Таким образом, идея Запада наполнена чисто добродетельными и/или прогрессивными свойствами, которые, в свою очередь, предполагают открытие всего прогрессивного в мировой политике. Напротив, Восток всегда считался менее прогрессивным, чем первопроходческий Запад. Иногда, в худшем случае, Восток считался хранилищем варварского или дикарского регрессивизма, представлявшего угрозу цивилизации и мировому порядку; в лучшем случае, ему суждено подвергнуться уничтожению со стороны действий вышестоящей цивилизованной белой расы или «милосердной» руки природы. Во всех случаях эти варианты вызывают неисторическую концепцию мировой политики и экономического/политического развития, обобщенного тропом «сначала на Западе, а затем где угодно» (Чакрабартти 200: особ. 4-11); или, если внести сюда некоторые поправки: «сначала Запад, а потом все остальные». Здесь можно отметить один нюанс: большое количество представителей научного расизма считали, что дикарь черной или красной расы никогда не достигнет развития даже в случае «исключительной опеки» Западной Империи. Для таких мыслителей троп «сначала Запад, а потом все остальные» трансформируется в «только один раз и только Запад».

Конечно, в то время как многие читатели могут понять немного неправильно понятие «сначала Запад, а потом все остальные», поскольку оно обращено к «наиболее разумному» и «здравомыслящему» обзору (евроцентристской) истории, сле-

¹ Для более глубокого ознакомления см. резкий по своему характеру анализ Нанди (1983) и Тодорова (1984).

дует сказать, что я опровергаю его с различных позиций в третьей части книги с помощью своей не евроцентристской идиомы «без всех остальных может Запад может и не быть». Под этим я подразумеваю то, что Запад является не ранним, а поздним создателем: он обязан своим прорывом в современности во многом, хотя и не исключительно, Востоку, откуда были заимствованы всевозможные технологии, институты и идеи на протяжении долгого периода развития с 800 по 1800 гг. (см. также Хобсон 2004, 2007, 2011b).

Что касается периода после 1945 года, то научный расизм исчезает из теории МО (даже если и в программе евгеники остались некоторые особенности внутренней политики различных стран, включая США и Скандинавию в течение нескольких десятилетий). Явный евроцентризм принимает латентную форму на протяжении эпохи деколонизации и Холодной Войны. Я различаю «латентный» и «явный» евроцентризм на том основании, что первый воспроизводит многие аспекты последнего, но его евроцентристские свойства скрыты от непосредственного наблюдения¹. Так, все явные разговоры об империализме опускаются, вместе с империализмом часто идет термин, который нельзя называть, например, неореалистские обсуждения американской и британской гегемонии (см. главу 8).

Равным образом, явные разговоры о «цивилизации против варварства» в значительной степени опускаются в пользу эквивалентных «продезинфицированных» понятий: «современности против традиции» и «ядра против периферии». Этот дискурс лежит в основе классического реализма и неореализма (см. главу 8), неолиберального институционализма и классической плюралистической английской школы (см. главу 9), как и в большей части нео-марксизма (см. главу 10). Однако после 1989 года латентный евроцентристский институционализм сильно отступает в значительной части критических теорий МО и уходит

¹ Хотя это различие не следует путать с противопоставлением Саида между тем, что он называл явным и латентным ориентализмом (Саид 1978/2003: гл.3).

на задний план в процессе возрождения явного евроцентристского институционализма в рамках основных теорий МО. Таким образом, то, что я называю «западным реализмом» после 1989 восходит к будущему империалистическому расовому реализму после 1889 года, в то время как «западный либерализм» после 1989 года возвращает нас к патерналистскому евроцентризму после 1830 года.

Определение моего подхода в рамках более широкого научноматериала по научному расизму и евроцентризму

Несмотря на то, что мое эвристическое построение достаточно сложно, учитывая, что каждая из четырех категорий демонстрирует широкий спектр позиций, все еще могут найтись те (скорее всего, это историки), кому покажется, что моя социологическая позиция слишком упрощена или те, (скорее всего, социальные ученые постколониистского стиля), кто посчитают эту модель слишком сложной. В ответ на критику чрезмерного упрощения я должен отметить, что я действительно признаю, что моя социологическая инициатива рискует подвергнуться различного рода интеллектуальным опасностям, однако я считаю, что если мы избежим их, то по умолчанию останемся в затруднительном положении «партикуляризма» или «партикуляристичного партикуляризма», что отказавшись от попытки распутать сложность материала и, тем самым, внося запрет на любые виды аналитического обзора или изобретения, мы придем к ряду определенных проблем. Эта неотъемлемая предрасположенность к «партикуляризму», конечно, выступает значением того факта, что эта область является одной из наиболее упорно разрабатывавшихся историками, хотя ни в коем случае нельзя принижать достаточно выдающуюся второстепенную историческую литературу

по научному расизму¹, которая обеспечивает большой объем материала для того, что создал Саид. В самом деле, нет никого, кто при прочтении этих книг не был бы поражен уровнем и исключительной глубиной исследования.

Но первая проблема, с которой я столкнулся в исторической литературе, является ее частое смешение евроцентристского институционализма с научным расизмом, что, по иронии судьбы, мешает составить более глубокое понимание картины, которую я заинтересован описать. Во-вторых, неспособность различить эти два типичных варианта означает, что мы едва ли уловим смысл теории МО после 1945 года, которая воплощает собой скорее евроцентристский институционализм, чем научный расизм. Обе эти проблемы сливаются в одну большую картину, которая, по определению, интересует меня, с учетом изучаемого мной периода с 1760 по 2010 гг. Соответственно, освещение микро-исторической ситуации лишает нас способности понять, как дискурсы евроцентристского институционализма и научного расизма изменились с течением времени.

Третьей, хотя и второстепенной, является проблема поразительного отсутствия внимания исторической литературы к взаимосвязи между научным расизмом и международной политикой, с учетом того, что она гораздо чаще заинтересована в отслеживании очень сложных по своей сути проблем, касающихся характера эволюционизма, процессов наследственной передачи и так далее². Это кажется удивительным, учитывая, что социал-дарвинизм условно

¹ Ради справедливости стоит отметить, что многие из этих книг сконцентрированы только на одном типе расизма — как правило, на социал-дарвинизме, и иногда на евгенике, что делают подобную задачу чрезмерной. Основными являются произведения следующих авторов: Госсетт (1963/1997); Хофштадтер (1944/1992); Келли (1971); Гасман (1971/2004); Бентон (1977); Баннистер (1979); Джонс (1980); Стокинг (1982); Хант (1987); Келвис (1985); Пик (1989); Гулд (1992); Питерс (1992); Крук (1994); Ханнэфорд (1996); Хокинс (1997).

² Основные исключения можно обнаружить в важных работах Госсетта (1963/1997); Питерса (1992); Крука (1994); Викарта (2004); Лэйка и Рейнольдса (2008).

считается исходным воплощением империалистического мышления. Но оказывается, что «на самом деле существует недостаток подробных исследований о роли социал-дарвинизма в империалистской мысли и практике» (Хокинс 1997: 2003). Отчасти это было причиной того, что я обнаружил для себя крайне малый выбор, сводящийся к необходимости пахать обширную полосу через основные тексты по научному расизму, и отчасти потому, что малочисленные вторичные источники, которые рассматривают взаимосвязь между научным расизмом и международной политикой, обычно не освещают антиимпериалистическую сторону вопроса¹.

Однако если от гуманитарной области мы обратимся к исследованию социальных наук, мы столкнемся с растущей в объемах и не менее впечатляющей второстепенной литературой, которая сконцентрирована на взаимосвязях между евроцентризмом и теориями МО. Эта литература находится на пересечении ряда дисциплин, в первую очередь политической теории, политической географии, социологии, международного права, международных отношений и МПЭ². Хотя я и обучился многому благодаря этим новаторским и вдохновляющим работам, однако мне пришлось столкнуться с особым рода проблемой: большинство литературы, как правило, представляет собой евроцентризм черного-ящика, где

¹ Весьма значительная работа Пола Крука остается важным исключением (Крук 2004).

² По политической теории см.: Талли (1995); Пагден (1995); Так (1999); Мехта (1999); Парек (1997); Хиндесс (2001); Пейтман и Миллс (2007). По международному праву см.: Гровоги (1996); Анги (2005). По теории МО и международной политике см.: Тинкер (1977); Шмидт (1998а); Виталис (200, 2002, 2005, 2010); Солтер (2002); Бантон (2002); Инаятулла и Блейни (2004); Лонг и Шмидт (2005а); Кин (2005); Боуден (2009); Адиб-Могаддам (20011; особ. 179-194). По МПЭ см.: Маккарти (2009); Блейни и Инаятулла (2010). По политической географии см. в первую очередь Ливингстона (1992). По основным социологическим трудам см. ссылку в сноске 12.

затушеваны внутренние разногласия и сложности, в нахождении которых япрежде всего заинтересован¹.

В самом деле, иногда мне кажется, что в некоторых авторских работах образ действий был досконально изучен на наличие каких-либо признаков империализма, чтобы доказать существование лежащего в основе евроцентристского метанарратива. Напротив, мое предпочтение состоит в увеличении внимания, в частности, к характеру евроцентристского и расистского метанарратива, на который опираются некоторые авторы, в то время как его империалистические или анти-империалистические свойства указываются мной.

Тем не менее, вполне возможно, что многие из этих ученых считают мой эвристический метод слишком сложным и возразят против моего утверждения, что евроцентризм и расизм, с одной стороны, могут быть анти-империалистическими и, с другой стороны, должны быть аналитически дифференцированы. В самом деле, последний пункт, в частности, может встретить возражение со стороны представителей «критической расы», кто рассматривает современный евроцентризм как замаскированный расизм²; (мой более подробный ответ на данные возражения представлен в 13 главе — см. 322-2 стр.). Здесь же, повторяя утверждение о том, что концепция «евроцентризма» Саида и литература по этой теме представляются слишком упрощенными, напрашивается вопрос, почему же такому неполноценному подходу уделяется больше всего внимания. Тем не менее, мне кажется, что скрывать аспекты, которые я обозначил в данной книге означает, что широко используемой концепции ориентализма Саида придется сильно грести под водой, чтобы удержаться на плаву. Но вместо того, чтобы покинуть корабль концепции Саида, моя задача в

¹ Тем не менее, некоторые из этих ученых изучают различные аспекты евроцентризма: см. особ. Солтер (2002) и, прежде всего, Виталис (2000, 2002, 2005, 2010).

² Баркер (1981); Хант (1987); Балибар (1991); Майлс (1993); Малик (1996); Фиреди (1998a); Макмастер (2001); Перри (2007); а также Маккарти (2009).

данной работе — найти для курсирования альтернативный поток для углубления и расширения понимания Саида/постколониального понимания евроцентризма таким образом, чтобы учесть много нюансов, которые существуют внутри евроцентристской теории международных отношений или, в равной степени, чтобы обнаружить схожие сложные нюансы, которые существуют внутри любой, сопоставимой по концептуальной ориентации дисциплине. По ходу действия я стремлюсь отойти от обычного статического понимания ориентализма/евроцентризма, раскрывая его изменяющиеся с течением времени формы или разнородные свойства. Это необходимо не только для лучшего понимания евроцентризма, но также и потому, что если мы применим упрощенную концепцию евроцентризма в теории МО или в любой другой социальной дисциплине, то логически от нас потребуется уместить все многочисленные нюансы в одну единственную неоднородную по своему характеру ориенталистскую империалистическую теорию, несмотря на то, что огромное количество теорий МО представляют как явную, так и латентную приверженность империализму в той или иной форме.

Чтобы закончить данное обсуждение, стоит отметить, что, поскольку этот материал имеет тенденцию к евроцентризму черного ящика, я вынужден снова вернуться назад к чертежной доске и пройти через огромный ряд первоначальных основ евроцентристского институционализма, чтобы указать на различия и сложности, которые они воплощают собой. Здесь важно понять, почему мой подход находится между Сциллой сложности и Харибдой однородности, поэтому я не в состоянии позволить себе такую роскошь, как тщательно сосредоточиться на минимальном количестве мыслителей, как это предпочитают делать многие политические теоретики¹, но также я

¹ См. напр. Так (1999); Мехта (1999); Мату (2003); Питтс (2005); Морфилд (2005).

не могу сосредоточиться и на большом числе¹. По своей сущности мое исследование требует, чтобы в каждой главе было представлено достаточно мыслителей для поддержки моего аргумента, что в совокупности они представляют один тип или род «евроцентризма», однако же, их должно быть не настолько много, чтобы утратить глубину анализа.

Наконец, я охотно соглашусь, что мое мнение в МО лишь единственное из всевозможных. Поэтому я не отрицаю, что другие «метанарративы» имеют права на свое место в теории МО, главным образом, в качестве патриархата². Здесь стоит отметить, что дискурсы «патриархат» и «евроцентризм» пересекаются разнообразными способами, за исключением некоторого вмешательства³, что до сих пор не до конца изучено феминистками в теории международных отношений⁴. В любом случае, ключевым вопросом является то, как мое исследование евроцентризма/расизма повлияет на некоторые привычные аксиомы дисциплины международных отношений.

Шесть евроцентристских мифов в теории МО: моральные цели МО в качестве защитника и распространителя Западной цивилизации

Чтобы обобщить введением мой альтернативный подход к теории МО и основным обоснованиям дисциплины я, хотя и несколько еретически, разберу шесть ключевых дисциплинарных аксиом, которые в настоящее время почитаются как самоочевидные истины, и представлю их в значительной степени как евроцентристский миф.

¹ Наиболее значительные работы Шмитта (1998а) и Бодена (2009).

² В частности, Тикнер (1992, 2001).

³ См. замечательные новаторски исследования Линга (2002); Чаудри и Наира (2002); Агатенжелу и Линга (2009); Тикнера (2011); Хатчингса (2011).

⁴ См. превосходные работы Хардинга (1998); Триведи (1984); Амоса и Пармара (1984); Моханти (1986; 2003); Лумба (1998); Балбека (1998).

1. «Миф о благородной особенности» и «миф о первооснове» в дисциплине

Естественно, ключевой аспект этой части связан с интеллектуальной историей/историографией теории международных отношений. Эта область значительно развилась за последнее десятилетие, вызвав тем самым у одного ученого риторический вопрос, являемся ли мы свидетелями «рассвета историографического поворота»? (Белл 2001: 15). Однако некоторые едва ли приветствуют такое повышенное внимание: так, один видный ученый, работающий в теории МО, признался, что «он вздрагивает при мысли о том, что история (как дисциплина) становится признанным полем исследований» (Браун 200: 118). Не менее авторитетный ученый Дэвид Лэйк жаловался на следующее: «Я обладаю относительно малым терпением для большой дискуссии в МО или МПЭ... Я часто мечтаю о том, чтобы ученые (по историографии) прекратили созерцание того, как проводить исследование, и начали, наконец, предлагать объяснение, понимание и возможности по улучшению мира» (Лэйк 2009: 48). Но непосредственной проблемой здесь является то, что дисциплина стала функционировать на основе отдельного (душевного) учения вигов о своей интеллектуальной истории. «Миф о благородной особенности» существует в тандеме с «мифом о первооснове»¹. Таким образом, самоочевидной истиной считается то, что дисциплина была зачата на окровавленных полях сражений в Европе, и еще находясь в детском возрасте, была представлена в 1919 году после изнурительного 48-месячного периода беременности. В этом надуманном учении вигов предполагается, что теория МО родилась с благородными моральными целями; чтобы преодолеть травматический опыт своего рождения она стремилась найти способы изгнания призрака войны из тела политики, несмотря на то, что циник, который построил этот

¹ Эти два мифа связаны в идиоме Дункана Белла как «прогрессистский миф».

миф первоосновы, на первое место поставил такие мотивы, которые типичны для наивных младенцев (Карр 1946/1981).

В данной работе я хочу прямо оспорить этот миф о благородной особенности, указав на ее темную сторону. Это одновременно даст мне возможность, хотя и косвенно, бросить вызов мифу о первооснове, показав, что теория МО была, по крайней мере с 1760 года, подкреплена различными евроцентристскими метанарративами, которые так или иначе совершали работу по защите и прославлению Запада как самого важного нормативного объекта ссылки в мировой политике. В процессе этого можно обнаружить сильную преемственность между теорией МО до 1914 года и ее межвоенным последованием. В свою очередь, это утверждение вносит вклад в ревизионистскую программу исследований, которая связана прежде всего с выдающимися новаторскими работами Брайана Шмидта и Роберта Виталиса, а также Торбйорна Кнутсена (как было указано мной в 6 главе).

Наконец, стоит вновь обратиться к Дэвиду Лэйку, который испытывал беспокойство насчет роста значимости историографии внутри дисциплины. Если мое утверждение о том, что теория МО принимает форму многозначного/полиморфного евроцентристского конструкта является убедительным, то это приводит нас к фундаментальному вопросу, как мы можем адекватно исследовать, теоретизировать или даже изучать МО (и МПЭ), не говоря уже об «улучшении мира», до того, как мы еще не разобрались с предыдущей основополагающей проблемой, что дисциплина латентно воплощает определенный метанарратив, евроцентристский или какой-либо иной. Неспособность обнаружить эти скрытые дискурс(ы) власти и предразсудков означает не только то, что мы не сможем адекватно понять МО/МПЭ, но и то, что мы продолжим, часто не замечая того, воспроизводить эти дискурсы власти в собственных работах. В любом случае, игнорировать данную задачу — все равно, что предполагать, что каким-либо образом возможно нейтральное изучение дисциплинарной истории. Но приведем

в этом месте цитаты двух выдающихся мыслителей: «не может быть никаких нелегитимных или нейтральных позиций, с которых может быть написана дисциплинарная история. Вся такая история будет носить избирательный характер и руководствоваться определенной приверженностью (или оппозицией) по отношению к конкретной личности» (Драйзек и Леонард 1988: 1248).

Прежде всего, существует две взаимосвязанные причины, которые лежат в основе необходимости привлечения критической историографии в МО. Во-первых, теория международных отношений, прошлая и настоящая, никогда не была пассивным отражением евроцентризма и научного расизма, но всегда играла значительную роль в конструировании этих дискурсов; таким образом, между теорией МО и евроцентризмом существует избирательная близость. Во-вторых, и прежде всего, теория МО изначально политически перформативна, поскольку реализуется на практике или в осуществлении мировой политики, поэтому необходимость ее деконструкции становится все более актуальной.

2. «Позитивный миф» в теории международных отношений

В сущности, дисциплина, рассказывающая «историю Запада» ведет к требованию приспособить лозунг из известной критической теории Роберта Кокса, что «теория МО (практически) всегда служит Западу и западным интересам» (1981/1986: 207); хотя, то, что определено как «западные интересы» обязательно варьируется с течением времени в соответствии с тем, что превалирует в «евроцентристском» метанарративе в данный момент. Я говорю «практически», поскольку не вся теория МО придерживается этого евроцентристского слогана с различными созданными в постколониальном стиле исключениями, появившимися в

основном в последнее десятилетие¹. И это сделано не для того, чтобы скрыть количество голосов, которые критиковали западный расизм в своих подходах к международным отношениям в прошлом². Не рассматривая исключительные случаи, немедленным следствием данного утверждения, как первоначально полагал Кокс, должно стать обращение к фундаментальному вопросу, причем не просто к выдающемуся образу или своеобразию дисциплины, но также и к общим взглядам о том, что теория МО основана на позитивной, свободной от ценностей эпистемологической основе. Это и есть второй миф, который подвергается критике в данной работе; тот, который обязательно прилагается к мифу о «благородной особенности» и «мифу о первооснове».

Мне вспоминается недавний визит одного из наиболее влиятельных представителей теории МО, Роберта Кеохейна, на Факультет политологии в Университете Шеффилде в 2008 году. На своем первом выступлении, которое открывало выпуск Политической Школы, он произнес смелую и страстную речь, в которой отмечались достоинства позитивизма и опускалась критическая теория; утверждалось, что пока политические

¹ Вместо того, чтобы сослаться на объемную и растущую в количестве не евроцентристскую литературу, я укажу читателю на некоторые ключевые журналы форумов и сборники, в которых представлены следующие теоретики: Персо и Уокер (2001); Наир (2007); Чаудри и Наир (2002); Граффид-Джонс (2006); Ян (2006а); Холл и Джексон (2007); Тикнер и Вейвер (2009); Сет (2011а); Шиллиам (2011); Миллениум (2011) — специальный выпуск «Диалоги в МО» (см. статьи Дж. Энн Тикнер, Амитав Ачарья, Кимберли Хатчингс, Робби Шиллиам, Гурминдер Бамбра, Мустафа, Мустафа Камаль Паша, Карвальо и др., Мира Сабаратнам и Фабио Петито). Обратите внимание на других важных представителей, которые были упомянуты в 3 части книги.

² В частности, группа афро-американских марксистов, самые известные из них: Ральф Банч (1936), У. И. Б. Дубуас (1905, 1915); ср. С. Л. Р. Джеймс (1938/1980) и Эрик Уилльямс (1944). Для более полного обсуждения см. здесь Кренн (1999); Виталис (в скором времени). Обратите внимание, что вышеупомянутые ученые по-разному критикуют теории расизма, выдвинутые различными мыслителями бывшей расы, принадлежавших к евроцентристскому институционализму (включая Джона Хобсона, Нормана Энджелла и Леонарда Вульфа).

ценности по-настоящему важны, тем не менее, они всегда должны следовать, а не предшествовать позитивистскому анализу. В последующем выступлении он также произнес страстную и впечатляющую речь, касавшуюся множества нормативных проблем, которые включали в себя важность различных форм западной интервенции на «Юг». У меня сразу возник вопрос (хотя я и не осмелился его задать!): что если ценности, которых придерживаетесь вы и другие теоретики МО, исходят не из априорного позитивного метода свободы от ценностных суждений, а от базового евроцентристского метанарратива? Если это так, то претензия на научность/рациональность, свободу от ценностных суждений просто не имеет права на дальнейшее существование. Хотя на самом деле мой риторический вопрос, как кажется, подтверждается страстными аргументами Кеохейна, что западный гуманитарный интервенционизм и программы структурной перестройки (приведем только два этих примера) были необходимы для того, чтобы изменить не-западный мир в сторону прогрессивного западного пути развития либерального капитализма и демократии. Он также добавил, отвечая более смелому, чем я, человеку, задавшему вопрос, что даже если это отдает нео-империалистским институционализмом, то все равно будет лучшим вариантом, чем альтернативная «политика злокачественного пренебрежения»¹, которая просто не предоставляет отсталому Востоку привилегии в развитии по прогрессивному западному образцу!

Абстрагируясь от этого, логическим следствием моего утверждения является следующее: дисциплина направлена на прославление и защиту западной цивилизации как высшего идеала и образца, на который стоит равняться в мировой политике; это означает принципиальный вызов укоренившимся убеждениям, одно из которых, в частности, касается гегемонии США, в том, что теория МО свободна от ценностных суждений

¹ Хотя, если быть честным, это понятие ему приписываю здесь я.

и производит позитивное, универсальное объяснение мировой политики, которое применяется во всех ситуациях, несмотря на культурное и расовое различие. Выходит, что если посмотреть на проблему с позиции не евроцентризма, то большинство теорий МО проводит ограниченный или местный анализ Запада, который маскируется под всеобщий.

3. «Миф о больших спорах» и переосмысление понятия столкновения в теории МО

Данный троп дисциплины заключается в том, что теория МО движется вперед посредством напряженных, но «здоровых» интеллектуальных столкновений, которые известны под названием «большие споры» и принимают форму манихейских героических сражений. Как считается, это и составляет формирующую генеалогию дисциплины; таким образом, студенты могут получить представление о ней, всего лишь изучив эти великие битвы. Условно предполагается, что существовало три больших спора или даже четыре, если мы включим сюда так называемый «межпарадигмальный спор» 1970-х гг. Они включают в себя ряд дискуссий: между «реализмом и идеализмом» в межвоенный период¹; между «историей и сайентизмом» в 1960-х гг.; между тремя лидирующими парадигмами в 1970-х гг. и между «позитивистами и постпозитивистами» в 1990-х гг. Мы не будем заострять здесь внимание на важности областей данных споров. Кроме того, я считаю, что если рассматривать эти дебаты с не евроцентристской точки зрения, то они представляются менее существенными и достаточно поверхностными. Следствием моих аргументов является то, что за шумом и яростью манихейских «больших споров» скрывается гул барабанов консенсуса практически всех сторон, касающихся защиты и прославления западной цивилизации в мировой политике. Более того, пока введение в дисциплину представляется через столкновение между радикально различными теориями, будь то

¹ Несмотря на то, что немало предположений, лежащих в основе «первого спора» оказывается весьма проблематичным (см. главу 6 и 7).

реализм, либерализм, марксизм или конструктивизм — выходит, что при обзоре проблемы с не евроцентристской позиции, эти теории во многом проявляют незначительные отклонения от согласованного содержания евроцентристской темы.

4. «Миф суверенитета/анархии»

Несомненно, фундаментальной аксиомой дисциплины является то, что теория МО имеет дело с изучением и теоретизацией отношений между суверенными государствами, существующими в анархическом мире. Также основополагающей аксиомой является, в частности, то, что анархия подразумевает суверенитет. Главная идея этой книги заключается в том, что все основные теории международных отношений последней четверти тысячелетия начинают свой анализ не с суверенного государства, а с социального анализа, где межгосударственные отношения являются производным от применения априорной концепции «социального стандарта цивилизации»¹. Хотя и поразному, теории МО по сути ориентированы на игровое поле юридически равноправных суверенных государств, но неравное поле глобальной/цивилизационной иерархии и градации суверенитетов.

В частности, я полагаю, что империалистские евроцентристские и расистские теории МО продвигают концепцию «формальной иерархии», которые наделяют «гипер-суверенитетом» западные государства, а также отрицают суверенитет восточной формы правления (например, в нео-империалистской теории МО после 1989 года) или предоставляют им «условный суверенитет», который может быть отменен, если не выполняются «цивилизационные» условия (например, в нео-империалистской теории МО после 1945, а особенно после 1989 года). В отличие от анти-империалистских евроцентристских и расистских теорий МО, которые, как на первый взгляд кажется, уважают политическое самоопределение восточного устройства, тем не менее, лишают его культурного самоопределения

¹ См. также Кин (2005); Лонг и Шмидт (2005b).

и требуют отказа от цивилизационной идентичности в пользу ассимиляции или культурного приспособления к западным цивилизационным нормам. Выходит, что западные государства получают «полный суверенитет», в то время как восточному политическому устройству предоставляется лишь «ограниченный» или «неполный суверенитет». Таким образом, мы сталкиваемся с концепцией «неофициальной иерархии» и градацией суверенитетов. Я уточняю эти вариации, поскольку они формируют важную часть дискуссии, предпринимаемой в каждой главе (общее резюме представлено в 13 главе). В целом, идея о том, что теория МО связана с изучением и теоретизацией отношений между суверенными государствами, сосуществующими в анархическом мире, является четвертым мифом.

5. «Миф о глобализации»

«Мифом о глобализации» я не утверждаю то, что глобализации не существует. Я говорю здесь о совсем другом. В рамках дисциплины естественным образом предполагается, что проблема глобализации лишь недавно в той или иной форме стала занимать умы теоретиков. Но к своему удивлению я обнаружил, что во многих случаях, включая некоторых реалистов, теоретики МО с 1760 года делали значительный акцент на глобализации, даже если и использовали разные термины. Более того, я считаю, что глобализация была политически сконструирована различными способами. Таким образом, одно направление теории МО создает конструкт «глобализации как варварской угрозы», выраженный отчасти в расистском реализме и современном (после 1989 года) «западном реализме», расистском культурном реализме (до 1945 года) и евроцентристском культурном реализме (после 1989 года). Другое направление теории МО изобретает конструкт «глобализации как возможности для Запада переделать мир по западному образцу»: сюда входит патерналистский евроцентризм Маркса, Хобсона, Эндрелла, Циммерна и Вульфа, а также либерально-империалистский наступательный расизм

Райнха, Ирланда, Сиджвика, Стронга, Вильсона и Кидда, а также в некоторых вариантах социалистических расизм/евроцентризм и в большей части расистский реализм. Примечательно, что этот троп находит свой современный эквивалент в манифесте патерналистского евроцентризма либеральной теории МО, включая сюда Ролза, Тесона, Фукуяму, Нуссбаума и многих других. Отметим, что с позиции не евроцентризма в рамках теории МО глобализация стала рассматриваться в качестве пятого мифа дисциплины относительно недавно, с тех пор, как он появился в той или иной форме в 1760 года.

6. «Миф теоретических великих традиций»

Наконец, одним из ключевых результатов этой книги является неизбежность пересмотра всех главных теорий международных отношений, что определенно приводит к альтернативным дискретным мировоззренческим концепциям, так как это нарушает стандартную линейную идею относительно непрерывности теоретических «великих традиций» сквозь время ¹.

Этим я обращаюсь к позиции, которую ключевые теории — либерализм, реализм и марксизм — часто представляют с точки зрения антиисторических непрерывных «великих традиций», которые появились несколько столетий назад, если не тысячелетий в случае либерализма и реализма. На такое толкование умело ссылаются как на «эпическое представление» МО (Шмидт 1998а: гл.1). Так, например, реализм восходит к Тациту, затем обращается к Гоббсу и Макиавелли, чтобы достигнуть кульминации у Уолтса, Джилпина и Маршаймера, с помощью Кара и Моргентау. В процессе, все неоднородности становятся неотчетливыми, и каждый теоретик представляет изоморфные свойства. Ключевое изменение, которое я совершаю здесь, должно показать разнородные/полиморфные или разносторонние свойства главных теорий, в соответствии с чем, каждая теория формулируется в радикально различных и дискретных формах с течением времени — также как

¹ См. Шмидт (1998а: гл.1); Кин (2005: гл. 1).

про — или анти-империалист, в зависимости от того, какое евроцентристское/расистское изложение используется (также см. главу 13 для полного обзора трех главных теорий МО).

Пещера: здесь будут драконы!

Итак, в свете всего этого я должен предупредить своего читателя, если он (она) еще не осознали, что путешествие в темную сторону теории МО, в прошлое и настоящее этой дисциплины, которое излагается в книге, не для малодушного и не для нетерпеливого! Для такого путешествия для повторного открытия потребуется передвигаться по огромному морю литературы, которой появилось так много, что мы можем назвать его также, как арабские моряки однажды назвали Атлантику, а именно «зеленое море тьмы», — в котором мы столкнемся со всеми видами концептуальных драконов и странных существ, которые неизбежно противостоят самой идентичности дисциплины способами, которые для некоторых читателей, несомненно, будут крайне неудобными и сложными. Действительно, такое путешествие исследует темную сеть лабиринтов сырых подземных проходов и едва освещенных камер, которые существуют глубоко под поверхностью теорий МО, в которых находят всевозможные лазейки, которые опускают исследователя в еще более глубокие скрытые камеры, каждая из которых в конечном итоге выявляет или отражает темную сторону того, что существует на поверхности. Есть даже случаи, когда изучение этих катакомб ведет в самую темную камеру, в которой находится портрет Дориана Грея, искаженное изображение которого обратно пропорционально четко очерченной фигуре, которая плавно дрейфует на поверхности при ярком свете дня. И именно в этом контексте важно обсуждение изображения обложки книги.

Известная как «Карта Мира в шутовском колпаке», эта очень загадочная картина была написана приблизительно в 1580 неизвестным живописцем (учитывая, что она проходит под именем Оронтеуса Финиуса, который на самом деле умер в 1555 году).

Изображение, можно сказать, работает на различных уровнях смысла. Как отмечает один эксперт, шут является своего рода козлом отпущения, который притягивает к себе силы зла, безумия или неудачи, и, противостоя им, предотвращает их власть над обществом. [Как придворному шуту, ему] разрешалось нарушать правила, говорить болезненные истины и издеваться над властью имущими (Уитфилд 1994: 78). Применяя здесь некоторое интерпретационное право, мое использование этой карты призвано передать не ту точку зрения, что мир сам по себе является совершенно иррациональным и опасным местом (значение, которое приписывает данной картине Уитфилд), но что различные европоцентристские концепции мира, найденные в рамках международной теории, в значительной степени в первую очередь создают это искаженное и зловещее изображение.

В 1974 году Арно Петерс создал свою радикальную проекцию карты мира, которая стремилась исправить (европоцентристские) искажения, которыми страдают знаменитые карты Меркатора (а именно преувеличение Севера и недооценка размера южных стран). Хотя идеальной карты мира не существует, проекция Петерса/Петерса–Галла, конечно, свободна от европоцентристских искажений, обнаруженных у Меркатора. В любом случае, одна из самых веских причин для размещения «Карты Мира в шутовском колпаке» на обложке книги, это то, что размер северных континентов, особенно Северной Америки и Европы, является даже более преувеличенным по отношению к Южной Америке, Африке, Индии и Китаю, чем на карте Меркатора. Это важно потому, что такое искажение составляет самую суть видения мира, которая была построена европоцентристскими и расистскими теориями МО с 1760 по 2010 годы.

Чтобы завершить этот раздел, я заявляю, что идея книги может быть либо принята, так что мы можем двигаться вперед к подлинно светлому будущему, либо отвергнута неумолимо теми, кто предпочитает нападать на автора, а не интеллекту-

ально взаимодействовать с фактическими аргументами книги. Однако, в любом случае сопротивление идее, содержащейся в данной книге, послужит только тому, чтобы заморозить нас в существующем статус-кво европоцентристской теории и практики МО, с его многочисленными сопутствующими проблемами, которые остаются нерешенными. И в качестве дополнения здесь следует отметить, что пока я буду использовать термины «Восток» и «Запад» на протяжении всей книги, это, несомненно, вызовет недоумение некоторых читателей и возражение, что Африка и Латинская Америка находятся географически не на Востоке, а на той же линии долготы, что Европа и Северная Америка соответственно. Но я использую эти термины потому, что они являются основополагающими в лексиконе евроцентризма/расизма и что, как таковые, они имеют значение вовсе не в географическом значении, но в идейном. Таким образом, в рамках евроцентризма и научного расизма, Восток и Запад являются концепциями, которые различаются не по географическому признаку, но либо рациональностью/цивизованностью, либо рациональностью/расовым разделением.

Определение империализма и анти-империализма в теории международных отношений

Теперь перейдем к финальной части концепции, с которой нужно ознакомиться перед тем, как начать наше путешествие. Помимо того, что свойства империализма и анти-империализма занимают видное положение в этой работе, мне хотелось бы обозначить свою собственную концепцию и определение и одновременно найти ключевую разделительную линию, которая проходит между империалистической и анти-империалистической теорией. В любом случае, это необходимо сделать, поскольку огромному объему литературы по империализму и анти-империализму в целом не хватает концептуальной точности, в результате чего ученые часто не понимают друг друга, говоря об одной теме, таким образом, создавая всевозможную путаницу там, где на первый взгляд все кажется очевидным и

понятным. Впоследствии путаница усугубляется до такой степени, что «империализм» становится весьма эмоциональным термином.

Здесь я противопоставлю два подхода к определению: «узкий евроцентристский» и «экспансивный постколониальный». Большинство современных евроцентристских теорий МО охватывают узкое определение, которое дает большое пространство для маневра во время столкновения с империалистическим надзором. Напротив, представители постколониальной теории стремятся полностью закрыть это пространство для маневра, предполагая, что евроцентризм по своей сути является империалистической, и используют чрезвычайно широкое или расширенное понятие империализма. Моя собственная позиция находится между этими двумя полюсами. Уточнение чувствительного, если не взрывного характера рассматриваемого вопроса, обязывает меня дать определение, которое, как я надеюсь, будет принято моими читателями. Если же мое определение будет отклонено на этом моменте, то вся остальная часть книги потерпит крах после первого же препятствия. На рисунке 1.1 изображен концептуальный континуум, на котором указаны крайние понятия империализма, которые становятся менее жесткими по мере движения вправо.

В ячейках 1-3 слева на рисунке 1.1 не дискуссионные, если дело касается определения империализма, поэтому консенсус может быть легко обеспечен. На первый взгляд общим является идея формального территориального контроля над колониями. Данная позиция изменяется от крайних принудительный (ячейка 1) до более мягких понятий «милостивой» патерналистской цивилизаторской миссии, которая влечет за собой формальный территориальный контроль и «культурное преобразование»

Таблица 1.1 Континуум определений империализма, прошлое и настоящее

Консенсус по определению			Спор по определению		
Ячейка 1	Ячейка 2	Ячейка 3	Ячейка 4	Ячейка 5	Ячейка 6
Формальная империя	Формальная империя	Формальная империя	Неформальная либеральная империя	Неформальная либеральная империя	Неформальная либеральная империя
Политическое подчинение, политика сдерживания, покорение варваров	Национальная цивилизаторская миссия/ культурные преобразования	Цивилизаторская миссия посредством международного права тельственного протектората	Англо-саксонская гегемония	(R 2 P) Обязанность защищать, оберегать, содействовать установлению демократии	Универсализация западной цивилизации и глобальная империя либерально-демократического мира
Более насильственное определение			Менее насильственное определение		
Примеры:	Примеры:	Примеры:	Примеры:	Примеры:	Примеры:
Гумплович, Ворд, Мэхэн, Макиндер, К.Пирсон, Гитлер, фон Тайтшке, Кидд, Спикман, Хаусхофер	Кобден, Брайт, Энджелл, Милль, Маркс, Рейнх, Ричи, Ирланд, Сиджвик, (Уилсон)	Хобсон, (Уилсон), Буэл, Вульф, Циммерн (Краснер), Хербст, (Фукуяма)	Джилпин, (Краснер), Киндлебергер, Каган, Фергюсон, Бзежински, (Купер), Игнатъев	Слотер, Икенбери, (Тесон), Уилер, Рисс, Финнемор, (Ролз), (Хелд), Нуссбаум	(Ролз), (Хелд), (Тесон), Фридман, Вольф, (Купер), Руссетт, Оуэн, (Фукуяма)
Патернализм					

Заметьте, что некоторые ученые описаны в более чем одной ячейке и поэтому размещены в скобках.

восточного общества к западным цивилизационным нормам и институтам (ячейки 2-3). Другой способ обозначить определение, основанное на этих трех ячейках, состоит в том, что империализм влечет за собой универсализацию западной цивилизации через культурное преобразование, а также через формальный территориальный контроль; хотя в ячейке 1 это достигается через применение принуждения, в то время как в ячейках 2 и 3 отрицаются принудительные режимы империализма (с учетом Маркса и Милля, составляющих исключение)¹.

Спорная часть, конечно, лежит в трехячейках справа (ячейки 4-6), которые существовали в значительной части теорий МО в пост-военную эру 1945 года и особенно после окончания холодной войны. Многие представители этих категорий будут отрицать, что они выступают за империализм или неопимпериализм. Главные теоретики стабильности, такие как Роберт Джилпин, например, противопоставляют «либеральную гегемонию» «деспотичному империализму», почти также как либеральные гуманисты и космополитические либералы рассматривают гуманитарный интервенционизм как реализацию мягкого «освободительного/неимпериалистического» замысла. Такие заявления, однако, предполагают, что «империализм» подразумевает не только формальное территориальное управление/завоевание, но, прежде всего, принудительную экономическую эксплуатацию колониальных жертв; следовательно, либеральные гуманитарные интервенты искреннее заблуждаются по поводу империалистического руководства.

Но империализм — в теории, а не практике — не должен опираться на эксплуататорское определение, не в последнюю очередь потому, что большинство, хотя ни в коем случае не

¹ Стюарт Милль и Карл Маркс являются исключениями, которые в общем-то подтверждают правило. Милль полагал, что деспотический колониализм необходим, если неполноценные народы и расы в долгосрочной перспективе будут находиться под давлением либеральных демократических государств, в то время как Маркс, хотя и сетуя на насилие глобального первоначального капитала, который влечет за собой империализм, тем не менее, рассматривал его как политическую необходимость.

все, либеральные империалисты девятнадцатого и первой половины двадцатого века явно отрицали принудительный и эксплуатационный империализм. Действительно, это ненасильственное/неэксплуататорское определение являлось основным положением для патерналистского евроцентризма, к которому принадлежали Хобсон, Кобден, Энджелл, Мюррей, Вульф и Циммерн, а также для расистских либералов, таких как Рейнх, Ирланд, Сиджвик, Уилсон и Буэлл. Кроме того, зарождающаяся концепция гуманизма опиралась на те подходы к империализму, которые выступали за патерналистский вызов Восточным «варварским обычаям», — как, например, объявление вне закона индуистской практики Сати (самосожжение вдов) или китайской практики бинтования ног девочкам. Действительно, такая гуманитарная чуткость могла быть обоснованно экстраполирована, чтобы представить самую сущность концепции девятнадцатого века, которая заключалась в мягкой воспитательной миссии, начиная с замены иррациональных диких и варварских институтов — политических, социальных, экономических, гуманитарных и религиозных — и служила освободительным целям для объекта вмешательства. Суть этой «мягкой» концепции империализма была хорошо схвачена одним из ее адвокатов, Рамсеем Мьюиром, еще в 1917 году:

Мы можем по праву и без колебаний продолжать использовать эти термины [империализм и империя], при условии, что мы всегда помним, что любое обоснование власти... должно быть найдено не в расширении простой грубой силы, но в расширении и распространении... тех существенных элементов жизни Западной цивилизации, которые были секретами ее силы (Мьюир 1917/2010:4).

Или, как более точно выразился один из его современников в 1897 году, колонизируя Африку, Европа выполняет благородную задачу — «а именно, поднять расу с нижнего уровня и вовлечь ее в поток активного развития человечества»¹.

¹ Цитата Карла Петерса у Хокинса (1997: 204).

Так как же это связано с более современным определением империализма, которое я привожу в ячейке 4? Обращаясь к утверждению, что англосаксонская гегемония является одной из форм либерального империализма, интересно отметить, что в то время как Джилпин отвергает такое утверждение, другие защитники явно приравнивают гегемонию к благородным проектам либерального империализма. Майкл Игнатьев относит гегемонию США к категории «облегченной империи»¹ и видит в ней жизненно важную и благородную нравственную цель обеспечения мирового порядка и прогресса. Найл Фергюсон заинтересован в первую очередь в том, чтобы вытащить «Е-Ворд» (Империю) из шкафа и растворить его в американской гегемонии — как он делает это с британской гегемонией девятнадцатого века — с благородной либерально-имперской целью, показывая США в качестве последней надежды на сохранение цивилизации и мирового порядка². Другие, такие как Роберт Каган, Чарльз Крауфаммер и Збигнев Бжезински вторят Джилпину, называя это гегемоном или «Бегемотом с совестью», но, по сути, выступают в защиту той же либерально-имперской политики, к которой призывают Фергюсон и Игнатьев. И все же ирония, как я объясняю в главе 8, заключается в том, что Джилпин открыто приравнивает гегемонию к благородной миссии воспитания, которая лежит в основе практики Британской империи. Несмотря на иронию, мы видим, что один и тот же феномен одни защитники гегемонии называют «либеральной империей», а другие — антиимпериалистической «гегемонией».

В целом, я утверждаю, что то, что определяет американскую гегемонию как «нео-империализм» или либеральный империализм, — как это воплощается скорее в теории, а не практике, — то, что, вмешиваясь в дела других государств она не обязательно стремится усилить свой собственный национальный интерес за счет других, но, прежде всего потому, что она активно навязывает культурные преобразования не-западных

¹ Игнатьев (2003a, 2003b, 2005).

² Фергюсон (2002, 2004), см. также Мэллаби (2002).

государств к Западному стандарту цивилизации. Именно эта интервенционистская ассимиляция, — которая намеренно лишает идентичности Восточные общества с тем, чтобы изменить их конфигурацию по более «прогрессивному» Западному образцу — может быть определена как ключевой аспект империализма и нео-империализма. Но в свою очередь, то, что в первую очередь лежит в основе этой ассимиляции и является, пожалуй, ключевым свойством, которое связывает современную нео-империалистическую теорию с большей частью традиционных прототипов (представленных в ячейках 2 и 3) — это идея международного патернализма.

Обращаясь теперь к рассмотрению ячеек 5 и 6, я утверждаю, что данные ученые видят в международном патернализме дискурс благотворительности, а не эксплуатацию или угнетение, где переходный субъект действует «от имени» слабого/низшего объекта таким образом, который, якобы, недоступен для последнего. То, что практика такого вмешательства может иметь негативные непредвиденные последствия, к делу не относится. Большинство современных нео-империалистических теорий вызывают именно такие рассуждения, возвращаясь к либеральным мыслителям периода до 1945 года, которые приводили доводы в пользу мягкой миссии воспитания на том основании, что только Запад может и должен поднять низшие народы/общества (и это Бремя Белого Человека). Та же логика лежит в основе большинства современных либеральных теорий МО, так, например, в «Законе народов» (1999) Джона Ральфа, где он говорит о патерналистской «обязанности помочь» Третьему миру и «неблагополучным обществам» (или «диким обществам», как говорили в девятнадцатом веке). Во всех случаях ожидаемым результатом, в теории, по крайней мере, является улучшение благосостояния объектов вмешательства.

Таким образом, чтобы подвести итог этого обсуждения, из чего же состоит империалистическая теория, стоит отметить, что предположения о формальном территориальном контроле не являются обязательными, учитывая, что, как справедливо

утверждал Найл Фергюсон (2002, 2004) вслед за Галлахером и Робинсоном (1953), империя может выражаться как формально, так и неформально. Но, как я объясню ниже, многое зависит от того, как определяется неформальный империализм. На данный момент, тем не менее, в завершение я бы хотел отметить, что империалистическая теория может обозначать эксплуатационный и/или репрессивный способ вмешательства, осуществляемого через формальный либо через неформальный контроль, хотя в рамках большинства теорий МО она опирается на понятие интервенционистского патернализма; дискурс, который связывает теории Хобсона, Рейнха и Вильсона до 1945 года с теориями Роулза, Тезона и Нуссбаума после 1989 года. Таким образом, если читатель согласен с этим определением, то две последние категории (ячейки 5 и 6) могут быть приняты в качестве примеров империалистических/неимпериалистических теорий. Это определение империалистической теории логически перетекает в мое определение анти-империалистической теории, где последнее отрицает то, что является, с его точки зрения, высокомерной патерналистской политикой имперского вмешательства. Это верно для анти-империалистических теорий, созданных до 1945 года Спенсером, Самнером, Джорданом и Блэром, находящихся на стороне научного расизма, как и анти-патерналистские евроцентристские теории Смита и Канта. Таким образом, тема «патернализм против анти-патернализма» является одной из ключевых разделительных линий между империалистической и анти-империалистической теорией, особенно в либерализме (как я продемонстрировал это в своей работе). Это определение может расцениваться как обоснованное лишь некоторыми мыслителями, однако оно совсем не приживется среди постколонистов, которые настойчиво полагают, что все евроцентристские теории по своей сути империалистические. В сущности, евроцентристские ученые, как правило, охватывают довольно узкое определение империализма, которое приурочено к вопросам принудительной эксплуатации и в значительной степени, хотя и не исключительно, формаль-

ной территориальной концепции; ученые, работающие в стиле постколониализма, напротив, используют широкое определение, в котором сделан акцент на неформальном империализме.

Хотя я остановлюсь на этом более подробно в главе 3, все же полезно сделать некоторую оговорку, чтобы акцентировать внимание на моем определении анти-империализма и обозначить разделительную линию между империалистической и анти-империалистической теорией. Хотя некоторые постколониальные ученые могут согласиться с моим утверждением, что и Адам Смит, и Иммануил Кант отрицали формальный империализм, тем не менее, они подвергнутся различным обвинениям в дискурсивном неформальном суде империализма, три из которых представлены здесь. В первом утверждается, что оба мыслителя считали, что все не европейские страны должны, а у Канта обязаны, принять западные цивилизационные практики — особенно, либерально-демократический капитализм. Тем не менее, я считаю, что желание или даже предписание не европейским обществам стать европейскими в конечном счете предает скорее евроцентризм, чем империализм; оба они полагали, что не европейские общества смогут естественным образом превратиться в западную капиталистическую демократию по своей собственной воле, но если последует вмешательство со стороны Запада, то развитие будет подорвано. Второе неформальное империалистическое обвинение критикует Кантовскую/Смитовскую поддержку расширения торговли, особенно свободной торговли с не европейскими странами на том основании, что это эксплуатирует восточную экономику. Но они оба отвергали любые типы торговли, которые основываются на неравном обмене и, в случае Канта, европейцы не должны торговать с не европейцами, пока первые не предоставят формального согласия в первую очередь. Итак, мы неминуемо переходим к третьему неформальному империалистическому обвинению, которое утверждает, что империализму присущ капитализм, что вынуждает не западные

общества принять капиталистический способ развития; положение, которое соответствует критике марксистов, в особенности, концепции Льва Троцкого (1967) «неравномерного и смешанного развития». Так, любой, кто поддерживает капитализм, обязательно является империалистом, поэтому только радикальные критики капитализма могут считаться настоящими анти-империалистами. В подобной формулировке проблемы можно обнаружить три особенности: во-первых, порог определения империалистической теории снижается практически до нуля, поскольку большинство теорий МО поддерживают капитализм в том или ином виде; во-вторых, некоторые радикальные марксистские критики капитализма выступают за цивилизаторскую миссию (в первую очередь Маркс и Энгельс) и поэтому даже большинство марксистов, которые не делают этого, так или иначе являются евроцентристами (включая Троцкого). В-третьих, самым главным является то, что такой подход проблематичен, поскольку создает логическое обоснование, которое не подразумевалось самим автором; этот ключевой момент заслуживает дальнейшей разработки.

Вместо того чтобы изучать теории МО посредством того, что можно назвать «интерпретативным приписыванием» — поиск в тексте автора скрытой империалистической политики, которой он сам не подразумевал — я намерен изучить тот смысл, который, как я полагаю, он или она хотели вложить. Конечно, я полностью согласен, что существует целый ряд возможных интерпретаций того или иного текста. Но я не собираюсь приписывать определенное обоснование идеям конкретного автора. Например, как я думаю, Кант испытал бы чувство недоумения от того, что он является империалистом, поскольку считает, что либеральный капитализм и демократия являются высшими формами социального и политического воплощения, поэтому все общества должны принять их. Кант и Смит очень удивились бы, если бы узнали, что защита капитализма присуща империализму, поскольку является структурой власти, вынуждающей не западные общества перенимать западные

образцы развития или рисковать военным положением (как в троцкизме); они не смогли бы опознать подобной концепции капитализма. Но если бы они настаивали на то, что капитализм должен активно навязываться колониальной властью или, если бы они были живы сегодня, МВФ/ГАТТ/ВТО, то это вполне соответствовало бы установленному порогу империализма. То, что никто из них не пошел дальше является результатом антиимпериалистического подхода.

Чтобы справиться с проблемой интерпретативного приписывания, я установил свой собственный разработанный порог империализма, насколько это было возможно, на уровне, который соответствовал бы всем представлениям авторов таким образом, чтобы никто из них не нашел повода для оспаривания данного определения. Иначе говоря, если бы я разработал более низкий порог, то гораздо больше мыслителей, о которых я говорил в данной работе, как я подозреваю, тут же отвергли его, если бы были живы в наши дни. Таким образом, в этой ситуации стоит указать на мое утверждение, сделанное в 8 главе, что гегемонистская стабильность теории влечет за собой империалистическую и нео-империалистическую политику, несмотря на то, что Джилпин открыто отвергает подобное заявление. Но я делаю подобный вывод не с помощью интерпретативистского приписывания, а в соответствии с логикой теории, которая недвусмысленно выражается самим автором. Так, открытое выступление за необходимость гегемона (как это было в Британской Империи девятнадцатого века), чтобы установить мир и активно навязать в восточных обществах культурные ценности западных стандартов цивилизации, отвечает моему установленному порогу империализма. Как я считаю, это, скорее, соответствует стилю намерений теоретиков, чем тому, что может быть приписано экспансивному постколониальному определению. Конечно, еще предстоит выяснить, удовлетворит ли это моих постколониальных читателей. Но в любом случае, я раскрыл все карты сейчас, поскольку мы находимся еще в стадии начала долгого путешествия в евроцентристское сердце темного подземного мира теории международных отношений.

Димитрис Константакопулос

**САМОУБИЙСТВО ЕВРОПЫ: ТРИУМФ
ИМПЕРИИ ЛЛОЙДА БЛАНКФЕЙНА,
ИЛИ КАК ГЕРМАНИЯ УНИЧТОЖАЕТ
ГРЕЦИЮ, ЕВРОПУ ... И ГЕРМАНИЮ
(ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ГРЕЧЕСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА)**

Греция находится на грани бунта или революции. Взрыв неминуемо произойдёт, если правительство продолжит отказываться от досрочных выборов, проведения которых требует сейчас вся страна. Рынки готовятся начать еще более ожесточённую атаку на Италию. Усиливается напряженность в Восточном Средиземноморье, грозящая перерасти в вооружённый конфликт с участием двух действующих членов Евросоюза, одного государства-кандидата, а также Израиля. В свою очередь Берлин, пытаясь урегулировать европейский кризис, повторяет те же стратегические ошибки, которые привели его к поражению в обеих мировых войнах. Единственное отличие заключается в том, что в XX столетии конфликт носил вооружённый характер, теперь же мы находимся перед лицом тотальной финансовой войны.

Германия имеет редкую возможность вновь стать «нормальной» державой, превратиться в политического и экономического защитника Европы от Рынков, в Доброго и Демократического «гегемона» на континенте, направив свои силы на реализацию радикально реформированного Европейского проекта. Вместо этого она его разрушает, подливая масла в огонь межъевропейских долговых и политических войн. Германия вновь становится

заложницей чрезвычайно узкого, местечкового и примитивного национализма, который в прошлом уже не раз уничтожал немецкий народ. Действуя таким образом, она рискует проиграть свое «третье Ватерлоо» за два столетия и испытать поражение более тяжкое, чем в 1945 г. Не так уж много времени осталось до исторического проигрыша Европейской идеи, распада ЕС и глобального экономического кризиса, который окажется серьезнее «великой депрессии» 1929 г. и будет иметь катастрофические последствия для Европы, мира и самой Германии.

Используя системный подход, мы легко можем обнаружить в том, как развиваются кризисные процессы внутри Евросоюза и мировой экономической архитектуры, некоторые из тенденций, приведших в свое время к стремительному самоисчезновению советского строя (столь же «закрытого», как и современная монетаристская, неолиберальная европейская и глобальная модель). Реакция европейских лидеров на кризис очень напоминает поведение М. Горбачёва, который дестабилизировал жизненные структуры и функции вверенного ему государства, не имея чёткого представления о том, что должно прийти им на смену. В отличие от Коммунистической партии Китая Горбачёв широко заимствовал и легитимировал западные ценности и активно использовал их во внутривнутриполитической борьбе, тем самым? разрушая «образ врага» - сердце советской системы. То же самое мы сейчас наблюдаем в Европе. Наш «режим» основан на представлениях о естественности «свободы, процветания и демократии». Он не выживет, если продолжит и дальше уничтожать целые социальные группы ради того, чтобы обеспечить максимизацию прибыли банков и выплатить огромные объёмы накопившегося долга.

В данной статье предпринята попытка проанализировать различные финансовые, политические, идеологические, национальные и геополитические факторы, способствующие развитию дестабилизационных процессов в Евросоюзе. Автор предлагает прибегнуть к сочетанию двух, на первый взгляд

противоположных, интерпретаций, одна из которых постулирует хаотическую природу финансового кризиса, в то время как вторая рассматривает каждую его стадию как часть проекта «Империи финансового капитала» по преобразованию Европы и всего мира в соответствии со своими интересами и глобальным видением. Особое внимание уделяется немецкой политике, поскольку на текущий момент Германия остаётся единственным государством в Европе, которое стремится проводить общеевропейскую линию. Другим реально действующим лицом является Греция, превратившаяся в экспериментальную площадку для установления на континенте нового социально-экономического порядка. Кроме того, греческое правительство под непосредственным контролем центров мирового финансового капитала выступает настоящим «агентом хаоса» в европейских делах.

Мы находимся в решающей точке европейской и в особенности немецкой истории. В ход запущены те же зловещие механизмы, которые действовали в Европе перед обеими мировыми войнами. Они проявляют себя не в военной, а финансовой сфере (по крайней мере, пока), однако грозят обернуться не менее катастрофическими последствиями. На карту поставлены европейское благополучие, демократия, цивилизация — всё, чего мы смогли добиться после 1945 г. Германия из-за антикризисной политики своего руководства рискует испытать экономическое, политическое, геополитическое, моральное и стратегическое поражение, сопоставимое с разгромом во Второй мировой войне.

Мы не в состоянии в полной мере осознать новую ситуацию. Наш образ мышления всё ещё основывается на фактах и реалиях периода 1945 — 2008 гг. Аналогично европейцы были потрясены, когда разразилась Первая мировая война: мысленно они пребывали в *Belle Époque* (1), в реальности давно перешагнув в новую эру Войн и Революций, охарактеризовавших первую половину XX столетия. «Мы не будем платить за греков», — гово-

рят немцы, точно так же, как когда-то в схожей ситуации французы заявили: «Мы не будем умирать за Данциг» (2). Однако «убийство» Греции может привести к тем же последствиям, что и гибель эрцгерцога Фердинанда в Сараево в 1914 г.

Долговой кризис стремительно разрушает политический фундамент не только Европейского союза, но саму идею европейской интеграции. Против Греции и других стран так называемой группы PIIGS (3) ведётся информационная война, которая напоминает психологические кампании в отношении неприятелей или государств-изгоев вроде Ирака и Сербии. На практике подобные медиа-нападения, как правило, предваряли военную агрессию в адрес указанных государств. В случае с Грецией они быстро превратили страну — члена еврозоны в финансовый аналог Ирака и предшествовали спекулятивным атакам.

Сегодня, по прошествии двух лет, саммиты ЕС демонстрируют всё меньшую эффективность и всё больше напоминают боксёрские матчи. Отношения между Германией, Францией, Великобританией и Италией напряжены как никогда. «Европейский» центральный банк стремится исключить из программы «реструктуризации» греческого долга обязательства, купленные им на вторичном рынке по очень низкой цене, — то есть спекулирует и зарабатывает на бедственном положении страны — члена ЕС! Рядовые немецкие граждане заявляют о нежелании своим тяжким трудом оплачивать долги греческих «обманщиков», не подозревая, что греки работают гораздо больше, чем немцы. В любом случае немецкие деньги поступают не Греции, а крупнейшим международным банкам, которые и есть настоящие обманщики. Премьер-министр Болгарии выражает удовлетворение распадом греческого общества, напоминающим ему разрушение болгарского социума с падением коммунизма. Сами греки всё чаще обвиняют немцев в том, что они ведут себя, как во время Второй мировой войны, а именно разоряют и грабят их страну. Многие говорят о Четвёртом рейхе и вспоминают ЕАМ — легендарный Фронт

национального освобождения, действовавший в период с 1941 по 1944 гг. и бывший одним из наиболее заметных движений сопротивления во всей Европе. Что всё это значит? А то, что менее чем через два года после начала европейского долгового кризиса финансовые, политические и идеологические предпосылки для уничтожения всего Европейского проекта окончательно созрели. Новая «Империя финансового капитала», нацеленная либо на установление контроля над Европой, либо на её уничтожение, уже располагает необходимыми средствами для реализации своих устремлений. Европейские нации винят в кризисе друг друга, вместо того чтобы обратить гнев на его главную причину — мировые банки и совершенно нерегулируемую глобальную финансово-экономическую систему.

Немецкая дилемма

Впервые за последние восемьдесят лет Германия держит в руках ключ от судьбы Европы, её демократии и цивилизационного наследия. Тем не менее, она не сможет хранить его долго и, кажется, не знает, что с ним делать. На какой-то момент немцы скооперировались с «рынками» против Греции. Они использовали их как своего рода «полицию Маастрихта» (4) с целью «наказать» греков и призвать к порядку других европейцев, не осознавая, какую чудовищную цену им придётся заплатить за союз с дьяволом (вспомним Фауста). С экономической точки зрения они разорвали Грецию на куски, как Сталин и Гитлер — Польшу в 1939 г. Германия в настоящий момент так же переоценивает себя и собственную хозяйственную мощь, как на протяжении первой половины XX столетия — военную силу. Берлин полагает, что способен играть с Рынками в своих интересах. То же самое Даладьё, Чемберлен или Сталин думали про Гитлера.

Между 1939 — 1941 гг. Гитлер подмял под себя всю Европу, которую он пытался объединить и дисциплинировать, прежде чем устремиться к главной цели — завоеванию России и свержению большевизма. Однако по существу гитлеровский проект

являлся отражением местечкового, узкого и насильственного немецкого национализма. Германия так и не поняла своего великого теоретика Войны, уроженца Пруссии, Карла фон Клаузевица, который справедливо связывал победы Наполеона с силой лозунгов Великой французской революции. Наиболее устойчивыми и успешными являются те гегемонии, которые основываются на общих идеях и, кроме того, имеют в запасе «пряник» для управляемых наций. Таково было господство США и СССР, покоившееся, соответственно, на представлении о «независимом, свободном и успешном индивиде» и «социализме». Такова же была власть Евросоюза — пока он опирался на мечту о «всеобщем благосостоянии и свободе».

Гитлер не сумел покорить Великобританию и дорого заплатил за нападение на Грецию. Он мог бы победить в войне с Советским Союзом, однако к моменту её начала в 1941 г. драгоценные энергия и время были потеряны. Ангела Меркель поступает так же. Она пытается наказать греков и дисциплинировать остальных европейцев и только потом заняться проблемой Рынков от имени всего ЕС, рискуя при этом разрушить весь политический капитал Германии в «единой Европе».

«Полиция» в лице Рынков и МВФ, которых Германия сама же охотно пригласила и с которыми сотрудничала, не просто «наказала» предполагаемого греческого «преступника». Она его в буквальном смысле уничтожила и теперь атакует одну за другой страны Европы, и даже США. Это доказывает, что Греция — не исключение, а предельный случай, и позволяет увидеть и понять действие фундаментальных механизмов. На протяжении вот уже двух лет все занимаются греческим вопросом, однако единственным результатом этих усилий является увеличение громадного долга страны и беспрецедентное разрушение её экономики и общества.

Внутри системы решения нет

Немецкие и европейские политики пытаются найти решение, однако любые шаги, которые они предлагают и согласовывают,

очень быстро оканчиваются неудачей, подтверждая, что проблема носит системный характер. Иными словами, она не может быть урегулирована в рамках существующей политической и экономической глобально-либеральной модели, характеризующейся аккумуляцией огромной власти в руках финансовых «воротил» и полной дерегуляцией финансового и других рынков, а по сути — всякой экономической и торговой активности. Мы разрушаем Европу, приближая наступление мирового кризиса, ещё более тяжёлого, чем в 1929 г.

Финансовое чудовище, созданное нами за последние сорок лет, — мировая «Империя денег» — в настоящий момент уничтожает наши государства, нации и культуру. До тех пор, пока поиски решения проблемы не будут нацелены на её главный источник, кризис продолжит углубляться, подвергая опасности само существование не только Европейского союза, но и всей европейской цивилизации, государства благосостояния, демократии — словом, всего того, чего европейцы смогли добиться после 1945 г. Попытка выплатить гигантские долги, накопленные банками и другими финансовыми институтами, приведёт либо к разрушению европейского общества и превращению граждан в своего рода пожизненных рабов, либо к новым масштабным войнам, либо к ускоренной деградации окружающей среды — фундамента нашего существования.

История ставит немцев перед драматической стратегической дилеммой. Сегодня у них есть реальный шанс снова стать «нормальной» нацией, выйти из той психической «тюрьмы», в которой они оказались после поражения во Второй мировой войне благодаря самим себе и своим победителям (5). Чтобы это произошло, Германия должна взять на себя лидерство в борьбе европейских стран за установление контроля над финансовым чудовищем, угрожающим их обществу, демократии и цивилизации. Она должна возглавить титаническую, чрезвычайно трудную, но абсолютно необходимую работу по кардинальной смене экономической парадигмы — если мы действительно хо-

тим спасти наш континент от тоталитарной силы так называемых Рынков. Необходимо радикально реструктурировать европейский долг, запретить или хотя бы ввести жёсткий надзор за операциями с CDS и другими деривативами, создать реальную, а не спекулятивную модель экономики, обратившись к кейнсианству, той или иной форме протекционизма и регулированию. Необходимо произвести масштабное перераспределение доходов и богатства. Необходимо учредить европейское правительство (а не правление), которое, однако, должно быть демократическим и удовлетворять социальным и экологическим целям, а не просто гарантировать стоимость денег, как Маастрихтский договор. Необходимо заключить Новый Договор, а для этого нужны политические лидеры, которые обладали бы смелостью и мастерством Франклина Рузвельта, Уинстона Черчилля или Шарля де Голля. Только так можно преодолеть текущий кризис и спасти Европу.

Другой путь для Берлина — продолжать делать то, что он делает, с тем чтобы ускорить разрушение ЕС, оттолкнуть от себя большинство его членов и таким образом собственными руками заложить основы для подчинения «Империи денег» всего континента, включая в конечном итоге и саму Германию. Эта страна, безусловно, обладает важными относительными преимуществами и сможет какое-то время протянуть без остальных европейцев, но что она будет представлять собой как единица мировой политики через двадцать лет в сравнении с Индией и Китаем? Какой «мягкой» (не только «экономической») силой будет она обладать на фоне ужасных политических и идеологических последствий тотального уничтожения Европы, случившегося под её руководством? Такой исход на деле означал бы экономическое, моральное, политическое и стратегическое поражение Германии, горшее, чем то, которое она испытала во Второй мировой войне. Ни больше, ни меньше.

Империя против Германии

Первый генеральный секретарь НАТО лорд Исмей выразил цель Североатлантического альянса известной формулой: «Держать американцев в (Европе), немцев — под (контролем Европы), русских — вне (Европы)». Британская империя передала бразды правления США, власть которых основывалась на сочетании финансового могущества и мощи американского оружия. СССР совершил самоубийство. Однако имперское «ноу-хау» остаётся неприкосновенным. Меняются способы и объекты подчинения, но не главные цели. В настоящий момент повышенного внимания, скорее всего, заслуживает уже не генсек НАТО, а президент «Голдман и Сакс» Ллойд Бланкфейн, который однажды заявил: «Я делаю работу Бога» (6).

В 2008 г. Бланкфейн не мог поскользнуться. Он всё спланировал заранее, но, тем не менее, не был уверен в том, что события станут развиваться в нужном направлении. Полсону (7), его человеку, пришлось буквально умолять конгрессменов спасти Банки. Сегодня, по прошествии трёх лет, Ллойд и компания, вероятно, смеются над немцами и европейцами, Меркель и Саркози или даже Обамой, которые униженно пытаются «успокоить рынки». Он и его коллеги не только сумели сохранить и расширить свою империю и её фантастические прибыли, но и переложить на государство собственные потери, спровоцировав таким образом кризис суверенных долгов. Теперь они считают себя в праве «регулировать» размер национальных бюджетов и уровень социальных расходов и инвестиций в Европе и США, а также решать, сколько членов должен иметь Европейский Союз и продолжит ли он своё существование!

Один из людей «Голдман и Сакс» назначен главой «Европейского» центрального банка (8). Другой — Отмар Иссинг (Otmar Issing) — в немецком издании Financial Times по сути ставит европейцев перед дилеммой: или трансформировать ЕС в соответствии с требованиями Рынков или смириться с его постепенным разложением. Тот же Иссинг, который неизвестно с какой

статьи считается в Германии крупнейшим авторитетом в вопросах монетарной политики, в другой статье в марте 2010 г. объяснял, почему Европе не следует помогать Греции. В тот раз он скрыл, что является платным консультантом «Голдман и Сакс». Указанный банк, будучи советником греческого правительства, организовал в сентябре 2009 г. спекулятивную атаку на Афины, не усматривая в этом никакого конфликта интересов.

Финансисты вроде Иссинга или Джорджа Сороса — вот кто теперь на страницах европейских газет обсуждает будущее континента, давшего миру основополагающие идеи нового времени во всех сферах жизни и знания. (Сорос в своё время сорвал вхождение Великобритании в Европейский валютный союз за счёт спекулятивной атаки — предвестницы той войны, которая ведётся в настоящий момент финансовой империей в отношении всей Европы.) Вот во что превратилась Европа Канта и Вольтера, Маркса и Ницше, Робеспьера и Гарибальди, Сартра и Гёте, французской революции, немецкого романтизма или социализма. Сорос, Иссинг, «Голдман и Сакс» или же такие персонажи, как Баррозо (!), определяют судьбу европейской цивилизации, то есть как именно они её разрушат.

«Дружеский» совет Сити, или имперская ловушка для Берлина

В конце сентября лондонская *Financial Times* (рупор финансистов Сити) опубликовала необычайно откровенную редакторскую статью с призывом к ЕС, ЕЦБ и МВФ не выделять Афинам шестой транш ранее согласованного пакета помощи. При этом газета поясняла, что у Греции нет никаких международных финансовых обязательств, которые необходимо погасить до конца текущего года, и что непоступление средств приведёт «лишь» к неспособности греческого правительства выплачивать зарплаты и пенсии. (Столкнувшись с угрозой прекращения финансирования, греческий кабинет впал в панику и начал приносить в жертву практически все социальные классы в стране. Это происходило под пристальным наблюдением «тройки» ЕС,

ЕЦБ и МВФ, на практике действующей как высокопоставленный экономический убийца).

Англосаксы постигли национальный характер греков и немцев, которых они неоднократно побеждали, гораздо лучше, чем те знают самих себя. Финансисты Сити хорошо представляют, что произойдёт, если их совету последуют — как, собственно, сейчас и происходит. Греческая катастрофа будет ускорена, позиции Афин и Европы ослабнут настолько, что они уже не смогут противостоять внешнему давлению. Также весьма вероятно, что происходящее рано или поздно подтолкнёт греческое население к бунту или революции, причём не только против собственного правительства, но и Германии и ЕС в целом. Можно обвинять греков в чём угодно. Тем не менее, именно они осуществили вторую по значимости (после французской) европейскую революцию, именно они созвали учредительное собрание в 1822 г. — когда Наполеон уже был побеждён, а всеми делами в Европе заправлял «Священный Союз», подавлявший любое сопротивление. Кроме того, именно они организовали наиболее мощное, принимая во внимание численность населения страны, движение сопротивления в период Второй мировой войны.

Финансистам Сити отлично известен и немецкий характер. Они знают, что немцы любят дисциплину так же, как греки — бунт. Они уверены, что Берлин ответит на греческие беспорядки самым жёстким, негибким и неполитическим образом. У Германии и ЕС, наверное, есть в запасе политические и экономические инструменты для того, чтобы усугубить греческую катастрофу, которую они сами же спровоцировали во взаимодействии с правительством Греции. Но у них точно нет средств избежать финансовых и, что более важно, ужасных политических, идеологических и геополитических последствий уничтожения небольшого и в то же время наиболее исторически значимого государства в Европе. Они в состоянии это сделать и, вероятно, сделают, приблизив таким образом собственную гибель. И если американцы в контексте своих приключений на

Ближнем Востоке говорили о «законе непредвиденных последствий», то применительно к ситуации Европе придётся ввести новый «закон асимметричных результатов».

Идее политической интеграции Европы будет нанесён смертельный удар. Уже сейчас внутриевропейская атмосфера достаточно отравлена. И «богатые» и «бедные» государства протестуют против оказания «помощи» Афинам, не осознавая, что помогают отнюдь не Греции, а банкам, которые на ней спекулируют и её уничтожают. Каждая нация в Европе стремится заниматься только собой. Во Франции, которая всегда служила политическим барометром континента, фашистский «Национальный Фронт» во главе с Марин ле Пен стал уважаемой политической фигурой. Фундаментальные аксиомы, на которых зиждились послевоенные процветание, мир и демократия в Европе, стремительно разрушаются прямо на наших глазах.

Когда катастрофа произойдёт и пыль осядет, европейцы начнут винить в случившемся друг друга и прежде всего Грецию. Немецкие и прочие европейские лидеры, вероятно, возложат ответственность за все свои беды на греков и используют ситуацию как предлог для навязывания драконовской социально-экономической политики у себя в стране и на всём континенте. Греки, увидев, как их отвергает та самая Европа, в чью сторону они были обращены на протяжении двух с половиной веков, будут крайне разочарованы. Они обрушат своё негодование не столько на безличные рынки, сколько на ЕС и особенно Германию, которая вот уже второй раз за столетие разрушает их страну. Они вспомнят, что немцы так и не выплатили военные репарации и даже не вернули золото, похищенное из греческого Центробанка. Они заново поднимут дела Siemens и других европейских фирм, массово подкупавших греческих политиков. *International Herald Tribune*, *Time* и даже *Financial Times* будут публиковать очень подробные сообщения о случаях голода в Афинах или же аналитические материалы с доказательствами того, что европейцы не в состоянии сами решать свои проблемы.

Последствия ясны. Во-первых, зрелище греческой социальной катастрофы будет использовано для убеждения европейских граждан в необходимости согласиться на те зарплаты и пенсии, которые будут им назначены правительствами с разрешения банков. Во-вторых, за пределами Германии все придут к одному и тому же выводу: «Немцы не изменились. Им нельзя доверять». Таким образом сработают те же фундаментальные психологические и идеологические механизмы, с помощью которых Империя после войны осуществляла господство над Германией и Европой и «разделяла и властвовала» на континенте, несмотря на его значительные экономические, социальные и интеллектуальные достижения. Большая ирония Истории заключается в том, что немецкий национализм в очередной раз «похоронит» немецкие национальные интересы.

Давайте вспомним 1956 г. Советский Союз всё ещё пользовался огромным влиянием в Европе благодаря той роли, которую он сыграл в победе над Гитлером. Никита Хрущёв пытался реформировать страну изнутри, с тем, чтобы избавиться от ужасного наследия сталинизма. Революция в Венгрии была спровоцирована внешними силами, которые заверили Будапешт в поддержке со стороны Запада. В результате венгры вышли из Варшавского договора, чего Москва допустить категорически не могла. Советские танки не только подавили венгров, но и уничтожили советский авторитет в Европе, западноевропейское коммунистическое движение, а также шансы на успешное преобразование самого СССР, заложив основания для его распада спустя десятилетия. К слову, Израиль воспользовался событиями в Центральной Европе для развязывания очередной войны на Ближнем Востоке.

Теперь поставьте на место Советского Союза — Европейский Союз, на место России — Германию, на место Венгрии — Грецию, а на место танков — CDS, и вы получите вероятный сценарий ближайшего будущего. Так же, как в 1956 г., европейские долговые войны сейчас отвлекают наше внимание от

событий, которые происходят и ещё произойдут на Ближнем Востоке. Кстати сказать, стравливание европейцев друг с другом — классический приём, с помощью которого неевропейские державы оказывались способны доминировать над континентом на протяжении XX столетия. В предыдущем веке это достигалось военными, а в нынешнем — финансовыми средствами.

**Рынки выдвигают «ультиматум» Европе:
подчинись или исчезни**

Ограниченность размеров статьи не позволяет дать подробный анализ стратегии поведения рынков в отношении Европы. Правда в том, что мы склонны признавать полуавтоматический характер рыночных механизмов и видеть в банках и других финансовых институтах обычных экономических акторов, заинтересованных главным образом в получении прибыли. Однако они таковыми не являются. За почти нерегулируемым функционированием рынков мы не различаем очень узкую группу владельцев капитала, способных катализировать рыночные события и управлять ими. Мы забываем, что десять крупнейших мировых банков способны мобилизовать средства, сопоставимые с общим объёмом национальных долгов. То есть они обладают такой же финансовой властью, как все государства вместе взятые!

Частные финансовые структуры являются стратегическими игроками. Они представляют собой сильнейшую концентрацию денежного могущества и международного политического влияния, когда-либо известную миру. С помощью деривативов они даже сумели частично присвоить одну из главных функций государства, а именно денежную эмиссию. Им присущ имперский уровень стратегического планирования. Наши государственные деятели не имеют ничего, хотя бы отдаленно похожего, не говоря уже о том, что они находятся в зависимости от владельцев капитала. Единственная слабость этого «Государства в государствах» — отсутствие легитимности и военной силы, из-за чего

ему приходится полагаться на американские ВС и ВПК. Они мыслят радикально, мы — консервативно. Они управляют самим процессом трансформации системы, в то время как мы пытаемся отреагировать на всё возрастающую неуправляемость последней. Они склонны к долгосрочному планированию, а мы заняты сиюминутными делами и подготовкой к очередным муниципальным или национальным выборам. Они обладают целостным видением, мы же наблюдаем только маленькие части общей картины. Вот почему они выигрывают.

Доклады Вулфовица (9) или Джереми (10), определившие стратегию США после Холодной войны и заложившие фундамент последующих конфликтов на Ближнем Востоке, представляют собой наглядный пример имперского мышления, позволяющий, помимо прочего, понять, как думают и действуют нынешние «ленинисты от рынков». Финансовая атака на Грецию по сути следует той же стратегической логике, что и нападение на Ирак, — это краеугольный камень, начало радикального переформатирования мироустройства.

И Вулфовиц, и Джереми фактически постулируют, что Империя не должна ждать, пока «угрозы» её доминированию приобретут видимую форму. Необходимо действовать проактивно, с тем чтобы заблаговременно предотвратить появление полюсов силы, способных бросить вызов глобальному американскому господству. Превращение Европейского Союза в самостоятельное политическое целое создаст опасность для геополитической монополии Империи. Утверждение евро в качестве мировой резервной валюты подорвёт один из столпов могущества США и возможность дальнейшего финансирования американской экономики.

Кстати об экономике. Рынки лучше, чем кто бы то ни было, знают о приближении второго, ещё более мощного, финансового цунами. Вместо того чтобы попытаться предотвратить катаклизм, они очевидным образом стремятся направить его в заданном направлении и использовать в собственных инте-

ресах. Они даже обязаны поступать таким образом, поскольку справедливо опасаются, что в противном случае найдётся в конце концов политик, который предъявит им обвинения в развязывании кризиса и потребует выплатить значительную часть долга, а не станет разрушать для этого всё послевоенное здание Европы. Они также знают, что времена потрясений содержат возможность задать ход вещей на десятилетия вперёд. Если они не используют момент к собственной выгоде, то понесут серьёзные, может быть даже смертельные, потери. С их точки зрения, нынешний кризис даёт исторический шанс демонтировать европейское государство благосостояния и демократию и превратить европейских трудящихся в пожизненных рабов, выплачивающих накопленные долги.

Рынки не возражают против того, чтобы Европейский союз функционировал в строгом соответствии с положениями Маастрихтского монстра, превращаясь таким образом в их агента. Чего они не могут позволить, так это преобразования ЕС в своего рода государство, способное их по-настоящему контролировать. Если они решат, что Евросоюз можно с успехом трансформировать в инструмент Империи, то, вероятно, так и поступят. Если нет — активизируют процесс хаотического распада евро и ЕС, с тем чтобы достичь вышеозначенных политических, экономических и социальных целей.

В одной из последних статей *Wall Street Journal* не смог удержаться от выражения откровенного удовольствия по поводу того, в каком направлении развивается европейский кризис. Во-первых, говорится в публикации, нанесён смертельный удар опасной мечте о создании европейского супергосударства. Во-вторых, продемонстрирована слабость евро. В-третьих, возникла поистине историческая возможность уничтожить государство благосостояния на континенте и в США.

Рынки ненавидят современный гуманизм, ненавидят сильные государства вообще, а Германию в особенности. В древних Афинах первая «реструктуризация» долгов состоялась

при Солоне и привела к установлению демократии. Протагор выразил сущность этой демократии словами: «Человек есть мера всех денег». Но для «цивилизации» финансов дело обстоит ровно наоборот: «Деньги есть мера всех людей». Или, если говорить более конкретно, рынки решают всё.

Грядущий греческий бунт

Программа, реализуемая сейчас в Греции ЕС, ЕЦБ, МВФ и «греческим правительством», в большей степени отвечает интересам семьи Ротшильдов, а не греческого народа и не оставляет грекам иного выбора, кроме бунта (даже без провокаций со стороны редакционных колонок FT). Она равносильна экономическому и социальному геноциду и уже разрушила основы парламентской демократии в стране. Благодаря европейской и международной «помощи» греческая экономика стремительно падает, и темпы этого падения быстрее, чем у Веймарской республики накануне прихода к власти Гитлера. Все социальные классы, за исключением очень тонкой прослойки сверхбогачей, уничтожаются; структура общества трансформируется в сторону типичных латиноамериканских моделей. Средние стандарты жизни и уровень дохода уже снизились вдвое, при этом никакой перспективы стабилизации не просматривается. Социальная сфера и здравоохранение ликвидированы, государство исчезает. Ирония истории, если можно так сказать, заключается в том, что «лечение», прописанное Греции, наносит главный удар по наиболее производительным, трудолюбивым и законопослушным гражданам и таким образом исключает всякую возможность национального возрождения. Большинство молодых, талантливых, хорошо образованных и динамичных людей мечтают об эмиграции. Единственной причиной, по которой мы пока не наблюдаем уличные бои с участием крайне левых и крайне правых вооружённых группировок, служит инерция человеческого разума, редко поспевающего за ходом событий. Нынешнее моральное состояние греческой нации сопоставимо лишь с чудовищной первой зимой немецкой оккупации

1941 — 1942 гг., которая предшествовала появлению крупнейшего в Европе, если принять во внимание размеры страны, движения сопротивления. Греки, особенно в больших городах, сталкиваются уже не просто с бедностью, а с голодом. Как если бы этого было недостаточно, различные международные игроки начинают выступать с предложениями о распродаже всей государственной собственности Греции в целях уплаты части долга и разрабатывают проекты «строительства» нового греческого государства. Похожим образом они разграбили и уничтожили бывшие советские республики и Россию в годы «перехода в никуда» и «шока без терапии».

Силы, которые спланировали, а теперь реализуют умерщвление Греции, вероятно, предпочитают разрушение страны изнутри (имплозию) социальному взрыву. Кажется, этого особенно ждут немцы, которые никогда не видели «смысла в бессмысленности» бунтов и революций. Может быть, они думают, что греки пассивно примут десятикратное ухудшение условий своей жизни, как это произошло ранее в Восточной Европе. Такой сценарий исключить нельзя, однако он маловероятен. У греков совершенно иная политическая традиция, чем у восточноевропейцев. Кроме того, в случае с Грецией нельзя свалить всю вину за происходящее на коммунизм. Конечно, местные чиновники и политический класс насквозь коррумпированы. Но в этом повинны не только они сами, но и многочисленные европейские фирмы вроде Siemens, которые за счёт регулярных взяток десятилетиями эксплуатировали греческий рынок и иногда буквально грабили государственный бюджет.

Быстрое разрушение всех социальных связей и национальных идей, происходящее сейчас в Греции в результате реализации программы ЕС и МВФ, высвобождает ужасные силы, жаждущие проявить себя. Империя это знает. Рассматривая социальный взрыв как наименее желательный из вариантов, она постарается канализировать вырвавшуюся энергию в других направлениях. Это может быть «война» между греками и иммигрантами,

80 — 90 процентов которых пытаются использовать Грецию как транзитные ворота Европы, но в конечном итоге остаются в стране, ложась непомерным грузом на её и без того трещащие по швам социальные структуры. Другое допустимое развитие событий — локальные войны, национализм и фашизм.

Марс встречается с Венерой

Греция — эпицентр не только долгового кризиса. Это уменьшенная копия всех возможных кризисов, несущих угрозу Европе. Греция и Кипр, к несчастью для их народов, расположены в одной из наиболее важных геополитических точек мира, позволяющей контролировать доступ России к «тёплым морям», обеспечение Франции и Германии энергоресурсами Ближнего Востока и связь Израиля с западным миром. Они находятся на пересечении ближневосточной «сферы Марса», европейской «сферы Венеры» и временно пребывающего в упадке славянского мира. Кроме того, Кипр, вероятно, обладает значительными запасами углеводородов. Где, если не здесь, может ещё соединиться взрывная динамика «геополитического и рыночного ревизионизмов», первый из которых проявляет себя на Ближнем Востоке, а второй стремится коренным образом преобразовать в своих интересах порядок, сложившийся в Европе после Второй мировой войны.

В настоящий момент долговые войны в Европе и вооружённые конфликты на Ближнем Востоке развиваются отдельно друг от друга, однако в одинаково взрывоопасном направлении. Но что если они соединятся? Обладает ли Евросоюз хотя бы слабой способностью к урегулированию одновременно и долгового, и геополитического кризисов, или же он рискует быть уничтоженным ещё до того, как кто-нибудь поймёт, что происходит? Взгляните на карту региона. Что вы на ней видите? Ситуацию беспрецедентной после периода 1989 — 1991 гг. нестабильности. Пять стран, испытывающих очень разные, но очень глубокие потрясения (Сирия, Ливия, Египет, Кипр, Греция). При этом между Кипром и Сирией наблюдается не-

бывалая концентрация американских, израильских и турецких вооруженных сил. Здесь же находятся греческие, британские и французские ВМС.

Республика Кипр, реализуя абсолютно законное право, начала в сотрудничестве с Израилем и Noble Energy, работы по поиску газа в собственной исключительной экономической зоне. Данный шаг не понравился Турции, которая направила в регион свои корабли. Всё это способно привести к обострению греко-турецких противоречий по широкому спектру вопросов. Израиль, ища способы расширить сферу регионального влияния за счёт включения в неё Греции и Кипра, предлагает Никосии свой «зонтик безопасности». В результате турецкому флоту в Восточном Средиземноморье теперь противостоит израильская авиация. Таким образом, создаются объективные предпосылки для «ограниченного вооружённого конфликта», который может быть выгоден сразу нескольким международным игрокам с различными региональными и мировыми повестками дня.

«Империя финансового капитала» выбрала Грецию для начала атаки на всю Европу, легитимации вмешательства МВФ во внутриевропейские дела и экспериментального внедрения самой жёсткой в Европе неолиберальной политики. Она, вероятно, захочет использовать Афины и для окончательного разрушения ЕС, а также для опытов по установлению в Европе новых авторитарных режимов. Греческая нация, проживающая на Кипре и в Греции, приближается к ситуации, в которой находилась Польша в 1939 г., когда она оказалась зажата между Германией и Россией. Греки тоже рискуют быть разорванными на части: геоэкономически — Германией и Рынками, геополитически — Израилем и Турцией.

Если случится худшее и в Средиземноморье начнётся «ограниченный вооружённый конфликт», он может служить следующим целям:

А. направление значительной энергии, высвободившейся в результате уничтожения греческого общества, в сторону внешнего врага и легитимация авторитарного режима в Греции;

Б. дальнейшее вовлечение Кипра и Греции в расширенную сферу влияния Израиля наряду с Болгарией, Румынией и другими, более крупными, членами ЕС, особенно в случае исключения Афин из Евросоюза или распада последнего. Такое развитие событий полностью нивелирует немецкое и европейское влияние в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье и будет означать геополитическое поражение стратегических масштабов;

В. создание ещё одного механизма «производства кризиса» внутри ЕС, неподконтрольного европейским державам.

Сноски:

1. Belle Époque, или Прекрасная Эпоха — условное обозначение периода европейской истории между 1890 и 1914 гг., характеризовавшегося миром, экономическим и технологическим ростом и расцветом культуры (прим. пер.).

2. «Умирать (ли) за Данциг?» — заголовок статьи французского публициста Марселя Деа, опубликованной 4 мая 1939 г., в которой он выступил против военных гарантий Польше в случае нападения на неё Германии (прим. пер.).

3. PIIGS — уничижительная аббревиатура для обозначения группы европейских стран, первыми столкнувшихся с долговыми проблемами (Португалия, Ирландия, Италия, Греция, Испания). Может быть прочитана как «СВИНЬИ», что, на наш взгляд, представляет собой типичный пример дискурсивного террора (прим. пер.).

4. Имеется в виду Маастрихтский договор, положивший начало Европейскому союзу и определивший основные принципы единой европейской валютной и экономической политики (прим. пер.).

5. Две наиболее образованные в мире нации, немецкая и израильская, вышли из Второй мировой войны с ужасными трав-

мами, которые сделали их заложниками собственного прошлого, а теперь грозят повториться снова. В случае с немцами это результат сознательных усилий держав-победительниц, стремившихся лишить Германию возможности когда-нибудь вновь стать вершительницей своей судьбы. Немцы и израильтяне до сих пор не в состоянии преодолеть дихотомию «жертвы и победителя», переосмыслить произошедшее и уйти от него, вновь став «нормальными» нациями. От того, окажутся ли они на это способны, во многом зависит судьба всей нашей цивилизации.

Гитлеровский режим действительно совершил чудовищные преступления. Однако укоренившиеся в историографии XX века представления о немцах как о «плохой» нации *per se* и израильтянах как жертвах геноцида, за которыми признаются особые права и особый статус, ведут не к преодолению, а к повторению наследия прошлого в новых условиях. Для того чтобы «переварить» собственную историю, обе нации должны найти в себе смелость переосмыслить её в рациональных категориях и перестать считать себя «уникальными» или «особенными».

С немцами обращались как с «очень плохими парнями», что не «излечило» их от стремления к доминированию или мести. Эти черты, по сути, характеризуют подавляющее большинство наций и являются свойствами человеческой, а не специфически немецкой натуры. Объявив немцев «вечно виноватыми», победители вытеснили указанные тенденции вглубь немецкого подсознания, откуда они при любом удобном случае постараются вырваться наружу.

Человеческие существа, как правило, ведут себя с другими так же, как в детстве по отношению к ним поступали окружающие. То, что Германия сейчас делает с Грецией, очень напоминает ситуацию после Первой мировой войны, когда победители фактически уничтожили немцев с помощью Версальского договора. Израильская политика по отношению к палестинцам — символическое отражение нацистских преступлений. Помнится, однажды по пути в Рамаллу

автор этих строк был шокирован, увидев слово «Ахтунг» на израильском пропускном пункте, через который можно попасть на оккупированные территории. В этой местности не бывает путешественников, говорящих по-немецки.

Невозможно преуменьшить чудовищность массовых преступлений Гитлера. Однако мы должны признать, что немцы — не единственные, кто сделал XX век таким, какой он был. Верден предшествовал и, возможно, прямо спровоцировал появление Дахау, а не наоборот. Можно столетиями рассуждать о влиянии романтизма, Ницше или Вагнера на немецкую историю, но неправильно обвинять немцев во всех бедах и злодеяниях прошедшего столетия. Опустошительные бомбёжки городов Германии в конце войны являлись не менее ужасным преступлением, поскольку были обусловлены не военными задачами, а желанием уничтожить немецкую нацию как таковую. Разрушение Хиросимы и Нагасаки также представляет собой пример массового убийства. Демонизация немцев после войны не преследовала никакой иной цели, кроме как скрыть ответственность за произошедшее других держав, и не допустить восстановления суверенитета Германии. Именно поэтому страна, подарившая миру Гегеля и Маркса, Клаузевица и Хаусхофера, в настоящий момент кажется неспособной и не стремящейся хотя бы к элементарному историческому, стратегическому или геополитическому мышлению. По этой же причине немецкий национализм остаётся на столь примитивном уровне развития и даже не осознаёт, что используется против интересов Германии (прим. авт.).

6. Эти слова Бланкфейна цитирует Марк Роше, корреспондент *Le Monde* в Лондоне и автор книги «Банк» (прим. авт.).

7. Речь идёт о Генри М. Полсоне, предшественнике Тимоти Гайтнера на посту министра финансов США. В «Голдман и Сакс» с 1974 г. (прим. пер.).

8. Новый глава ЕЦБ Марио Драги с 2002 по 2005 г. был вице-председателем и исполнительным директором Goldman Sachs International (прим. пер.).

9. В 1992 г. Пол Вулфовиц, будучи заместителем министра обороны США, подготовил для главы ведомства Ричарда Чейни проект доклада, в котором в довольно откровенных выражениях постулировал необходимость закрепления безусловного глобального доминирования США и возможность превентивного применения ими военной силы. Итоговый документ Пентагона был несколько смягчён, однако идеи, высказанные Вулфовицем, легли в основу политики американских неоконсерваторов и впоследствии нашли отражение в доктрине Буша-младшего. Вероятно, речь идёт именно об этом докладе (прим. пер.).

10. Адмирал Дэвид Э. Джеремиа с 1990 по 1994 гг. являлся заместителем председателя Объединённого комитета начальников штабов США (прим. пер.).

Научное издание

Левиафан

Выпуск 5

Контррегеомония и евроцентризм

Центр Консервативных Исследований

119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы,

МГУ им. М. В. Ломоносова,

3-й учебный корпус, социологический факультет

Тел./факс: (495) 939 03 73

E-mail: seminar@socio.msu.ru

www.konservatizm.org

Руководитель Центра — профессор Александр Гельевич Дугин

Главный редактор

д. пол. н. А. Г. Д у г и н

Редактор-составитель

Л. В. С а в и н

Верстка

В. В. А л т у х о в

Оформление обложки

В. В. Алтухов

Подписано в печать 05.04.2013. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.

Усл. п. л. 12,5. Тираж 550 экз.

«Евразийское Движение»

РФ, 117105, Москва, Варшавское ш. 1/1-2,

бизнес-центр W-Plaza, офис А308.

Тел./Факс (495) 783 68 66